

The book cover features a woman with long, wavy blonde hair, seen from the back and slightly to the side. She has a dark, circular tattoo with a five-pointed star on her upper back. She is wearing a black, strapless top and dark jeans with a brown belt. The background is a dark, atmospheric scene with stone walls and a bright light source in the distance, creating a sense of mystery and suspense. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and blacks, with highlights from the light source.

КАРЕН
ЧЭНС

Touch the Dark
ПРИКОСНИСЬ
КО ТЬМЕ

Судьба наградила Кассандру Палмер удивительным даром — она умеет разговаривать с призраками и видит то, что произойдет завтра. В четыре года сделавшись сиротой, маленькая Кэсси обретает приют в доме вампира Антонио. Она не знает, что хозяин дома напрямую причастен к смерти ее родителей и пользуется даром девочки для осуществления своих преступных планов. Став взрослой, Кассандра сбегает из ненавистного дома, и с той поры жизнь ее становится постоянным бегством — девушку преследует не только Антонио, за ней охотится могущественный Сенат древних вампиров, мало того, сам Распутин, вампир, наводящий страх даже на всемогущий Сенат, жаждет получить ее в свои руки. Кажется, нет надежды вырваться из сужающегося кольца преследователей, только чудо способно спасти Кассандру, и чудо происходит. Это чудо — любовь.

Карен Чэнс

Прикоснись ко тьме

Тёмная любовь

От автора

Мне хотелось бы поблагодарить Мэри за внимательное прочтение первого, кошмарно отпечатанного на машинке варианта романа и Марлин, давшую мне приют в своем доме, пока я доводила роман до ума. Моя благодарность также Энн Соуардс, великому редактору (все оставшиеся в тексте ошибки целиком и полностью на моей совести), и Луизе Эдварде, подарившей роману оригинальное название.

Я заподозрила неладное, когда увидела некролог. В нем стояло мое имя, что в некотором смысле можно было считать разгадкой. Я не поняла только одного — как им удалось меня найти и у кого из них было такое странное чувство юмора. Антонио всегда был плохим шутником. Никогда не могла понять, отчего это — то ли потому, что он мертвец, то ли потому, что злобный сукин сын.

Некролог появился на экране компьютера вместо обычного логотипа туристического агентства. Словно кто-то отсканировал вырезку из газеты и сделал из нее графическую заставку. Полчаса назад, когда я уходила перекусить, ее там не было. Если бы не охвативший меня страх, я бы удивилась. Никогда бы не подумала, что кто-то из дружков-бандитов Тони знает, что такое компьютер.

В тот вечер я читала присланное неизвестным шутником зловещее описание моей смерти, одновременно пытаюсь нащупать пистолет в ящике стола. Вообще-то говоря, дома у меня было кое-что и получше, так сказать, несколько сюрпризов, но бежать домой, бросив все дела, не хотелось. И пока мне не угрожала реальная опасность, я носила в сумочке только одно оружие — небольшую деревянную колотушку, предназначенную для возможных грабителей. После трех с лишним лет достаточно безоблачного существования я начала сомневаться, нужно ли мне и это. Я бы даже сказала, что стала беспечной и надеялась, что меня-то уж никто не убьет.

За моим именем шло длинное описание несчастного случая, якобы произошедшего со мной: некто неизвестный прикончил меня на улице двумя выстрелами в голову. На газете стояла завтрашняя дата, однако моя смерть должна была произойти сегодня вечером, в восемь сорок три, на Персиковой улице. Я взглянула на часы: без двадцати восемь, значит, мне дали час форы. Что-то уж больно щедро для Тони. Наверное, я жива только потому, что убивать меня просто так, из-за угла, киллеру неинтересно. Видимо, для меня нужно было придумать что-нибудь покруче.

Наконец я нащупала свой «Смит и Вессон 3913» под буклетом с рекламой круиза до Рио. Может, судьба подает мне знак? Впрочем, с деньгами у меня, естественно, туго, да и как круглолицая голубоглазая блондинка может спрятаться среди черноглазых сеньорит? К тому же у Тони и в Бразилии могут быть свои люди. Когда живешь так долго, что еще помнишь, как перепил самого Микеланджело, поневоле обрастаешь связями.

Выудив из специального отделения сумочки пакетик жевательной резинки, я сунула вместо него «смит-вессон». Он поместился туда легко, словно место предназначалось именно для него; впрочем, так оно и было. Свой первый пистолет и три сумочки я купила четыре года назад, следуя рекомендации одного федерального агента по имени Джерри Сидел. Как и все, он считал меня немного сдвинутой, но после того, как я помогла разгромить одну из самых крупных преступных группировок в Филли^[1], соизволил время от времени давать мне бесплатные советы. Джерри помог мне достать девятимиллиметровый полуавтоматический пистолет с маленькой рукоятью (как раз по моей руке) и невероятной убойной силой.

— Ухлопает любого, кроме призрака и вампира, — с ухмылкой сказал он. — С

нечистью будешь справляться сама.

Потом он каждый день в течение двух недель учил меня стрелять; в результате если я и не попадала с двух шагов в стену сарая, то посылала пулю почти рядом с ней. Потом я тренировалась сама — как только у меня выпадала свободная минута, так что теперь я уж точно могла попасть в сарай — если он был достаточно велик и находился не далее чем в десяти футах. Честно говоря, втайне я надеялась, что всегда буду стрелять только по мишеням. Не моя вина, что эти надежды не сбылись.

Думаю, что Джерри испытывал ко мне симпатию — наверное, я напоминала ему старшую дочь — и потому старался наставить на путь истинный. Решил, что в детстве я связалась с плохой компанией, — знал бы он, насколько был прав! — потом понял, в чем дело, и решил использовать меня на благо государства. Как он объяснял тот факт, что двадцатилетняя сиротка прекрасно разбирается во внутренних распрях огромной криминальной «семьи», я не знаю до сих пор, только, конечно уж, он не верил в «колдовскую бредятину», как он это называл. Джерри вообще не верил во все сверхъестественное — абсолютно. И поскольку мне вовсе не хотелось, чтобы в один прекрасный день меня заперли в комнате, где стены обиты мягкой материей, я не рассказывала ему о своих видениях, а также ни словом не обмолвилась о том, насколько он был близок к истине, когда говорил о призраках и вампирах.

Я всегда притягивала призраков, как магнит. Может быть, так происходит со всеми ясновидящими, не знаю. Тони всегда крайне осторожно подходил ко всему, чему меня учили; думаю, боялся, что если я буду знать слишком много, то найду способ применить свои способности против него, поэтому я и сейчас знаю не слишком много о своем даре. Разумеется, очень может быть, что духи стремятся ко мне просто потому, что я способна их видеть: должно быть, это очень обидно — общаться с теми, кто даже не подозревает, что ты стоишь рядом. Не могу сказать, что духи меня преследуют, просто они любят показываться мне на глаза.

Иногда мне это даже нравится, как с той старушкой, которую я встретила в аллее парка, когда подростком сбежала из дома. Обычно я вижу духов четко, с ног до головы, особенно тех, кто стал таковыми совсем недавно и обладает мощной энергией, поэтому я не сразу поняла, кто стоит передо мной. Она объяснила мне, что служит кем-то вроде ангела-хранителя для своего внука, которого сама вырастила. Она умерла, когда ему было десять лет; ее дочь завела себе очередного бойфренда, и тот принялся избивать мальчишку, как только поселился в доме. Через месяц парень сбежал. Старушка сказала, что не для того оберегала внука десять лет, чтобы бросить его сейчас, поэтому, как она считает, Бог согласится немножко ее подождать. Прежде чем уйти, я дала парнишке денег на автобус, чтобы он смог уехать к своей тетке в Сан-Диего. Естественно, Джерри я ничего не сказала. Он не верил в то, что не мог увидеть собственными глазами, потрогать или всадить пулю; в наших беседах призраки всегда были запретной темой. Надо ли говорить, что и в вампиров он также не верил, во всяком случае, до тех пор, пока однажды ночью его не прихватила парочка боевиков Тони и не перерезала ему глотку.

Я знала, что должно было случиться с Джерри, потому что увидела последние секунды его жизни, когда принимала ванну. Как обычно, я получила билет на живое и яркое представление, то бишь кровавую резню, из-за чего поскользнулась на мокром полу и едва не свернула себе шею. Когда я пришла в себя настолько, чтобы удержать в руке телефонную трубку, то позвонила в офис Программы защиты свидетелей, однако ответившая мне

операторша отнеслась к моему сообщению с подозрением, особенно после того, как я сказала, что не могу объяснить, откуда я все это знаю. Она не очень уверенно пообещала, что отправит Джерри сообщение; видимо, ей не хотелось портить ему выходные. Тогда я сама позвонила главному головорезу из окружения Тони — вампиру по имени Альфонс — и спросила его, помнит ли он, что ему поручено узнать, где прячет меня правительство, и что теперь ему вовсе незачем, рискуя навлечь на себя гнев Сената, убивать людей, которые все равно ничего не знают. Джерри не был им нужен, поскольку его информация давно устарела.

Честно говоря, мне никогда не удавалось изменить последствия своих видений, но я надеялась, что упоминание Сената заставит Альфонса дважды подумать. Сенат — это группа по-настоящему старых вампиров, которые издают законы и которым все обязаны подчиняться. Вообще-то судьба людей заботит их не больше, чем Тони, просто им нравится наслаждаться полной свободой по той причине, что никто не верит в их существование, и оттого безнаказанно творить все, что вздумается. Однако убийство федерального агента — это уже серьезно, за это могут и наказать. Но... беседуя со мной, Альфонс нес разную чепуху, пока его ребята спокойненько отслеживали, откуда я звоню. Все кончилось тем, что я поспешно смоталась из города, не дожидаясь, когда в мою дверь позвонят. Я рассудила так: если правительство до сих пор не верит в существование вампиров, значит, оно не сможет меня защитить, и, следовательно, мне придется защищать себя самостоятельно. Последующие три года показали, что я была права. До сегодняшнего дня.

Я не стала в панике хватать все, что попадется под руку; из офиса я вынесла только пистолет. Первое правило для тех, кому приходится спасать свою жизнь, — чем меньше у тебя вещей, тем лучше. Конечно, девятимиллиметровкой вампира не свалишь, но для мелких поручений Тони частенько использовал людей. Не станет же он ради меня привлекать к делу настоящих профи. Я боялась не столько получить пулю в лоб, сколько перспективы навечно стать его собственностью. Нет, превращать меня в вампира он не станет — однажды он уже сделал вампиром одного психа, который потом окончательно спятил; ему нужна не я, а мой дар, и рисковать он не станет. Я боялась другого — что, если он затеял со мной игру, ставка в которой — мой дар? Если я его потеряю, Тони сделает со мной все, что угодно, заставив сполна заплатить за все неприятности, что я ему причинила; если же сохраню — он получит бессмертного и преданного адепта, поскольку противиться воле обратившего тебя вампира практически невозможно. Для него ситуация была беспроигрышной, особенно если учесть, как долго копилась его ярость. Я проверила барабан пистолета — полный. Так просто они меня не возьмут, ну а если все же загонят в угол, я скорее проглочу пулю, чем соглашусь признать этого мерзавца своим хозяином.

На этот раз, прежде чем совершить прыжок в новую жизнь, мне нужно было кое-что сделать. Из своего офиса — на тот случай, если парни из команды Тони вздумают перепутать время, — я выбралась через окно в туалете. Когда смотришь такие трюки по телевизору, все кажется очень легко. Я вылезла наружу с расцарапанным бедром, порванными колготками и окровавленной губой, которую я прикусила, чтобы не выражаться. Спрыгнув на землю, я побежала по грязной боковой улочке к гаражу, откуда рванула в сторону Уэффл-хаус. Пробежка была короткой, но волнующей. Знакомые аллеи внезапно превратились в темные закоулки, где могли прятаться головорезы Тони, каждый звук казался щелчком взводимого курка.

Автостоянка возле Уэффл-хаус была залита огнями; пересекая ее, я совсем выдохлась. К

счастью, телефоны-автоматы стояли в тени, на углу здания. Заскочив в будку, я выудила из сумочки несколько монет. Я ждала до двадцатого гудка, прежде чем прикусить губу и сказать себе, что ничего страшного не случилось. Был вечер пятницы — возможно, из-за шума ничего не слышно или у них нет времени подойти к телефону.

Пешком я добиралась туда довольно долго, поскольку старалась держаться в тени и одновременно не вывихнуть лодыжку в своих новых, выше колена, сапогах на шпильках. Я их купила потому, что они отлично сочетались с моей классной кожаной мини-юбкой, как уверяла меня продавщица; сапоги я собиралась продемонстрировать в клубе после работы, однако для бега они, как теперь выяснилось, совершенно не годились. Я, конечно, прирожденная ясновидящая, но почему я не надела теннисные туфли или что-то в этом роде, ума не приложу. Дура чертова. Вот так всегда; и в лотерею мне никогда не везет. И что я в конечном счете вижу? Всякую чепуху вроде ночных кошмаров и горячечных галлюцинаций, больше ничего.

Стоял один из тех душных вечеров, какие бывают в Джорджии, когда воздух окутывает тебя, как тяжелое одеяло, а влажность выходит за рамки всех разумных пределов. Уличные фонари были окружены прозрачной дымкой, и улицы освещала главным образом луна, отражаясь в мокром после дождя асфальте и посеребрив лужи. Ночь лишила цвета все здания, выкрасив их в единый серый тон, сливающийся с тенями и скрывающий верхушки небоскребов. Эта старая часть города казалась какой-то нереальной, потерявшейся во времени, особенно когда я проходила мимо дома Маргарет Митчелл на Западной Персиковой улице, поэтому я даже не удивилась, когда из-за угла внезапно вынырнул конный экипаж, на которых обычно катают туристов; странно было другое — он летел на полной скорости и едва не сшиб меня с ног.

На секунду передо мной мелькнули испуганные лица туристов, намертво вцепившихся в сиденья, затем экипаж с размаху наехал на поребрик тротуара, с грохотом отлетел в сторону и понесся дальше по улице. Выбравшись из грязной канавы, я подозрительно огляделась по сторонам, но, услышав за спиной веселый смех, поняла, почему старая и толстая кляча внезапно рванула вскачь, решив установить рекорд скорости. Мимо проплывала едва видимая полоска тумана. Выражаясь метафизически, я ухватилась за нее.

— Порция! Это совсем не смешно!

Смех зазвенел снова, и из тумана показалась хорошенькая южанка в пышном кринолине.

— Еще как смешно. Ты видела их лица?

Веселые искорки вспыхивали в голубых глазах, которые некогда были еще голубее, чем мои, но сейчас, ночью, казались темно-синими, как грозовые тучи.

Я полезла в сумочку за салфеткой, чтобы вытереть сапоги.

— Опять взялась за старое? Если ты и дальше будешь пугать туристов, с кем ты останешься?

Не так-то много найдется туристических компаний, которые согласились бы считать Атланту, подобно Саванне или Чарльстону, историческим местом, где можно проводить экскурсии в старинных экипажах. Если Порция собиралась и дальше разыгрывать свои шуточки, то очарование этого южного городка — вернее, того, что от него осталось после воцарения таких гигантов, как музей «Мир „Кока-колы“», Центр Си-эн-эн и торгово-развлекательный комплекс «Андеграунд Атланта молл», — находилось под угрозой.

Порция надула губки; наверняка эту очаровательную гримасу она не раз изучивала

перед зеркалом — когда была жива.

— Какая же ты скучная, Кэсси.

Я бросила на нее унылый взгляд, пытаюсь стереть с сапог грязь, но лишь размазала ее. Что делать, никогда я еще не бегала в таком шикарном виде.

— Я не скучная, просто мне сегодня не до смеха. Пошел дождь; его струи проникали сквозь Порцию и падали на землю. Ненавижу такие вещи; это все равно что смотреть телевизор сквозь помехи на экране.

— Ты не видела Билли-Джо?

Билли-Джо — это что-то вроде моего духа-охранника. Правда, чаще всего он оказывался скорее занозой в заднице, чем помощником, но сейчас мне выбирать не приходилось. Билли — это то, что осталось от одного американца ирландского происхождения, заядлого игрока и мошенника, который как-то раз, в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году, как обычно, передернул в карты. Парочка разгневанных ковбоев, заподозрив мошенничество (абсолютно справедливо), сунула Билли в мешок и швырнула в Миссисипи. К счастью для парня, совсем недавно он выиграл у одной путешествующей графини массивное и жутко некрасивое ожерелье, служившее чем-то вроде батарейки, накапливающей магическую энергию призраков, которую оно впитывало из окружающего мира. Дух Билли, покинув тело, забрался в это самое ожерелье, где и остался, обитая в нем так же, как обитают в склепах обычные привидения. Ожерелье давало ему достаточно энергии, чтобы поддерживать существование, и все же главным источником для него была моя жизненная энергия, которую он время от времени от меня получал. Ожерелье графини я купила в одной лавчонке, когда мне было семнадцать; с тех пор мы с Билли стали одной командой. Конечно, его нельзя было посылать с записками в клуб, и мне приходилось ходить туда самой, зато он мог стоять на стреме на тот случай, если поблизости окажутся плохие ребята. В общем, всякий раз, когда мне удавалось его отыскать, он, в силу своих способностей, оказывал мне небольшие услуги.

В Атланте полно привидений, и большинство из них — совершенно никчемные существа вроде Билли-Джо, которые любят лезть на глаза просто так, «пока мы не исчезли совсем». Но есть среди них и духи-охранники, и даже психические импринты, которых в техническом смысле нельзя отнести к привидениям. Импринты — это что-то вроде театра потустороннего мира, где тебе показывают одну и ту же сцену до тех пор, пока ты не начинаешь визжать. При этом показывать они предпочитают разные ужасы, и отделаться от них не так-то просто. Когда я впервые приехала в Атланту, то первое, что сделала, отправившись изучать расположение улиц, это проверила их на наличие зон обитания импринтов. Их оказалось около пятидесяти, и все демонстрировали различные эпизоды огромного пожара, охватившего город в начале Гражданской войны; остальные оказались совсем слабенькими и могли вызвать разве что легкий испуг. Однако между моей квартирой и агентством, где я работала, находилась зона, где когда-то был затравлен собаками сбежавший раб. Увидев эту сцену один раз, я стала обходить то место стороной. Мне и без того хватает тяжелых воспоминаний, так что чужие кошмары мне вовсе ни к чему.

Но Порция — это не импринт, это гораздо хуже. Порция относится к тем призракам, которые раз за разом переживают трагедию своей жизни, что действует на тебя совсем не так, как бессмысленная картинка на экране. Они вцепляются в тебя намертво, они одержимы своей идеей, как те люди со сдвинутой психикой, что моют руки по пятьдесят раз на дню. Кроме того, они очень подвижны и способны следовать за тобой повсюду, все

двадцать четыре часа в сутки. Билли-Джо я долго утешала и успокаивала — он был ужасно расстроен тем, что умер молодым. Но затем на меня обрушился такой поток жалоб и стенаний типа «о, как бы я мог (могла) жить!», что я потеряла терпение.

К несчастью, я застала Порцию в хорошем настроении; потребовалось больше десяти минут, прежде чем она выговорила, и после подробного описания пуговиц из слоновой кости, которые она так и не пришила к своему свадебному платью, мне удалось выяснить, что Билли-Джо она не видела. В этом весь Билли. То его не прогнать, то не найти, когда он действительно нужен. Вероятно, раздражение отразилось у меня на лице, потому что Порция внезапно прервала свой рассказ о вечеринке, на которой подрались два офицера, поспоривших за право на следующий танец. Это было одно из ее любимых воспоминаний, поэтому она немного рассердилась, заметив, что я не слушаю.

— Ты сегодня рассеянна, Кэсси. Что случилось?

При этих словах она резко сложила свой кружевной веер — плохой признак, указывающий на то, что Порция раздражена.

— Тони нашел меня, так что мне нужно убраться из города. Но сначала я должна сходить в клуб, поэтому кому-нибудь придется пойти со мной, чтобы посторожить.

Лучше бы я этого не говорила. Порция вытаращила глаза, затем радостно хлопнула затынутыми в перчатки изящными ручками.

— Ой, какая прелесть! Я пойду с тобой, я!

— Гм, это очень мило с твоей стороны, Порция, но я не думаю, что... В смысле, как ты сможешь пройти в клуб?

Однако в глазах Порции уже появился знакомый стальной блеск, и я сразу отступила. В спокойном состоянии Порция — милочка и душечка, но если ее разозлить, она начинает мстить.

— Ничего, мне кто-нибудь поможет, — пообещала она. — Это будет все равно что вечеринка!

И, взмахнув пышными юбками, исчезла, а я вздохнула. Друзья Порции еще более надоедливы, чем она, и все же это лучше, чем ничего. К тому же мне не придется беспокоиться, что банда Тони их заметит. Даже если он пришлет вампиров, они ни черта не увидят.

Как ни странно это звучит, но очень многие существа из потустороннего мира не верят в призраков. О, некоторые из них считают, что возле свежей могилы вполне может обитать какой-нибудь несчастный дух, который никак не хочет смириться с неизбежным, однако мало кто поверит, если я скажу, как много призраков бродит среди людей, сколь они разнообразны и как активны могут быть некоторые из них. Духи вроде Порции и Билли-Джо для потустороннего мира — все равно что вампиры для мира людей, просто старинные сказки и легенды, не имеющие под собой никаких оснований. Что вам на это сказать? Мы живем в странном мире.

В клуб я прибыла через несколько минут, запыхавшаяся, с болью под ребрами, но целая и невредимая. Явиться туда открыто было, конечно, плохой идеей. Даже если за мной и не следили, слишком многие знали, где я работаю. К тому же клуб находился совсем недалеко от Персиковой улицы — не самое приятное совпадение. Ну ничего, если меня убьют, я буду являться Тони каждый день. С другой стороны, мне нельзя покидать этот мир, не предупредив об опасности моего соседа по квартире и не уладив с ним кое-каких дел. Я и так много чего ему должна, зачем усложнять дело?

Клуб с его высокими потолками и стальными балками, с его покрытыми граффити бетонными стенами и огромным танцзалом был гораздо просторнее большинства подобных заведений, однако в ту ночь под ослепительными вспышками прожекторов толклось так много народа, что на меня едва не накатил приступ клаустрофобии. Впрочем, толчея была мне на руку — так легче затеряться. Мне удалось пробраться к стойке без приключений — во всяком случае, без размахивания пистолетом, что в моем случае было равносильно самоубийству.

Заболел один из барменов, людей не хватало, и Майк, едва заметив меня, попросил встать за стойку. В другой раз я бы не отказалась, поскольку моя обычная работа зазывалы дает не слишком-то много чаевых. Три раза в неделю я сижу в клубе и гадаю на картах Таро, хотя не очень люблю это занятие. Я использую карты, потому что так положено, хотя мне вовсе не нужно рассматривать древние картинки, чтобы увидеть будущее. Мои видения приходят ко мне в полном цвете, со звуком, и мне этого более чем достаточно. Однако большинство людей предпочитают стандартный, проверенный способ гадания, и я не возражаю. Как я уже говорила, я лучше вижу плохое. Впрочем, в тот вечер я отклонила шанс заработать несколько баксов. Все-таки не за стойкой же проводить последние часы своей жизни!

— Погадай мне! — перекрывая шум, гаркнул Майк, мастерски жонглируя бутылками, как Том Круз в каком-то фильме, к полному восторгу танцующих.

Я вздохнула и полезла в сумочку. Пальцы нащупали засаленную колоду карт — подарок на десятый день рождения от моей старой гувернантки Эжени. Когда-то на эти карты одна ведьма шутки ради наложила заклятие; с тех пор я пользуюсь ими, чтобы повеселить очередного клиента. Однако мои предсказания, которые действуют словно кармический круг, имеют нехорошую привычку сбываться. Я вытащила наугад первую карту. Этого еще не хватало!

«Башня», — пробубнил глухой голос, после чего я поспешно вложила карту в колоду и убрала ее в сумочку.

— Ну как, нормально? — спросил Майк, прежде чем обратить все свое внимание на подошедшую к стойке хорошенькую блондинку.

Я молча кивнула и поспешила затеряться в толпе, пока он не услышал чего-нибудь еще. Голос доносился из моей набитой всякой всячиной сумочки и напоминал скорее хриплое карканье, но мне не нужно было прислушиваться, чтобы его узнать. «Башня» — знак резких и внезапных перемен, поворота судьбы. Я пыталась уверить себя, что все могло быть гораздо хуже — например, могла выпасть и «смерть», но это служило плохим утешением. «Башня» — это, наверное, одна из самых страшных карт. Знак смерти может иметь множество смыслов, и большинство из них вовсе не означают физическую смерть, тогда как «башня» — знак тревог и волнений, даже беды, причем именно для тех, кто предпочитает тихую жизнь. Я вздохнула; в конце концов, этого следовало ожидать.

Томаса я нашла в Подземелье — так Майк называл зал, расположенный в подвале; он пробирался через колышущееся море одетых в черное тел с подносом пустых стаканов. Как обычно, он выглядел восхитительно, если, конечно, вам нравятся стройные юноши с нежной бледной кожей и гривой черных волос, ниспадающих до самого пояса. Его лицо могло показаться грубоватым, однако чересчур высокие скулы и резкие черты скрадывались за счет утонченности и благородства его облика. На этот раз его волосы были заплетены в тугую косу — верный признак того, что Томас очень занят, поскольку в другое время он их

распускает; несколько прядей роскошных волос выбились из косы и падали ему на лицо. Наряд для него придумал Майк: ажурная рубашка из черного шелка, которая скорее демонстрировала тело, чем его прикрывала, узкие черные джинсы, обтягивающие ноги, словно вторая кожа, и черные кожаные сапоги, достающие чуть не до бедер. Он был похож скорее на стриптизера, чем на официанта, но даже здесь, в баре, экзотическая внешность и невероятная, манящая сексуальность Тома, проявлявшаяся в каждом его движении, многим вскружили голову. Да и я, честно говоря, попала под эти чары.

Год назад Майк пришел к выводу, что в Атланте и так хватает баров в стиле кантри-энд-вестерн, а потому обычную семейную забегаловку он превратил в модный клуб с танцполом для любителей прогрессивного рока наверху и местом встречи готов в подвале. Старшему поколению это не понравилось, зато молодежь повалила в клуб валом. Внешность Томаса подходила к обстановке клуба как нельзя лучше, бизнес процветал, но меня беспокоило другое — Томасу постоянно приходилось отгонять от себя назойливых поклонников. Во всяком случае, я считала, что он их отгоняет, поскольку он ни разу не привел кого-то к себе домой. И все же я не раз думала о том, что найти для Томаса подобную работу было одним из самых глупых моих поступков.

Сейчас Томас выглядел намного лучше, чем в тот раз, когда я увидела его впервые; тогда он ошивался в местной ночлежке с тем ничего не выражающим взглядом, который был мне так хорошо знаком, — я выглядела примерно так же, когда вела неприкаянную жизнь. Лайза Портер, менеджер и добровольная опекушка постоянных обитателей этого заведения, представила нас друг другу, когда я заскочила туда во время одного из своих заданий. Копаясь в кучах старой одежды, которую нужно было рассортировать по степени изношенности, мы с Томасом перекинулись парой слов. Видимо, что-то в нем меня привлекло, поскольку в тот же вечер я поговорила о нем с Майком, и после короткого собеседования тот взял Томаса на работу. Майк сказал, что такого замечательного работника у него еще не было — ни разу не заболел, ни на что не жалуется и выглядит как картинка. Что касается последнего, тут я могла бы поспорить — Томас, конечно, красивый парень, но его безупречной коже явно не хватало чего-то вроде прыща или шрама, в общем, чего-то такого, что заставило бы поверить в ее реальность. Он гораздо больше, чем все известные мне вампиры, походил на восставшего из мертвых, сочетая в себе врожденную выдержку и спокойную уверенность в себе. Однако Томас был живым человеком и, пока рядом с ним находилась я, должен был таковым и оставаться.

— Томас, у тебя найдется минута?

Не думаю, что он услышал меня сквозь тот невероятный грохот, который диджей считал музыкой, но кивнул. В такой час я никогда не появлялась в клубе, и Томас сразу понял — что-то случилось. Мы начали пробираться сквозь толпу; я поймала на себе недовольный взгляд какой-то женщины с лиловыми дредами и черной губной помадой — ну как же, ведь я утаскивала главную приманку! А может, ей просто не понравились моя жизнерадостная футболка и серьги. Обычно я одевалась как гот или просто надевала побольше черного, стараясь при этом выглядеть не слишком ужасно — рыжеватым блондинкам черное не идет, — но так было только тогда, когда я приходила в клуб работать. Очень быстро я поняла, что клиенты не принимают всерьез гадалку, если на ней одежда пастельных тонов. Однако в свободное время я могла позволить себе одеваться не так, словно собралась идти на похороны. Мне и без того хватает депрессий.

Обогнув стойку, мы зашли в дальнюю комнату, которую использовали в качестве

кладовки. Здесь было потише, и мы даже могли расслышать друг друга, повышая голос до крика. Впрочем, адский шум не слишком волновал меня. Едва осмеливаясь смотреть Томасу в глаза, я мучительно подбирала слова. Как и я, он рано оказался на улице. Но в отличие от меня ему было нечего продать, кроме самого себя. Мне очень не нравилось выражение его глаз, когда я заговаривала с ним о его прошлом, поэтому я старалась избегать вопросов, которые тем не менее постоянно вертелись у меня на языке. Дети улицы рассказывают в основном одну и ту же историю — как их использовали, унижали и под конец вышвырнули из дома. Я думала, что оказала Томасу услугу, поселив в свободной комнате своей квартиры и найдя для него постоянную работу, однако испытать на себе его гнев было достаточно высокой ценой за шесть месяцев моей тихой и размеренной жизни.

Наши отношения были не настолько близкими, чтобы я знала, как незаметно для Томаса ограждать его от неприятностей. Трудность заключалась в том, что ни он, ни я не любили откровенничать, поэтому для начала мы не на шутку поссорились. В тот вечер я, выйдя из ванной, обнаружила его на своей постели, абсолютно голого, с разметавшимися по белоснежной простыне волосами. Я застыла как вкопанная, вцепившись в свое полотенце с надписью «Винни-Пух», и тарасилась на Томаса, который с кошачьей грацией развалился на моем пуховом одеяле. Он был ничуть не смущен, и я знала почему; конечно, он совсем не был похож на голодающего беспризорника. Я ни разу не спросила его, сколько ему лет, поскольку была уверена, что он младше меня. И следовательно, не имел права так на меня смотреть.

Я невольно следила за его рукой, когда он медленно провел ею по своему телу от груди до бедра. Это было явное приглашение, и мне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что происходит. Наконец до меня дошло, что Томас, по-видимому, просто хочет заплатить за комнату — другого способа он не знал. Согласно закону улицы, ничто не дается бесплатно, поэтому, когда я отказалась взять с него деньги, он решил, что мне нужно кое-что другое. Конечно, мне следовало с ним поговорить, объяснить, что я тоже многое повидала в жизни, что меня тоже использовали и что я не хочу поступать так же с другими. Может быть, тогда мы просто поговорили бы и на этом все закончилось. К несчастью, я совершила ошибку — вышвырнула его из спальни, попутно набросив на него одеяло. Не знаю, что он тогда обо мне подумал, потому что больше мы об этом не вспоминали. С тех пор мы стали обычными мирными соседями — по очереди занимались уборкой квартиры, готовили, ходили по магазинам... и хранили свои секреты друг от друга. Иногда я ловила на себе его внимательный взгляд и думала, что он наверняка ждет, когда я поступлю с ним так же, как с остальными, — предложу расстаться. В такие минуты я ненавидела себя, потому что именно это я и собиралась сейчас сделать.

— Решила уйти пораньше? — спросил он и легонько провел рукой по моей щеке; я отступила на шаг, чтобы быть подальше от его доверчивых глаз. Сейчас я ему все скажу, но видеть, как в его взгляде гаснет вера в людей, было выше моих сил.

— Нет. — Я переминалась с ноги на ногу, мучительно подбирая слова. Не его вина, что мою жизнь собираются спустить в унитаз. Уже в который раз. — Мне нужно сказать тебе что-то очень важное. Ты меня выслушаешь и сделаешь то, что я попрошу, о'кей?

— Ты уезжаешь.

Не знаю, как он догадался. Может быть, по глазам. Наверное, уже когда-то видел такой взгляд.

— У меня нет выбора.

Не сговариваясь, мы вышли во двор, на каменную площадку перед задней дверью. По крайней мере, там было потише. В воздухе пахло дождем, однако ливень, который бушевал весь день, начал потихоньку слабеть. Если я потороплюсь, то, возможно, успею вскочить в автобус, не промокнув до нитки.

— Помнишь, я говорила тебе, что у меня неприятности?

— Да, но тебе нечего бояться, я же с тобой.

Он улыбнулся, но мне не понравилось выражение его глаз. Я не хотела, чтобы он меня любил, чтобы скучал по мне. Черт, не получается у меня разговор. Ладно, забудем о тонких чувствах, все равно я в них ничего не смыслю.

— Слушай, у меня и в самом деле большие неприятности, мне надо сматываться. — Не слишком понятное объяснение, но как я могла сказать, что меня преследует банда вампиров, которые меня вырастили и которых я постараюсь уничтожить, и что эти самые вампиры назначили за мою голову награду? Томасу никогда не понять мира, откуда я пришла, даже если бы я рассказывала о нем всю оставшуюся жизнь. — В квартире бери все, что захочешь, только мою одежду отнеси, пожалуйста, в ночлежку. Лайза найдет ей применение.

Мне было жаль моего тщательно подобранного гардероба, но что поделать...

— Кэсс...

— Я еще успею поговорить с Майком. Уверена, он разрешит тебе пожить здесь пару недель на тот случай, если меня будет кто-нибудь спрашивать. В нашу квартиру тебе лучше пока не возвращаться.

Под крышей здания находилась маленькая квартирка-студия, в которой жили его прежние владельцы, чтобы не нужно было ездить на работу. Майк редко пользовался ею, поэтому о ней мало кто знал. И мне было бы гораздо спокойнее, если бы я знала, что Томас переехал туда. Не очень-то приятно сознавать, что ворвавшаяся в мою квартиру банда разъяренных вампиров обнаружит в ней не меня, а Томаса.

— Кэсси. — Томас робко взял меня за руку, словно боясь, что я ее отдерну. Наверное, после того дурацкого случая он решил, что я не люблю, когда ко мне прикасаются. Я никогда не пыталась его в этом переубедить, потому что, честно говоря, мне было удобнее сохранять между нами некоторую дистанцию. Пусть себе спокойно живет и работает. — Кэсси, я иду с тобой.

Он сказал это спокойно, словно само собой разумеющееся.

Мне не хотелось его обижать, но глупо затевать дискуссию, когда на твой след уже вышел убийца.

— Нет. Прости, но двоих вычислить гораздо легче, чем одного, к тому же если меня схватят...

Я замолчала, потому что не знала, как объяснить, что с ним может произойти, и при этом не показаться психопаткой. Конечно, за свою жизнь Томас повидал всякого и уж наверняка мыслит шире, чем дураки копы, которые принимают за наркомана или психа каждого, кто пытается заговорить о вампирах. Впрочем, даже если бы я и смогла ему все объяснить, времени на разговоры у нас не было.

— Прости. Мне пора.

Не так я представляла себе наше прощание. Сколько раз мне хотелось с ним поговорить, но я не решалась, боясь, что он неправильно меня поймет. А теперь, когда я наконец решилась, мне нужно уходить.

Я попыталась освободить руку из его пальцев, но он с неожиданной силой крепко ее

сжал. Я уже хотела сказать «пусти», как вдруг ощутила пронзившее меня насквозь знакомое отвратительное чувство. В душном воздухе появилось что-то холодное, темное и враждебное. Не знаю, как остальные, но я всегда чувствую приближение вампиров. Это как у тех, кто чувствует, что по их могиле кто-то ходит — легкая дрожь в позвоночнике и ощущение тревоги. Приближения призраков я обычно не чувствую — в отличие от вампиров. Быстро окинув взглядом улицу, я заметила, как в свете уличного фонаря мелькнула черная тень.

— Вот черт!

Вывхватив пистолет, я втокнула Томаса обратно в кладовку. Не знаю, правда, зачем — если Тони послал за мной вампиров, дверь от них не спасет. Однажды я видела, как Тони одним движением своих изящных, унизанных кольцами пальцев сорвал с петель тяжелую дубовую дверь только потому, что был в плохом настроении и не мог найти ключ.

— Что случилось?

— Появился кое-кто, кого я не хочу видеть. Взглянув на Томаса, я увидела его окровавленное лицо и тот пустой взгляд, какой появляется у мертвеца. Это было не Предвидение, просто мой мозг разыграл возможный сценарий, но я уже сориентировалась. Вампиры не станут врывать в клуб и убивать всех подряд, чтобы найти меня. Тони слишком боится Сената, чтобы согласиться на массовую резню, но убрать с дороги какого-то уличного бродягу для него сущий пустяк. Он дал мне это понять, когда сделал меня сиротой; мне тогда было четыре года, и я была ему нужна, вернее, не я, а мой дар. Родители встали на пути его амбиций, и он просто убрал их с дороги. Вот так. Сенат тогда замаял это дело как не представляющее особой важности. Итак, прежде всего нужно вывести Томаса из-под огня.

— Я должна немедленно уходить, иначе всем будет плохо. Они видели, как мы с тобой разговаривали, так что теперь ты в опасности. Они подумают, что ты знаешь, где меня можно найти.

Я потянула его за собой, на ходу пытаюсь сообразить, что делать дальше. Ну зачем я потащила в клуб, зачем позволила им увидеть Томаса? Несмотря на все мои уверения, половина завсегдатаев клуба считала нас любовниками. Если вампиры станут меня искать, им укажут на Томаса, и тогда его будут пытаться, пока он не умрет. Не нужно мне было ни с кем связываться, я же знала, что в моем случае это невозможно! Я вроде ядовитых испарений — подойди поближе, и тебе еще очень повезет, если ты просто умрешь. Теперь нужно спасать не только себя, но и Томаса; бедняга, придется ему забыть о своей прежней жизни. Хорошо же я ему помогла, ничего не скажешь.

Интересно, а почему вампир дал нам уйти? Мелькнул и растворился в воздухе, словно его и не было. За те несколько секунд он легко мог нанести молниеносный удар, словно змея, или спокойно пристрелить меня из-за угла, ничем не рискуя. Вампирам не нужно оружие, когда они нападают на людей, просто Сенат велит им обставлять нападения как обычные убийства, поэтому большинство парней Тони имеют при себе пистолеты. Мой убийца наверняка подозревал, что я вооружена, но вряд ли он меня боялся, даже если и не знал, что я отвратительный стрелок. Мне оставалось лишь тянуть время. Впрочем, нет; я жива только потому, что убийце приказано затеять со мной игру. В некрологе сказано: 8.43, значит, все произойдет именно в 8.43. Я уже слышала, как Тони говорит своей банде, что напоследок хочет устроить небольшой сеанс ясновидения, только на этот раз гадалке не придется себя утруждать. Наверное, меня убьют здесь, а потом отнесут на Персиковую улицу или просто, воздействуя на мозг, заставят саму идти туда, как овцу на заклание. Лично меня не устраивает ни то ни другое.

Я облизнула внезапно пересохшие губы.

— Что ж, ладно. Надень вот это и возьми пальто. Завяжи волосы. — Я взяла с полки одну из бейсболок Майка и протянула Томасу, правда, его волосы никак под нее не помещались. — Нет, надо попросить у кого-нибудь пальто с капюшоном. В своем ты слишком заметен.

Может, кто-нибудь из готов одолжит ему плащ. Если мне удастся изменить внешность Томаса, ему легче будет ускользнуть незамеченным, пока вампиры будут выслеживать меня.

— Кэсси, послушай. Можно...

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь внезапно распахнулась, словно на ней не было никаких замков, и в комнату ворвалось пятеро здоровенных вампиров, похожих не то на вышибал, не то на хиппи — гора мускулов и копна длинных, до плеч, засаленных волос.

Какую-то долю секунды мы смотрели друг на друга. Для оживших мертвецов размер значения не имеет, просто Тони любит все большое; наверное, для него важен фактор устрашения. Это сработало — я пришла в ужас. Громилы даже не попытались придать своим лицам вежливое выражение. Я знала, как выглядят вампиры, когда выходят на охоту — я видела это много раз, — но эти морды показались мне порождением ночного кошмара. Я еще успела подумать о том странном факте, что я до сих пор вспоминаю о ночных кошмарах, как все пришло в движение. Я выстрелила в одного из вампиров, целясь в сердце, но он не остановился, да я на это и не надеялась. Ну какая разница? Все равно я бы не справилась с пятью здоровенными парнями. Очевидно, Тони разъярился больше, чем я ожидала.

У меня вырвали пистолет и, развернув, вжали носом в стену. Одновременно мне так вывернули руку, что едва ее не сломали. Что происходило у меня за спиной, я не видела, поскольку была занята разглядыванием бетонного покрытия, но, судя по звукам, полетели на пол все металлические стеллажи. Затем раздался яростный рев, и по кладовке пролетел порыв горячего ветра; коснувшись моей кожи, он рассыпался градом искр. Это был колоссальный сгусток энергии; если бы я могла дышать, то, наверное, завизжала бы от боли и злости на этого негодяя, который не дал мне ни малейшего шанса на спасение. Тони не просто напустил на меня всю банду, он прислал за мной хозяина, потому что лишь хозяин мог сконцентрировать в себе столь мощную энергию; на такой удар не способны даже пять вампиров, вместе взятых. К тому же этот хозяин был явно не из старичков.

Большинство вампиров ведут жизнь рабов, служа тому, кто их обратил, не имея возможности ослушаться приказа или сбежать. Но есть среди них такие, кто, изначально обладая сильной волей, постепенно начинает накапливать энергию. Когда они достигают уровня хозяина, то могут уже сами превращать других вампиров в рабов, за что получают от обратившего их господина некоторую свободу. Седьмой уровень — это низший ранг хозяина, и большинство из них так на нем и остаются, но те, кому удастся подняться выше, с каждой новой ступенькой получают все больше возможностей и свободы. Я всю жизнь находилась при хозяевах вроде Тони, вампира третьего уровня, и знаю, что происходит, если их разозлить по-настоящему. И все же еще ни разу я не получала такого мощного удара, который, казалось, прожег во мне дырки. Ну не мог Тони уговорить вампира второго или даже первого уровня поработать киллером — стал бы он стараться ради меня! — но другого объяснения у меня не было.

Я заорала Томасу, чтобы он бежал, прекрасно сознавая, что вырваться ему не удастся; тогда державший меня вампир решил, что мне, по-видимому, не слишком больно, если я в состоянии так кричать, поэтому схватил меня за шею и сжал пальцы. Помню, в тот момент я подумала, что, если мне повезет, он не рассчитает силы и задушит меня. Не слишком радужная перспектива, и все же это лучше, чем быть приговоренной к вечному созерцанию уродливой физиономии Тони.

Однако в следующую секунду, когда у меня перед глазами уже заплясали красные огоньки, а в ушах зашумело, державший меня вампир пронзительно вскрикнул и разжал пальцы. Задыхаясь, я упала на колени, жадно глотая ртом воздух, тогда как вампир бился на полу рядом со мной, визжа так, словно его разрывали на части. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что с ним происходит, поскольку такое я наблюдала впервые. Я чувствовала жжение между лопатками, словно туда плеснули горячим маслом; там у меня находилась вживленная в кожу кривая пентаграмма, от которой сейчас исходил сильный жар. Бросив взгляд на вампира, я увидела, как по его руке и груди ползут сверкающие золотистые полосы, прожигая кожу до самых костей. Вот одна из полос подобралась к тому месту, где в тело вампира вошла моя пуля. Я смотрела, не в силах шевельнуться от ужаса. Судя по всему, ожила и пришла в действие моя защита.

По иронии судьбы, вживил мне ее сам Тони. Я-то всегда считала, что это какое-нибудь мошенничество: по мере того как я росла, росла и моя пентаграмма; в конечном счете я

получила уродливую татуировку, занимавшую половину спины и часть левого плеча. И хотя вид у нее был не слишком приятный, работала она, как выяснилось, на все сто. Правда, атаковавший меня вампир не был хозяином — энергетический удар исходил откуда-то сзади, — но как удалось моей защите справиться с таким громилой, надо было еще выяснить. Такого я не видела ни разу; был один случай, когда защита сработала, но тогда все выглядело вовсе не так эффектно — грабитель просто отдернул обожженную руку, и у меня появилась возможность удрать. Правда, в тот раз на меня напал человек. Так, может быть, действенность моей защиты зависит от силы нападающего? При этой мысли у меня появилось нехорошее предчувствие, что вскоре мне представится случай это проверить.

Я кое-что знаю о знаках защиты, поскольку Тони всегда держал при себе парочку магов для охраны своего дома и бизнеса. От них я узнала, что существуют три основные категории: заградительные знаки, энергетические и знаки личной защиты. Тони пользуется заградительными знаками, когда занимается чем-то нелегальным — иначе говоря, постоянно. Энергетические знаки более сложные: в качестве антидепрессантов они оказываются эффективнее, чем флуоксетин; их используют, когда нужно снять напряжение или помочь человеку справиться с эмоциями. Однако Тони использует их во время деловых переговоров, воздействуя с их помощью на мозг партнера. И тот вдруг становится мягким и податливым, и теряет волю, и уже согласен с тем, что Тони все знает гораздо лучше, и нужно сделать так, как он говорит. Знаки личной защиты делятся на две группы: защитные и охранные оболочки. О первой группе мне рассказывала Эжени, когда я была маленькой. Пока у меня не было защиты, я ощущала присутствие даже призрака — едва заметные энергетические следы, протянувшиеся во времени, словно светящиеся линии, в том месте, где когда-то, сотни лет назад, побывал призрак. Чем старше я становилась, тем больше обращала внимания на подобные вещи; возможно, это происходило потому, что старый дом, где жил Тони, был зажат между двумя кладбищами — индейским и первых колонистов. Наконец, когда Эжени надоело терпеть, что на уроках я постоянно отвлекалась и думала о чем-то своем, она просто показала мне, как нужно защищаться. Она научила меня управлять моим энергетическим полем — некоторые его называют аурой — чтобы пользоваться им в качестве защиты. Вскоре я уже делала это автоматически, ограждая себя от всего, кроме духов, которые были мне нужны здесь и сейчас.

Однако действенность личной защиты зависит прежде всего от силы человека, который ее использует, поскольку питается она его энергетикой; большинству людей трудно противостоять духовному или физическому воздействию, и тогда на помощь приходят «охранники». Созданные группой магов, они предназначены для охраны человека или объекта и способны отвести опасность, направляя негативное воздействие обратно, на того, кто его излучает. В результате получается так, как произошло со мной, — энергетический удар рикошетом вернулся к тому, кто его послал, заставив биться в агонии.

В нашем сообществе защита имеет огромное значение. Однажды Тони за небольшую плату нанял мага, чтобы тот создал защиту для каравана судов, перевозивших что-то нелегальное. Груз должен был выглядеть как кучи мусора, в котором, как известно, береговая охрана не слишком любит копаться. Однако маг был молод и беспечен, и защита перестала действовать в тот момент, когда суда находились на пути в порт — можно сказать, прямо на глазах представителей закона. В результате Тони потерял груз, а маг — жизнь. В то время я была слишком юной, чтобы самой контролировать надежность защиты, однако тот, кто мне ее создал, знал свое дело. Должно быть, Тони хорошо ему заплатил — редчайший

случай, между прочим.

От смрада, исходившего от обуглившегося тела вампира, у меня начали слезиться глаза. Ничего не скажешь, попала в переplet; пытаюсь справиться с приступами рвоты, я внезапно поняла, что вновь могу двигаться. Бросив отчаянный взгляд по сторонам в поисках оружия, я тут же рванула за ближайший металлический стеллаж. Моего пистолета нигде не было видно, но черта с два я уйду без него. Кроме того, несколько жалких коробок, за которыми я попыталась укрыться, вряд ли можно было назвать надежной защитой. Итак, ни оружия, ни укрытия; все, на что я могла рассчитывать, — это мой кривой знак магической защиты. Решив выбрать тактику разумного героизма, то есть бежать и прятаться, я начала медленно отступать в глубь помещения.

Если бы мне удалось хотя бы на минуту уйти от вампира-хозяина, я смогла бы добраться до маленькой дверцы, ведущей в недостроенную часть подвала. Оттуда не было выхода в залы клуба, но подвал примыкал к той стене, за которой находился бар. Если вампир хотя бы на время потеряет меня из вида, он перестанет меня чувствовать и может решить, что я пробралась в бар. Тогда у меня будет несколько секунд на то, чтобы выбраться наружу через заднюю дверь, если, конечно, у вампиров не хватило ума поставить возле нее одного из своих. Но даже если и так, с обычным вампиром моя защита справится легко. А может быть, и нет.

Наконец я добралась до дверцы, расположенной за последним стеллажом, но едва я попыталась ее открыть, как сзади послышались грохот и душераздирающий визг. Я оглянулась через плечо, ожидая увидеть одного или нескольких преследователей. Моему бедному истерзанному разуму потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что существо, плавающее в проходе между стеллажами, это Порция, и что в других проходах слышится шум отчаянной драки.

— Я же говорила, что помогу тебе, Кэсси!

Ее лицо сияло от восторга, и обрамлявшие его кудряшки подпрыгнули, когда она резко повернулась, показывая на что-то у себя за спиной. Там стояла целая бригада конфедератов, неизвестно каким образом уместившихся в крошечном помещении кладовки. Я такое уже видела — когда метафизика просит старую добрую физику идти ко всем чертям, — но, надо сказать, никак не могу к этому привыкнуть.

— Капитан Богард Льюис к вашим услугам, мэ, — отвесил мне поклон лихой офицер с пышными усами.

Он чем-то напомнил мне генерала Кастера^[2] — не слишком удачное сравнение, если бы я решилась высказать его вслух. Но я не успела — внезапно, пройдя сквозь тело капитана, между стеллажами просунулась рука вампира и схватила меня за горло.

Одним движением выхватив из ножен саблю — я еще успела удивиться, зачем она ему, — Богард описал ею в воздухе сверкающую дугу и отхватил руку вампира по самый локоть. Вампир завопил, и вместе с ним завопила я, потому что, во-первых, на меня хлынул поток теплой крови и, во-вторых, потому что отрезанная рука продолжала крепко держать меня за горло, пытаюсь нащупать сонную артерию. Надо сказать, что вампиры умирают только после того, как умирают их голова и сердце; таким образом, рука пыталась довершить дело, начатое ее хозяином. Богард попытался оторвать ее от моей шеи, но его бесплотные руки лишь проходили сквозь меня.

— Простите, мэ, — сказал он, в то время как у меня в глазах — уже второй раз за день — начал меркнуть свет. — Я потратил всю энергию на удар саблей. — Капитан грустно

покачал головой. — Время делает свое дело — наша энергия слабеет.

Он взглянул на меня, желая услышать слова утешения, но, знаете ли, трудно выражать сочувствие, когда из тебя выходит последний воздух, а перед глазами пляшут разноцветные огни.

Тем временем вампир очухался и вновь попытался схватить меня, но тут на него набросилась Порция и принялась колотить зонтиком.

— Взять его! — скомандовала она, и тогда солдаты, которые до сих пор молча созерцали эту сцену, двинулись вперед, словно могучая серая река.

Наступил один из тех моментов, когда глаза вступают в спор с разумом, который пытается их уверить, что того, что они видят, быть не может. Несколько тысяч солдат, слившись воедино в одной точке, начали исчезать в ней, как вода, уходящая в водосток. Только водостоку эта процедура страшно не понравилась. Вампир начал биться о стеллажи, отчаянно размахивая уцелевшей рукой, словно пытаясь отразить нападение, при этом его кожа приобрела пурпурный оттенок.

К тому времени, как мне наконец удалось оторвать от себя его руку и отшвырнуть ее прочь, он неподвижно лежал в дальнем конце прохода, застывший, словно статуя. Косясь в его сторону, я внимательно следила за рукой, которая опять поползла ко мне, чтобы схватить за горло. Не слишком понимая, что, собственно говоря, происходит, я пришла к выводу, что в каждом призраке скрывается частичка вампира, превращая его в огромную, безобразную куклу. Но в тот момент, когда я подумала о том, что же произойдет, когда из вампира ползут все прятавшиеся в нем духи, произошел взрыв. Схватив бутылку вина, я колотила ею по руке вампира, из-за чего прозевала начало события. Помню только, что я взлетела в воздух и приземлилась на пол, а на меня, словно градины, посыпались куски замерзшей плоти вампира.

Порция парила в воздухе над вздрагивающим полом. Сложив кружевной зонтик, она обратила ко мне свое сияющее личико.

— Нам пора уходить, Кэсси, — сказала она. — Мальчики славно потрудились и нуждаются в отдыхе. Но ты должна знать: мы прекрасно провели время!

Порция присела в реверансе, капитан Богард вновь поклонился; затем она взяла его под руку, и оба исчезли, после чего за ними потянулась колонна бойцов, вышедших из останков вампира.

Я сидела посреди липкой лужи, не имея сил встать, и потирала шею. Лицо горело в тех местах, где на него попали куски вампирьей плоти, но хуже всего пришлось горлу. Кажется, я не могла глотать, что меня очень беспокоило. Наверное, я бы еще долго сидела на полу, наблюдая, как рассыпается и исчезает тело вампира, но тут в конце прохода появился Томас.

— Вставай! — крикнул он и, схватив меня за руку, потащил из кладовки.

Я заорала от боли — он схватил меня за ту руку, которую чуть не вывернул вампир, — и удивления, что парень еще жив. Я-то уже списала нас обоих; и тут мне в голову пришла мысль: кто же тогда дрался с вампирами, если Порция и ее армия находились возле меня? Рука Томаса была в крови, и я подумала, что это его кровь; правда, раны не было видно. Должно быть, мой крик испугал его, поскольку он сразу отпустил меня, и я осела на пол, кашляя и задыхаясь от крика, который, словно нож, прошелся по моему раненому горлу. И только тогда, сидя на полу, прижимая к груди ноющую руку и стараясь справиться с приступами рвоты, я заметила тела.

Кроме первого вампира, который набросился на меня и сейчас агонизировал,

сжигаемый лучами моей защиты, я увидела еще одного — тот был жив, но лежал, придавленный тяжелым металлическим стеллажом, который кто-то явно намеренно оторвал от стены и сбросил на него. Вампир извивался под кучей металлических щитов, оставшихся с того дня, когда Майк начал перестраивать дом под клуб. Не сказать, чтобы у них был стильный вид, зато они были тяжелыми и острыми как бритва, и Майку приходилось держать ухо востро, когда он их перетаскивал. Надо ли говорить, что, падая, эти щиты превратились в смертельное оружие, которое разрезало вампира пополам, как нож разрезает буханку хлеба. Вероятно, бандит истекал кровью, поскольку по полу разлилась огромная лужа, похожая на багровое одеяло.

И все же, несмотря на страшные раны, сердце и голова вампира не были задеты, и он продолжал жить. Глядя мне в лицо, он пытался навести на меня пистолет, который все еще сжимал в руке. Заметив это, Томас подошел к вампиру и, не колеблясь, резким движением вытащив из его живота острый кусок металлического щита, несколько раз с силой вонзил его в распростертое тело. Разинув рот, я смотрела на эту сцену, не веря своим глазам. Через несколько секунд тварь на полу больше напоминала сырой гамбургер, чем тело.

Но даже пока его разделявали на куски, вампир не сводил с меня пылавшего ненавистью взгляда, а я не имела сил закричать, я вообще ничего не могла сделать. Я и раньше попадала в трудные ситуации, однако со временем нервы забывают, что это такое — изо дня в день, каждую минуту быть натянутым, как струна, когда тебе начинает казаться, что больше ты не выдержишь. Я смотрела, как Томас одним ударом отделил голову вампира от туловища, и только после этого перевела дух; странно, оказывается, все это время я не дышала. Мы были живы. Я не могла в это поверить, я ни черта не понимала.

Прожив у Тони много лет, я привыкла к насилию и относилась к нему довольно терпимо, поэтому не сразу обратила внимание на рваные зияющие раны в телах четвертого и пятого вампиров в том месте, где у них находилось сердце. Сильный удар заостренным колом в сердце — и поныне традиционный и наиболее популярный способ покончить с вампиром, но, оказывается, если сердце вырвать руками, результат тот же, хотя я никогда не видела, как это делается. Раздумывая о том, как прекрасно прожила бы я, если бы никогда этого и не увидела, я взглянула на Томаса... и комната внезапно поплыла у меня перед глазами.

Обычно, когда у меня начинаются видения, я это чувствую. Секунд за тридцать до начала у меня появляется нечто вроде дезориентации, что дает мне время быстро куда-нибудь уйти, чтобы остаться в полном одиночестве. На этот раз все началось внезапно. Пол ушел у меня из-под ног, и я полетела в длинный темный туннель. Когда я приземлилась, то увидела прямо перед собой Томаса. Он стоял на поросшей травой равнине, которая уходила далеко за горизонт под бледно-голубым небом. Нежно-кремовая кожа Томаса отливала бронзовым загаром, вместо шикарного наряда готов на нем был грязный шерстяной балахон без рукавов, однако это был, несомненно, он. Его глаза сверкали диким огнем, словно два черных драгоценных камня, на лице светилось торжество. Рядом с Томасом стояли еще несколько человек, одетых точно так же, и все они выглядели так, словно только что выиграла суперкубок.

Рядом о скалистый берег с шумом разбивались темно-зеленые, почти черные волны; в лицо хлестали порывы ледяного ветра. Этот пустынный пейзаж можно было бы назвать прекрасным, если бы не пара десятков валявшихся рядом трупов. Большинство мертвецов были европейцами; тот, что лежал ближе ко мне, был одет на манер героя какого-нибудь

малобюджетного фильма из жизни пиратов: белая рубашка с пышными рукавами, коричневые холщовые штаны до колен и грязно-белые чулки. Свои башмаки он, видимо, потерял, волосы его были всклокочены.

Я созерцала эту сцену, онемев от ужаса и восхищения; внезапно Томас наклонился и, вонзив бронзовый нож в грудь еще дышавшего вампира, распорол ее от шеи до живота. Тепло, струившееся из раны, смешалось с холодным воздухом, отчего над трупом поднялся легкий пар, но это не помешало мне увидеть, как Томас разворотил его грудную клетку, ломая ребра, словно сухие ветки. По его рукам струилась алая кровь, когда он вытащил из груди мертвеца трепещущее сердце и поднял его высоко над головой; затем медленно, словно смакуя это мгновение, начал подносить сердце ко рту. Зубы Томаса вонзились в горячую плоть, которая еще пыталась биться, перервали пульсирующую вену, и в лицо ему хлынула горячая кровь, стекая по подбородку. Затем поток крови хлынул в горло, по груди побежали красные ручейки, заливая одежду, и Томас стал похож на индейца в боевой раскраске. Вот его горло дернулось, и он начал глотать кровь под восторженные вопли наблюдавших за ним воинов.

Должно быть, я вскрикнула, потому что Томас взглянул в мою сторону и в страшной улыбке оскалил окрашенные кровью зубы, между которыми застряли куски мяса. Затем он сделал шаг в мою сторону, а я поняла, что не могу сдвинуться с места; ко мне протянулась рука с зажатым в ней куском горячей плоти. Внезапно я пришла в себя и пронзительно вскрикнула.

Горло отчаянно болело, но я не могла сдержаться. Видение лишило меня последних сил; оглядевшись по сторонам, я увидела, что по-прежнему нахожусь в душной кладовке и с диким ужасом смотрю на Томаса. Я увидела, как он высунул язык и быстро слизнул с губ крошечную каплю крови; перед тем как вновь завопить во всю силу легких, я успела подумать о том, что старые привычки умирают не скоро.

Томас шагнул ко мне, протянув руки, словно показывая, что все в порядке и мне не нужно его бояться, и я увидела, что они вновь стали чистыми. Когда он подошел ближе, последнее кровавое пятно на его ладони растворилось, словно капля воды, ушедшая в песок. Только тут я поняла, что, отчаянно перебирая ногами и руками, словно краб, ползу назад, заливаясь слезами и ругаясь, но мне было наплевать. Поскользнувшись в луже крови, я упала и завизжала с новой силой, когда увидела, что мои чулки и сапоги сплошь покрыты красными пятнами, словно на них расцвели пышные розы. Томас медленно надвигался на меня, продолжая спокойно говорить, словно перед ним была норовистая лошадь, которую нужно успокоить.

— Кэсси, пожалуйста, выслушай меня. Мы выиграли немного времени, но нужно уходить. Скоро здесь появятся другие.

Ноги у меня вновь заскользили, и я грохнулась на задницу, больно ударившись обо что-то твердое. Какая-то часть моего мозга, которая еще продолжала соображать, узнала, на чем я сижу, и я мгновенно схватила с пола пистолет.

— Не смей ко мне подходить, или я стреляю!

С этими словами я направила оружие на Томаса, и хотя пистолет, который я пыталась удержать дрожащей рукой, все время подпрыгивал, он понял, что я не шучу. Его глаза, обычно такие ласковые и наивные, теперь превратились в черные непроницаемые зеркала, в которых ничего нельзя было прочесть, — да я к этому и не стремилась. Господи, ни за что на свете!

— Кэсси, ты должна меня выслушать.

Я взглянула в это красивое лицо, и часть моего сознания вдруг начала отделяться от меня, чтобы увидеть крушение другого видения. Я думала о том, что все же сделала в своей жизни что-то хорошее, кому-то помогла, кого-то даже спасла; не вечно же мне смотреть на свою или чужую боль — ведь именно этим все обычно заканчивается. Я должна была догадаться, что все это слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, что он был слишком уж хорош.

«Ты влезла не в свое дело, Кэсси, девочка моя, — думала я, прижимаясь спиной к двери. — В следующий раз займись чем-нибудь попроще — скажем, подбери на улице котенка».

И вместе с тем я знала — другого раза не будет.

Из-за двери доносилась гулкая музыка, заунывное пение смешивалось с резкими электронными звуками, но мне эти звуки казались волшебными. Мне хотелось одного — затеряться в толпе, выбраться из клуба и во весь дух бежать по улице куда-нибудь подальше. Я вообще была чемпионом по игре в прятки, а в этом районе, где всегда полно туристов, затеряться среди них — плевое дело. У меня есть счет в банке, оформленный на чужое имя, запас одежды, оставленный в камере хранения на автобусной станции, я знаю все закоулки в радиусе ближайших пятнадцати кварталов. Я сумею спрятаться — если избавлюсь от Томаса.

Опираясь спиной о дверь, я медленно встала, проклиная в душе свои каблуки-шпильки. Юбка у меня задралась, но я не стала ее поправлять; нескромные взгляды Томаса меня в тот момент не волновали. Выпачканной в липкой крови рукой я нащупала дверную ручку, нажала, пошатываясь, выскочила в коридор и захлопнула за собой дверь. Я дышала с трудом, по телу пробегала крупная дрожь, меня тошнило, но я держалась. Сейчас я не могла позволить себе проявить слабость.

В зале началось световое шоу; слепящие вспышки прожекторов выхватывали из темноты фигуры танцующих. От ритмичной музыки и шума толпы я едва не оглохла, но мне не требовалось слышать Томаса, чтобы чувствовать его присутствие у себя за спиной. Из-за ярких вспышек красные пятна на моей одежде превращались то в черные, то в серебристые. Благодаря полумраку мне удалось незаметно смешаться с толпой, никто не обращал на меня внимания, хотя мой вид вряд ли можно было назвать нормальным. Лавируя между танцующими, я пробиралась к двери, как мне казалось, довольно быстро, и все же мозг упорно твердил: «Быстрее! Быстрее!» И я торопилась, торопилась изо всех сил, поскольку не могла ждать, когда он меня догонит; я бежала и все же знала, что уже не успею.

Я почти добралась до выхода, когда Томас догнал меня. Он схватил меня за плечи, резко развернул и прижал к себе, положив мне руку на талию. Со стороны мы были похожи на танцующую пару, с той лишь разницей, что я не могла вырваться. Сильно сжав мою руку, в которой находился пистолет, он прижал ее к моему бедру, подальше от себя. Зачем? Я бы все равно не стала стрелять. Ладонь у меня так вспотела, что я не смогла бы удержать тяжелый пистолет, к тому же в зале было полно народу. Да и вообще, если моя догадка верна, то пулей Томаса не убьешь, а только разозлишь.

Его пальцы, скользнув мне под футболку, принялись осторожно ощупывать края магического знака защиты.

— Я слышал о таких вещах, но никогда в них не верил.

В его голосе прозвучало что-то похожее на благоговение. Не знаю, каким образом, но я

хорошо слышала его даже сквозь грохот музыки, правда, меня мало интересовало, что он станет мне говорить. Я извивалась в его руках, пытаюсь ослабить их железную хватку, и проклинала свою бесполезную защиту. Наверное, знак выдохся после яростной схватки, а может быть, не был рассчитан на существо такого уровня, поскольку никак не реагировал на его прикосновение.

— Кэсси, посмотри на меня.

Я отчаянно сопротивлялась, поскольку с детства знала, что посмотреть вампиру в глаза — значит дать ему возможность установить над тобой контроль. После всего, что произошло в кладовке, я уже не сомневалась, кем являлся Томас, и очень не хотела, чтобы он завладел моим разумом. Учитывая, что ему удалось пробраться сквозь мой противовампирный радар и что месяцами он жил рядом со мной в обличье человека, а я ни о чем не догадывалась, это был вампир третьего уровня, а может быть, и более высокого. Иногда я видела, как он разгуливает по улицам среди бела дня, на что не решался даже Тони, поскольку знал, что от солнца можно получить кое-что похуже загара. Выходит, уровень для него не имеет значения, то есть он хозяин и может заставить меня плясать под свою дудку одним взглядом.

Когда-то у меня была защита и против таких вещей, но теперь, когда на меня начал охоту мой бывший покровитель, я становилась легкой добычей; случись что со мной, никто не станет за меня заступаться. Более того, Томас получил бы награду, если бы доставил меня Тони, и тот заплатил бы ему сполна, да еще с улыбкой на устах, даром что скупердяй. Не потому ли Томас прикончил остальных вампиров, чтобы получить деньги самому? Интересно, сколько Тони ему обещал? И почему Томас так долго ждал?

Я пыталась вырваться из его рук, и никто не обращал на нас внимания; наверное, все решили, что я просто не умею танцевать. Томас сильнее сжал руки. Учитывая, как редко я к нему прикасалась, сейчас я испытывала какое-то странное чувство. Я почему-то забыла, что это Томас. Мой мозг, давно зачисливший его в разряд друзей, отказывался видеть в нем опаснейшего из вампиров. Его руки крепко сжимали мое тело, скользя вверх и вниз по моей почти голой спине, заставляя меня двигаться более медленно и чувственно, чем того требовал танец.

Вопреки расхожим легендам, кожа Томаса была теплой и гладкой, как атлас, однако с тем же успехом его можно было назвать и отлитым из стали — до того крепкой была его хватка. У меня бешено заколотилось сердце, я даже подумала, что сейчас упаду в обморок, когда он наклонился, и я почувствовала, как его губы коснулись моей шеи. Я думала, мое сердце остановится, когда он нежно прижался к ней губами, словно хотел ощутить биение артерии. Мне показалось, что от этого прикосновения остановилась и моя кровь, ожидая, когда он освободит ее и позволит течь дальше. Я замерла, обливаясь потом, и вовсе не потому, что вокруг было полно пышущих жаром тел. Неужели он убьет меня прямо сейчас, на глазах сотен свидетелей? По спине пополз холодок, когда я подумала, что ему это ничего не будет стоить. Он просто вытащит меня из зала, и никто не обратит на это внимания; все подумают, что Томас решил вынести на воздух свою потерявшую сознание партнершу. Настоящий джентльмен.

Я должна была это предвидеть. Поверишь кому-нибудь — и он предаст тебя, полюбишь кого-нибудь — и он умрет. Поскольку Томас был уже мертв, думаю, это точно про меня написано.

— Прошу тебя, не дергайся.

От его дыхания по моему телу прошла дрожь. Кровь забурлила, словно в нее попал

наркотик, погрузив меня в состояние блаженной расслабленности, в котором нет ни боли, ни страха; правда, от этого начинают путаться мысли. Хорошо, что я не смотрела ему в глаза, и все же мне показалось, что я провалилась во что-то вязкое, отчего каждое движение давалось с невероятным трудом. Впрочем, это не имело значения: сколько бы я ни вырывалась, я получила бы лишь тупую боль в запястьях, что возбудило бы вампира еще больше. Хотя лицо Томаса оставалось бесстрастным, его тело отказывалось ему повиноваться; я чувствовала, как оно напряглось.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, — прошептал он и прикоснулся губами к моим губам.

Если бы это имело хоть какое-то значение, я бы напомнила ему, что убить меня самому или отдать в руки Тони — это, в сущности, одно и то же. Но я ничего не успела сказать, потому что его губы вновь прижались к моим, после чего он, видимо, окончательно потеряв над собой контроль, наградил меня поцелуем, не имеющим ничего общего с прежними ласкающими прикосновениями.

Крепко прижав к себе, Томас страстно целовал меня, словно голодный на пиру. Сильная рука, ласкавшая мою спину под футболкой, поползла вниз, к моей коротенькой кожаной юбке, и начала потихоньку тянуть ее вверх. Затем он рывком поднял меня в воздух, и, чтобы не упасть, мне пришлось обвить его талию ногами; только тут я поняла, что он медленно продвигается в сторону кладовки. Все ясно, решил прикончить без свидетелей.

Он все еще целовал меня, когда я ощутила первый удар энергии, от которого мое тело содрогнулось до самых кончиков пальцев. Это значило, что либо Томаса что-то отвлекло, либо он отказался от энергетического щита. Все верно, зачем ему щит? Вокруг обычные люди, а я все равно уже знаю, кто он на самом деле. Для обычных людей он ничуть не изменился, но для меня его кожа погрузилась в расплавленное золото, отчего Томас начал светиться, словно маленькое солнце. От потока энергии вставали дыбом волоски на моих руках и шее. Казалось, сам воздух сгустился, как перед грозой, — внезапно все вокруг стало ярче, резче и острее. Я превратилась в ту точку, куда был направлен поток его энергии. Обрушившись на меня, как океанская волна, она затопила меня, заставив забыть, почему я пыталась вырваться из рук Томаса, забыть обо всем.

Он оторвался от моих губ, и у меня непроизвольно вырвался тихий протестующий звук, и тогда он прижался губами к моей шее. На этот раз я не сопротивлялась, прикосновение его было удивительно нежным; едва не теряя рассудок, я еще успела заметить, что густые волосы Томаса, упав на мою порванную футболку, закрыли ее от яркого света возле стойки бара. Люсиль, которая принимала заказ у какой-то парочки в двух шагах от нас, бросила на меня удивленный взгляд, когда мы с Томасом скрылись за стойкой. Я не пыталась звать на помощь, справедливо рассудив, что Люсиль не справится даже с вампиром-младенцем, не говоря уже о хозяине. А вообще-то мне было на все наплевать. Однако Томас, должно быть, догадался, что я уже ничего не соображаю, а может, просто не захотел воспользоваться шансом. Он вновь поцеловал меня, и я уже не сомневалась: он знает, что делает. От прикосновения его нежных губ у меня начали путаться мысли, и когда мы наконец оторвались друг от друга, я позабыла о том, что не должна смотреть ему в глаза. Мгновенно отключился разум, и я уже не видела ничего вокруг, кроме Томаса. Свет огней погас, музыка стихла; я видела лишь его лицо и слышала, как в ушах отдается бешеный стук моего сердца.

Почему я никогда не замечала, что глаза у него немного раскосые? Из-под густых ресниц вспыхивали крошечные отражения огней бара, плясавшие в его зрачках. Наверное,

его взгляд заворочил меня, потому что я почти против своей воли протянула к нему руки и стала ласкать его плоский живот прямо сквозь рубашку. Я чувствовала, как под его шелковистой кожей играют упругие мышцы; мне хотелось только одного — прижаться к нему и запустить руки в этот темный как ночь каскад волос, чтобы проверить, действительно ли они такие мягкие, густые и тяжелые, как кажется. Но в этот момент меня отвлек темный сосок, выглядывающий из прорези в ажурной рубашке Томаса, на который я поглядывала несчетное число раз. Вскоре я обнаружила, что и на вкус он хорош, как я и предполагала; сосок сжался и затвердел, когда я стала трогать его губами и зубами, словно давно ждал моего прикосновения. После этого я уже смутно сознавала, что Томас поднял меня на руки и отнес в кладовку, ногой захлопнув за собой дверь.

Издав долгий, прерывистый вздох, он отодвинулся от меня, затем хриплым, незнакомым голосом проговорил:

— Отдай мне пистолет, Кэсси. Он может случайно выстрелить и кого-нибудь ранить.

При звуках его удивительно спокойного голоса голова у меня немного прояснилась. Этому помог и вид разделенного на три части врага — вампира из банды Тони. Его останки лежали на полу, практически съеденные моим защитным знаком, линии которого, пройдя сквозь тело вампира, выжгли кривую пентаграмму на досках пола. Я уставилась на тело, чувствуя легкое головокружение. Внезапно до меня дошел смысл слов Томаса: «кого-нибудь ранить». Смешно, честное слово.

Чтобы не упасть, я ухватила за Томаса; пистолет, зажатый в моей ладони, болтался у него за спиной. Он вынул оружие из моей безвольной руки и куда-то забросил. Я не заметила, куда именно; пистолет просто исчез. Томас серьезно смотрел мне в лицо, и мне вдруг снова стало смешно. Я рассмеялась. Надеюсь, Тони хорошо ему заплатил, — честно говоря, он всегда был транжирой.

— Кэсси, если тебе трудно идти, я могу взять тебя на руки, но нам нужно торопиться.

Он взглянул на часы. Они показывали 8.37.

— Слушай, у нас еще полно времени, свидание только началось.

Я все еще смеялась, только голос стал каким-то не моим. Еще немного, и у меня началась бы истерика. Но Томас больше не мешкал. Я помню, как он подхватил меня на руки, выскочил из клуба и побежал по темным улицам так быстро, что свет уличных фонарей слился в одну сплошную серебристую линию. А потом возле нас встали две тени.

— Спи, — приказал мне Томас, и мир куда-то провалился.

Я почувствовала, что очень устала и хочу спать. Мне было тепло и хорошо, только почему-то сильно закружилась голова и ночное небо вдруг рванулось навстречу, а может быть, это мы взлетели к самым звездам. Помню, как успела подумать, что если так приходит смерть, то ее не стоит бояться.

Проснувшись, я чувствовала себя усталой, больной и совершенно разбитой. Настроение не улучшилось, когда рядом я увидела склонившегося надо мной Томаса.

— Убирайся! — прохрипела я и с трудом заставила себя сесть.

Мне понадобилось несколько минут, прежде чем комната перестала кружиться у меня перед глазами, но, оглядевшись, я застыла от ужаса. Превосходно. Это же комната ожидания в самой Преисподней! Клетушка, вырубленная в красном песчанике, освещалась парой жуткого вида светильников, которые крепились к стене подставкой в виде скрещенных ножей. Ясное дело, что комната прямо-таки кишит линиями магической защиты, к которым к тому же примешивается электричество. А вот это плохо.

Каморка сильно напоминала камеру пыток, только вместо крючьев и пыточных станков в ней находились крайне неудобный черный кожаный диван, на котором лежала я, и небольшой столик со стопкой журналов. Один из них был экземпляром «Оракула», который для мира магов примерно то же самое, что «Ньюсуик» для мира людей, но, как и большинство журналов из приемных, этот тоже устарел несколько месяцев назад. Я почитывала этот журнальчик каждую неделю, когда забегала в одну кофейню в Атланте, чтобы знать, что происходит в параллельном мире, ведь для моей новой жизни это было важно. Главная тема этого номера о дешевых магических лекарствах из Азии, наводнивших рынок, вряд ли могла повлиять на мою жизнь, впрочем, как и другие статьи, — обычная скандальная хроника, не больше.

«ИСЧЕЗЛА НАСЛЕДНИЦА ПИФИИ!» — вопил огромный заголовок в рубрике «Гадание на кофейной гуще».

«ВРЕМЯ ОСТАНОВИЛОСЬ!»

Я закатила глаза, но поморщилась от боли. Думаю, статья «МАРСИАНЕ ПОХИЩАЮ КОЛДУНИЙ» предназначалась для любителей пасьянсов.

— *Mia stella*^[3], Сенат приказал Томасу охранять тебя; он не может уйти, — произнес знакомый голос у меня за спиной. — Будь добра, не усложняй ему жизнь.

— Я не усложняю. — После всего пережитого я, кажется, могла служить воплощением здравого смысла. Голова кружилась, меня пошатывало от усталости, а глаза жгло так, словно я плакала целый день — чего мне, кстати сказать, очень хотелось. Но я не сдвинулась с места. — Я просто не хочу, чтобы он за мной ходил.

Я упорно игнорировала Томаса и незнакомого парня в судейской мантии семнадцатого века, сосредоточив все свое внимание на единственном человеке в комнате, которого могла считать своим другом. Что здесь делает Раф? Не могу сказать, что не была рада его видеть — я всегда рада видеть своих друзей, — просто я никак не могла понять, зачем его пригласили. Раф — это сокращенное от Рафаэль. Когда-то он был известен на весь Рим, этот любимый художник папства, но однажды он совершил ошибку — в тысяча пятьсот двадцатом году отклонил предложение одного богатого флорентийского купца. В то время Тони отчаянно соперничал с семейством Медичи: если на них работал Микеланджело, значит, ему был нужен Рафаэль. Но Раф ответил, что у него и так хватает заказов и, кроме того, сейчас он занят — пишет фрески для дворца Папы и совершенно не хочет тащиться во Флоренцию,

чтобы расписывать чью-то столовую. Напрасно он так сказал. С тех пор Раф расписывал все, что хотелось Тони, включая мою детскую. На потолке он изобразил ангелочков, которые были совсем как живые; в течение многих лет я была уверена, что они на меня смотрят, когда я сплю. Раф был единственным, с кем мне не хотелось расставаться, и все же я сбежала, даже не попрощавшись. У меня не было выбора: Раф принадлежал Тони, и если бы его спросили, рассказал бы все как на духу. Следовательно, если он был здесь, значит, так захотел Тони. При мысли об этом я помрачнела.

Томас промолчал, но не двинулся с места. Тогда я уставилась на него в упор; никакого результата. Проблема, нечего сказать, — мне непременно нужно удрать, и чем больше меня будут опекать, тем сильнее будет это желание. Кроме того, мне отчаянно мешали эмоции: когда я смотрела на Томаса, они захлестывали меня с такой силой, что начинала болеть голова. Меня угнетало не то, что произошло в клубе, — насилия я навидалась достаточно, пока жила у Тони, — страшнее всего было предательство Томаса. Правда, я уже не валялась у его ног в луже крови, а вампиры, которых он убил, хотели убить меня. В общем, все получалось очень просто: я была жива, а они нет. Тони был хорошим учителем.

Кроме того, Томас спас мне жизнь, хотя, если вдуматься, не пойдя я в клуб, чтобы предупредить его об опасности, ничего бы и не случилось. Я даже решила простить ему то, что он притащил меня сюда безо всяких объяснений, поскольку сама не была расположена к спокойной беседе. Короче говоря, получалась ничья — если не учитывать вопрос предательства. Это уже кое-что другое. Этого я не прощаю.

Когда-то я пыталась разговорить Томаса; мне хотелось узнать, как он попал на улицу. Я давно заметила, что он не склонен заводить друзей, несмотря на то что пользовался в клубе большой популярностью; тогда я подумай, что у него, возможно, те же фобии, что и у меня. Как последняя дура, я позволила себе влюбиться, а он, черт бы его взял, все это время мне лгал. Не говоря уже о том, что исподтишка лишил меня воли, заставив свалить такого дурака, что я краснею до сих пор. Между прочим, у вампиров такие вещи считаются серьезным проступком; будь я одной из приближенных Тони, он предъявил бы Томасу серьезные претензии за ненадлежащее воздействие на разум своего слуги.

— Оставьте нас, — попросил Томас, и, прежде чем я успела что-то сказать, все покинули комнату, создав для нас иллюзию уединения. Цирк, да и только — я же знаю, что у вампиров отличный слух. Поэтому я даже не стала понижать голоса.

— Ну вот что, — с яростью сказала я. — Ты лгал мне, и ты меня предал, и больше я не хочу тебя видеть, говорить и даже дышать с тобой одним воздухом. Никогда. Ясно?

— Кэсси, ты должна меня понять: я сделал только то, что был вынужден...

Тут я заметила, что он что-то держит в руке.

— Зачем тебе моя сумка?! — Ну конечно, он в ней копался! Тони мог и не знать, что в ней лежит, а Томас знал, значит, он предатель вдвойне. — Что ты из нее стащил?

— Ничего, я оставил все, как есть. Но, Кэсси...

— Отдай! — Я вырвала сумку с такой силой, что чуть не упала. — Да как ты смеешь...

«Башня! Башня! Башня!» Карты Таро посыпались на пол; кажется, они находились на грани истерического припадка. Я почувствовала, как к глазам подступили слезы. Конечно, это всего лишь карточная колода, но это было все, что осталось у меня на память об Эжени.

— Что ты наделал!

Я ползала по полу, собирая разбросанные карты; Томас начал мне помогать.

— Понимаешь, здесь много защитных барьеров, — тихо сказал он. — Слишком много, и

они мешают чарам. Когда мы уйдем отсюда, все придет в норму; если же нет, я сам все исправлю. Это очень просто.

Я ударила его по руке. Нечего лапать мои бедные, перепутанные, растерянные карты! Я знала, как им сейчас плохо.

— Не смей их трогать!

Дрожащими руками я неловко совала карты обратно в колоду; Томас молча смотрел на меня.

— Прости меня, Кэсси, — сказал он наконец. — Я знал, что ты расстроишься...

— Расстроюсь?! — От ярости я даже плохо видела. — Ты корчил из себя бедного, истязаемого ребенка, который отчаянно нуждался в друге, и я, идиотка, на это клюнула! Я тебе верила, а ты... ты отдал меня в руки... — Я замолчала, потому что начала задыхаться. Ну нет, плакать перед ним я не стану. Не дождется. Сунув карты в сумку, я принялась проверять ее содержимое, одновременно пытаюсь взять себя в руки. Через минуту я подняла глаза на Томаса. — Сделанного не воротишь, Томас.

— Я не лгал тебе, Кэсси, клянусь.

Глядя в его ясные, искренние глаза, я почти ему верила. Почти.

— Не лгал, да? Значит, ты просто бедненький, забитый вампирчик? Хозяин. Ну конечно.

— Я не лгал, — с силой повторил он. — Мне велели охранять тебя. Этим я и занимался. Конечно, для этого мне пришлось завоевывать твое доверие, но я тебе не лгал. Я никогда не говорил, что меня истязали, хотя, если бы это было так, то было бы чистой правдой. Алехандро плохо обращается со всеми своими слугами.

Я не верила своим ушам. Конечно, я не ждала пылких признаний и мольбы о прощении, но он даже словом не обмолвился о том, что сделал со мной! Нет, это уже слишком.

— Знаешь что? — сказала я, вставая. — Меня от тебя тошнит. — Открыв дверь, я выглянула в коридор. Раф стоял в сторонке, изо всех сил делая вид, что ничего не слышал. — Пусть он уйдет, или никаких переговоров не будет!

В следующую секунду Томас схватил меня за плечи и повернул лицом к себе.

— Да что ты знаешь об истязаниях? — с яростью в голосе спросил он. — Тебе известно, как я стал вампиром, Кэсси? Хочешь, чтобы я поведал тебе, как нас, оставшихся в живых жителей деревни, окружили слуги Алехандро, утащили к себе и заставили им служить? Что я жив только потому, что понравился одному из них, и он решил сохранить мне жизнь? Что я вынужден был смотреть, как умирают от чумы и на войне люди, с которыми я когда-то бок о бок сражался против сил тьмы, или как их убивают просто на потеху какому-нибудь психопату? Ты это хочешь услышать? Если этого не достаточно, чтобы заслужить твое прощение, у меня есть и другие, не менее страшные истории. Хочешь их услышать? Давай, только потом не выбегай из комнаты, заткнув уши. Ты провела на улице несколько лет; я провел с Алехандро три с половиной века!

— Томас, пожалуйста, оставь мадемуазель Палмер в покое.

Эти слова принадлежали тому самому странно одетому человеку. Сначала я приняла его за жителя Англии времен Реставрации, но затем поняла, что родом он, скорее всего, с другого берега Ла-Манша, поскольку в его речи слышался явный французский акцент. Надо же, а я и забыла, что он здесь. Удивительно, но Томас немедленно замолчал, и только его черные глаза продолжали упорно смотреть на меня, словно ожидая ответа. Что я могла ему сказать? С тобой обошлись жестоко, так что ладно, прощаю тебе предательство?

Или так: тебе сломали жизнь, и я очень рада, что за это ты сломал мою? Ага, как бы не так.

— Вы не возражаете, если я провожу ее в зал?

Это был скорее вопрос, чем предложение, после чего высокий француз повел меня по коридору, не дожидаясь ответа.

Вскоре мне предстояло увидеть своего преследователя, правда, совсем не так я хотела с ним встретиться. Жирное лицо Тони ничуть не изменилось. В этом не было ничего удивительного — он не менялся с тысяча пятьсот тринадцатого года, за исключением одежды. Он был одет так, как, по моему мнению, одеваются все весельчаки, — полосатый костюмчик вроде тех, какие напяливали на себя охранники в заведениях, где нелегально торговали спиртным. Тони очень любил этот костюм, поскольку однажды кто-то сказал ему, что ткань в вертикальную полоску его стройнит. Вранье. В момент своей смерти Тони весил более трехсот фунтов, что при росте пять футов и пять дюймов означало, что его фигура походила скорее на футбольный мяч с ножками. При такой комплекции не помогают ни диета, ни физические упражнения.

И все же даже с таким весом Тони выглядел лучше, чем его главный палач Альфонс, который, как обычно, стоял у левого плеча хозяина. И хотя я видела лишь их отражения в большом зеркале, я сразу поняла, что эта парочка вновь контролирует всю Филли. Странно, что Тони не побоялся вернуться к своим грязным делам; впрочем, этого следовало ожидать — уж чего-чего, а наглости ему было не занимать. Тони восседал на своем обычном месте — огромном золоченом резном троне, который он утащил из дворца какого-то епископа. Спинка трона поднималась над полом не меньше чем на шесть футов, однако Альфонсу вовсе не нужно было вставать на цыпочки, чтобы выглянуть из-за него. Впрочем, высокий рост ничуть не скрашивал его внешность. Альфонс выглядел так, как и полагалось выглядеть наемному убийце, при этом страшен он был как смертный грех. Нет, я не хочу сказать, что он был похож на сексуальных маньяков из голливудских ужастиков, он действительно был безобразен, даже уродлив. Я слышала, что когда-то, до обращения, он работал на Мальша Нельсона, только мне кажется, что на самом деле кто-то избил его бейсбольной битой, причем бил в основном по лицу. В детстве я всегда с ужасом и восхищением смотрела на его лицо, у которого, казалось, не было профиля — вдавленный нос Альфонса выступал не больше, чем его неандертальский лоб.

Меня разбирает смех, когда в кино вампиров показывают такими сексуальными красавчиками, постоянно меняющимися роскошными нарядами. На самом же деле после смерти ты выглядишь точно так же, как и до нее. Конечно, за сотни лет ты изобретаешь кое-какие трюки в отношении своей внешности, однако большинство вампиров просто не берут это в голову. Молодежь заботится о своей внешности, потому что это облегчает поимку жертвы, а старикам на все наплевать. Знаете, когда ты способен внушить человеку, что выглядишь как Мэрилин Монро или Брэд Питт, применение косметики считается уже пустой тратой денег.

Несмотря на присутствие Тони и его прислужника, пусть даже в волшебном зеркале, я находилась в отличном расположении духа, потому что выглядела гораздо лучше их в своем розовом лифчике, выглядывающем из порванной футболки, расцарапанным в кровь лицом и засохшей на сапогах слизию. К тому же я все еще была живым человеком, чем приводила Тони в страшное негодование. Более того — я стала для него серьезной проблемой, поскольку если бы Сенат счел, что со мной пора кончать, убийцы исполнили бы его решение давным-давно, в любое время.

Я обвела глазами огромный зал. Томас стоял у двери, как я ему велела, и все же не настолько далеко, чтобы не оказаться рядом в любой момент. Он разговаривал с одним из четырех стражников — закованным в латы рослым блондином, словно сошедшим со средневекового гобелена. Я заметила, что Томас успел набросить черную куртку из денима поверх своего клубного наряда; куртка точно подходила к его джинсам, но делала Томаса похожим на крутого байкера. Его лицо находилось в тени, но, думаю, на нем все равно ничего не отражалось. По крайней мере, того, что я хотела бы увидеть.

Господи, как же мне хотелось подойти к нему, заговорить, объясниться, услышать от него, что все в порядке, что все будет хорошо! Да, я знала, кто он такой, знала, что все это время он лгал мне, и все же продолжала ему верить. Я внушала себе, что это всего лишь последствия обработки моей психики, что это скоро пройдет. Пусть глаза говорят мне, что передо мной мой Томас, на самом деле это вовсе не так; человек, которого я, казалось, знала вдоль и поперек, существовал лишь в моем воображении.

Сделав над собой усилие, я заставила себя отвести взгляд от Томаса и вновь принялась разглядывать зал. Массивный резной стол из красного дерева, ряд стульев вдоль дальней стены — вот и вся обстановка. Стол весом не менее тонны стоял на платформе из черного мрамора, к которой вели несколько сверкающих ступенек. Это позволяло членам Сената возвышаться над жалкими просителями или — как в моем случае — пленниками. Зал — или подземелье, поскольку, как выяснилось позднее, мы находились глубоко под землей, — был вырублен из красного песчаника, на его стенах плясали отблески свечей, вставленных в огромные черные железные подсвечники. Вид помещения несколько портило зеркало, расположенное слева от стола, поскольку в нем отражалась безобразная физиономия Тони. Остальное убранство составляли яркие знамена и щиты с гербами, расположенные за креслами членов Сената. Четыре щита были задернуты черной тканью, а стоящие перед ними тяжелые резные сиденья повернуты к стене. Знак траура.

— Я требую компенсации! — уже, наверное, в пятый раз выкрикнул Тони. Он принадлежал к тому типу просителей, которые тупо гнут свою линию, твердя одно и то же, пока не получат желаемое. Это у него от недостатка практики — все члены его «семьи» умеют лишь клянчить и пресмыкаться, что с течением времени приводит уже к полному отупению. — Я взял ее в свой дом, растил, холил, лелеял, как родное дитя, а она меня обманула! Я имею полное право требовать ее сердце!

Я могла бы сказать ему, что, поскольку я не вампир, меня вовсе не обязательно пронзать колом, ха-ха, однако вместо этого предпочла сосредоточиться на более важных вещах. Конечно, я не строила иллюзий по поводу Сената, которому было глубоко плевать на дела Тони, но и упускать шанс, чтобы поиздеваться над этой жирной скотиной, я не собиралась.

— Ты убил моих родителей и присвоил мой дар. Ты говорил, что мои видения помогают тебе избегать неприятностей и предупреждать о них твоих компаньонов, и в то же время делал все, чтобы извлечь из них выгоду — для себя, разумеется. Значит, ты на меня потратился? Дай только мне до тебя добраться, и я оторву тебе башку.

Я сказала это спокойно, как само собой разумеющееся; прикончить Тони было моей давней мечтой, которая вряд ли могла осуществиться.

На мой выпад Тони не отреагировал, чего следовало ожидать. Люди угрожают ему уже несколько столетий, а он живет себе и здравствует. Как-то раз он сказал мне, что бессмертие — самый красноречивый ответ врагам; думаю, так оно и есть.

— У нее нет доказательств! Почему я должен выслушивать оскорбления?

— Я это видела!

Я повернулась к председателю Сената, официально именуемому консулом, чтобы изложить суть дела, но она была занята тем, что ласкала кобру, которая вполне могла дважды обвиться вокруг моего туловища; при виде змеи я замолчала. Кобра выглядела совсем ручной, и все же я не сводила с нее глаз. Вампиры часто забывают, что то, что для них пустяк — скажем, смертельный укус змеи, — для смертного может закончиться весьма печально. Те из нас, кому посчастливилось выжить, знают, как важно быть внимательным.

— Эта женщина бредит, — попытался возразить Тони, всплескивая своими пухлыми ручками. — Она всегда отличалась крайней нервозностью.

— В таком случае почему ты верил ее предсказаниям?

Вкрадчивый голос консула был таким осязаемым, что мне показалось, будто он коснулся моей кожи. Я поежилась от силы ее энергии, тихо радуясь, что она направлена не на меня. Во всяком случае, пока. В наше время консул уже не носит белое одеяние и золотой венец, да и зачем? Чтобы лишний раз продемонстрировать свою силу? Впрочем, на этого консула стоило посмотреть: ее одеяние состояло из клубка извивающихся змей, которые так плотно обвивали ее тело, что его было почти не видно. Пламя свечей отражалось в их блестящей чешуе, и тогда казалось, что тело консула покрывают сверкающие камни: оникс, яшма, изумруд, среди которых вспыхивали рубиновые огоньки — глаза змей. И все же не змеи притягивали к консулу взгляд, а ее властный голос и острый ум, светившийся в темных глазах; это была настоящая королева. Я не знала, кто она, здесь никого никому не представляли, однако Раф прошептал мне на ухо ее имя, когда меня подводили к столу, за которым восседал Сенат. Увидев мое изумление, он озорно улыбнулся, блеснув белыми зубами.

— Как видишь, ее укусила вовсе не змея, *mia stella*.

— Я и не думал верить ее предсказаниям, — не моргнув глазом, соврал Тони. — Слушал их просто так, на всякий случай.

Раф крепко сжал мою руку, и я закусила губу. Если сейчас мы с Тони затеем перепалку, это произведет неприятное впечатление на консула, но мне было трудно сдерживаться. Не знаю, сколько денег заработала на мне эта жаба, но, судя по всему, немало. Я точно знала, что только на продаже цитрусовых, которые Тони скупил незадолго до гибели урожая апельсинов в Калифорнии, он заработал около десяти миллионов.

Такое, конечно, случалось не каждый день, но и не было особой редкостью.

И все же не его страсть к деньгам отвратила меня окончательно. И даже не ужасная правда о смерти моих родителей. Я взорвалась после того, как Тони спокойно позволил выгореть целому городскому кварталу, потому что хотел купить эту землю по дешевке. Я предупреждала его о несчастье за неделю, просила, умоляла позвонить и сообщить о будущем пожаре, но он, конечно, никуда не позвонил. С ужасом глядя на газетные фотографии обугленных детских тел, я наконец прозрела окончательно. А небольшая проверка лишь подтвердила мои давние подозрения. Тони пользовался моим даром, чтобы обтяпывать свои грязные делишки — планировать убийства, теракты, обрабатывать нужных политиков, чтобы без помех провозить под носом у властей наркотики и оружие. И это была лишь малая толика того, что я о нем знала. В тот день, когда я окончательно решила от него уйти, я поклялась, что заставлю его заплатить сполна. И заставила, да только, видимо, недостаточно.

— Что ж, тогда невелика потеря. Ты получишь компенсацию.

— Консул, я нижайше прошу об одном: чтобы мне ее вернули. Я ее законный хозяин, и, полагаю, вы со мной согласитесь.

— Нет. — Темные глаза на миг задержались на моем лице, и тут я поняла, что чувствует кролик, когда в небе над ним зависает ястреб. — У нас на нее свои планы.

Тони принялся горячо протестовать, а я вдруг заметила, что Альфонс не делает никаких попыток помочь своему хозяину. И тогда я впервые подумала о том, что Альфонс вовсе не такой тупица, каким кажется. Если Тони проиграет спор и понесет наказание — то есть будет навечно заключен в могилу, — власть может перейти к Альфонсу, а это мне на руку. Мы с ним не были друзьями, но, насколько я знала, лично ему моя смерть была не нужна и действовал он лишь по приказу Тони. Я усмехнулась — давай, Тони, говори. К сожалению, в это время один из вампиров-стражников, стоявших по обе стороны кресла консула, развернул зеркало, и Тони замолчал. Жаль; мне это уже начинало нравиться.

Раф вновь сдвинул мне руку, что означало: сделай бесстрастное лицо. Во-первых, потому что перед судом — а это был самый настоящий суд — не следовало выказывать страх или слабость и, во-вторых, потому что было бы крайне неразумно демонстрировать свою заинтересованность в происходящем, поскольку кто-нибудь воспринял бы твою деструкцию как вызов, а это уже плохо. Я быстренько сделала лицо опытного игрока в покер — прожив много лет у Тони, я этому научилась. Впрочем, больших усилий мне на это не потребовалось: когда я повернулась к Сенату, от моей недолгой радости не осталось и следа. Все пристально смотрели на меня, и выдержать этот взгляд оказалось гораздо труднее, чем внимание членов клана Тони. Когда его последний телепат был обращен и потерял свой дар, Тони велел мне занимать его место, особенно на тех встречах, куда приходили члены кланов-конкурентов. Не знаю, зачем ему это было нужно. Я не умею читать чужие мысли, да и мои видения часто оказываются довольно туманными. Я сто раз говорила Тони, что не умею включать свой дар, как телевизор, а когда он приходит, не могу переключать каналы. Тони не стал меня слушать; наверное, ему просто нравилось, когда подле него, словно послушный пес, сидела его личная ясновидящая. В общем, насмотревшись сцен смертельного ужаса, я думала, что меня уже ничто не испугает. Как видно, я ошиблась.

Помимо стула для консула, за столом было еще двенадцать мест. Более половины из них пустовали, но на те, что были заняты, стоило взглянуть, честное слово. Ближе ко мне сидела темноволосая женщина в длинном бархатном платье. На голове у нее красовалась маленькая шапочка, украшенная жемчужинами величиной с мой ноготь, юбка была расшита золотыми нитями. Ее нежная кожа прямо-таки светилась изнутри, но была очень бледной, словно не видела солнца сотни лет; ее портило лишь одно — ужасный рваный шрам на шее, который не могла скрыть даже шелковая лента. Видимо, кто-то пытался покончить с этой красавицей, но не знал, что вампира можно убить, лишь пронзив его сердце, а если оно осталось целым, то раны вскоре затянутся. Представив себе, сколько усилий понадобилось красавице, чтобы залечить страшную рану, я поморщилась.

Рядом с ней сидела единственная личность, которую я узнала. Не узнать его было невозможно, поскольку Тони не раз хвастался, что ведет свой род от знаменитого Дракулы, и потому повесил в тронном зале портреты всех трех братьев. Род его происходил не от Влада Третьего Цепеша, легендарного Дракулы, а от его старшего брата Мирчи. Мы с ним встречались в Филли; мне тогда было одиннадцать лет. Как большинство детей, я обожала разные истории, которые Мирча мог рассказывать часами; больше всего на свете он любил истории о былых временах. Так, он рассказывал, как однажды — когда его младшие братья

Влад и Раду находились в Адрианополе в качестве заложников, поскольку без этого условия османский султан отказывался подписывать мирный договор, — Мирча повстречал разгневанную цыганку, ненавидевшую его отца за то, что тот соблазнил и бросил ее сестру, которая впоследствии и родила Дракулу; цыганка наложила на Мирчу проклятие, и тот стал вампиром. Думаю, что этим она хотела пресечь его род, поскольку всем известно, что у вампиров не бывает детей; после этого все ждали, что заложники уже не вернуться. Но, по словам Мирчи, месть цыганки оказалась для него очень кстати. Дело в том, что вскоре после этого его схватили и передали в руки венгров, которые его пытали, а затем живьем закопали в землю; не будь Мирча уже мертв, пришел бы ему конец. Как видите, быть вампиром не так уж плохо.

В то время я была еще слишком юна, чтобы понять, что красивый молодой человек, который рассказывал мне румынские народные сказки, был старше Тони примерно на сто лет. Он и теперь одарил меня ласковой улыбкой тридцатилетнего человека, на самом деле прожившего уже более пятисот лет. Я невольно улыбнулась в ответ; когда-то эти бархатные карие глаза стали причиной моего первого юношеского увлечения. Надо же, а я уже и забыла, как он красив, так же как и его брат Раду, которого в шестнадцатом веке называли Красавчиком. Мирча стряхнул пушинку со своего модного черного костюма. В отличие от Рафа, который предпочитал изысканную простоту, Мирча был единственным вампиром, обожавшим модную одежду. Возможно, именно поэтому я никогда не видела его в судейской мантии древней Валахии или вообще в одежде тех времен. Во всяком случае, сейчас он выглядел настоящим современным франтом, если не считать заплетенных в конский хвост волос. Я была рада увидеть Мирчу, но, несмотря на наши теплые чувства, его голос вряд ли мог меня спасти.

Кстати, о нарядах: вампир, сидевший рядом с Мирчей, — тот самый, которого я встретила в комнате ожидания, — выглядел совсем как картинка из модного мужского журнала «Джи кью», если бы его напечатали в семнадцатом веке. Учитывая, сколько времени я провела в клубе, где собирались готы, я ничего не имела против расшитого сюртука, рубашки с кружевами и панталон. Я видывала и не такое, тем более что этому парню было что показать — из-под панталон торчали ноги, которым могла бы позавидовать любая фотомодель. Все дело портил цвет — бархатный костюм вампира был ярко-желтого, как лютик, оттенка. Вы меня простите, но вампир в желтом — это нонсенс, особенно если у него ярко-голубые глаза и роскошные светло-рыжие локоны. Он был очень красив, и лицо такое располагающее, просто сразу хотелось ему довериться. Все-таки жаль, что он вампир. Я одарила его обольстительной улыбкой — все равно это меня ни к чему не обязывало, — втайне надеясь, что, может быть, одинаковый цвет нашей одежды поможет мне приобрести еще одного союзника. Конечно, моя веселенькая ярко-желтая футболка выглядела далеко не лучшим образом; наверное, поэтому вампир не улыбнулся мне в ответ. Более того, он взглянул на меня с такой жадностью, что я слегка заволновалась: а вдруг он еще не обедал? Моя кровь мне самой нужна, во всяком случае, до тех пор, пока я не превращусь в ходячий закусон.

Еще два вампира, мужчина и женщина, сидевшие на дальнем конце стола, были так похожи друг на друга, что сначала я приняла их за родственников. Позже выяснилось, что это было просто совпадение. Мужчина был примерно того же возраста, что и консул. Когда-то он служил в личной охране Нерона, хотя его мать была простой рабыней, захваченной где-то на севере Италии. Император обожал его, поскольку по части садистских

наклонностей этот слуга превосходил своего господина: догадываетесь, из-за кого на самом деле начался пожар в Риме? Женщина, невероятно похожая на Порцию, родилась на Юге еще до Гражданской войны. Говорили, что в радиусе двадцати миль от своей усадьбы она убила солдат-северян больше, чем вся армия южан, а после страшно горевала, что война закончилась. Вот так, люди разных эпох и стран, а до чего похожи — светлая кожа и темные вьющиеся волосы. У них даже цвет глаз был одинаковый — золотисто-карий, как луч света, пробивающийся сквозь осеннюю листву, и одежда у них была одинаковых тонов — сочетание белого с серебристым. Правда, мужчина носил тогу, а женщина выглядела так, словно собралась на бал в Саванне, и все же вместе они смотрелись неплохо.

Дав мне немного осмотреться, консул начала говорить, и у меня сразу пропало желание глазеть по сторонам. Всякий раз, когда она останавливала на мне взгляд своих подведенных черным глаз, мне казалось, что в кожу вонзаются иголки — не слишком больно, но ведь в любой момент они могли превратиться и в мечи.

— Взгляните, сколько за этим столом пустых мест, скольких голосов мы не слышим. — (Я удивленно моргнула. Конечно, пустые места — это плохо, но, с другой стороны, разве легко убить четырех древних вампиров? И все же это было так.) — Наши ряды поредели. Потеря нескольких членов суда остро ощущается всеми, кто сейчас присутствует в этом зале, и если так будет продолжаться, начнет ощущаться по всему миру.

Консул замолчала; я было подумала, что она решила сделать драматическую паузу, но она попросту отключилась. Такое случается с древними стариками, которые могут уйти в себя на минуту, час или даже день, забыв обо всем на свете. С Тони такое также случалось, поэтому я приготовилась ждать. Я заметила, что Томас по-прежнему дежурит у двери, но уже вместе с каким-то парнем, а возле них стоит высокая, в человеческий рост, грубо сляпанная статуя из некрашеной глины. Томас и парень о чем-то тихо спорили, а я на минуту пожалела, что нахожусь не в аудиенц-зале Тони, где собирались в основном убийцы и подонки, зато я знала их имена. Мне же приходилось стоять в пропитанной кровью одежде перед вампирами, которые были способны убить меня даже не взглядом, а одной мыслью, при этом им не нужно было рыскать в ночи. Хорошо, что у меня за спиной был Раф, но я все-таки предпочла бы того, кто умеет обращаться с ножом и пистолетом.

— Мы лишились шести членов Сената, — внезапно очнувшись, продолжила консул. — Четверо ушли безвозвратно, двое находятся на краю пропасти. Разумеется, мы сделаем все возможное, чтобы спасти их. Однако наши усилия могут оказаться напрасными, ибо враг получил новое оружие, способное уничтожить нас на самом корню. — (Я осторожно покосилась на Рафа, надеясь, что он понимает, о чем идет речь. Возможно, позднее он мне все объяснит.) — Томас, подойди сюда. — (Он немедленно повиновался.) — Скажи, она может быть нам полезна?

Томас старательно избегал моего взгляда. Мне хотелось наорать на него, крикнуть, что только последний трус не смотрит в глаза тому, кого предал, но Раф вновь крепко сдвинул мне руку, и я смолчала.

— Полагаю, что да. Иногда она разговаривает сама с собой, когда думает, что рядом никого нет, а сегодня ночью... Не знаю, что случилось с одним из нападавших. Их было пятеро. Я убил троих, ее магический знак уничтожил четвертого, что же касается пятого...

— Томас, не надо.

Я намеренно перебила его. Ну что хорошего, если Сенат решит, что я представляю для них угрозу? А если они узнают еще и про взрыв, то могут и вовсе забеспокоиться. И в самом

деле — как может хозяин, пусть даже древний, воевать с тем, чего не видит и не чувствует? Конечно, помощь Порции оказалась мне весьма кстати, но ведь это была чистая случайность — я еще ни разу не встречала целую армию призраков и уж, конечно, не стала бы ими командовать, — но откуда Сенату это знать? Не думаю, что они станут меня слушать. Большинство призраков не имеют сил сделать то, что сделали друзья Порции; наверное, она подняла на ноги всех призраков, обитающих на кладбище, и все же даже общими усилиями они не смогли бы сделать того, что сделали. При этом я им не помогала, но если Сенат мне не поверит, меня казнят.

Томас сжал зубы, но на меня даже не взглянул. Скажите пожалуйста!

— Я не знаю, как погиб пятый нападавший. Должно быть, его убила Кассандра, но я не знаю, как она это сделала.

Что верно, то верно, но он, между прочим, прекрасно видел, как вампир рассыпался на тысячи застывших осколков. Странно, что Томас мне не ответил, а впрочем, какое это имеет значение? Одного взгляда на консула оказалось достаточно, чтобы понять, что и она все прекрасно поняла.

Но прежде чем она успела что-то сказать, стоявший у двери низенький блондин внезапно сорвался с места, проскочил мимо стражников и ринулся к нам. Я не испугалась; по тому, как он двигался, и по цвету его лица было видно, что он не вампир. Стражники действовали молниеносно: рванувшись вперед, они обогнали блондина и, когда он подбежал к нам, уже поджидали его, закрыв собой меня и Рафа. Правда, хватать блондина они не стали, очевидно, им было приказано следить только за мной.

— Консул, я хочу говорить. Прикажите своим слугам не трогать меня, если не хотите войны!

Блондин говорил на превосходном английском, однако его одежда как-то не гармонировала с речью образованного человека. Он был аккуратно причесан — и только, зато его футболка скрывалась под надетыми крест-накрест патронташами, в которых было столько патронов, что хватило бы на целый взвод, а на поясе болтался целый набор оружия — мачете, два ножа, карабин, арбалет, два пистолета и парочка самых настоящих гранат. Было и еще что-то, я не разобрала; впереди на поясе болтались заткнутые пробками бутылки. Раньше при виде такого вояки — смесь сумасшедшего ученого с Рэмбо — я бы улыбнулась, хотя с детства привыкла испытывать почтение к тем, кто носит на себе столько железяк.

— Тебя допустили в зал исключительно из милости, Приткин, не забывай этого, — со скучающим видом произнесла консул, однако несколько ее змей подняли головы и зашипели.

Мужчина усмехнулся, и в его зеленых глазах мелькнуло презрение. Подумав о том, что он, возможно, захотел умереть, я прижалась к Рафу. Он обнял меня за талию, и мне стало немного легче.

— Она не вампир, и вы не имеете права лишать ее голоса!

— Это легко исправить.

Я подскочила на месте, услышав над ухом этот тихий, свистящий шепот. Обернувшись, я увидела высокого худого вампира с черными сальными волосами и сверкающими черными глазками. Когда-то мы с ним встречались и, насколько я помню, сильно повздорили. Скорее всего, и на этот раз мне предстоит стычка.

Джек, которого по-прежнему называли его знаменитым прозвищем, завершил свою карьеру, когда однажды встретился на одной из лондонских улиц с членом Сената по имени

Августа, которая проводила отпуск, путешествуя по Европе. Перед тем как обратиться к Джеку, она показала ему, что значит потрошить людей по-настоящему. Его представили Сенату совсем недавно, однако до последнего времени он весьма успешно исполнял неофициальную должность заплечных дел мастера. Как-то раз он приехал в Филли, чтобы выполнить одну работенку, и страшно разозлился, когда Тони отказался отдать меня в качестве гонорара. Мне еще повезло, что, войдя в зал заседаний Сената, я не заметила Джека, а о том, откуда он здесь взялся и почему оскалены его длинные острые клыки, лучше вообще было не думать.

Раф отодвинул меня в сторону, подальше от Джека, а Томас немного переместился, чтобы лучше видеть, что происходит, но тут заговорила консул:

— Сядь, Джек. Как тебе известно, она принадлежит господину Мирче.

Мирча улыбнулся и даже бровью не повел. Либо он доверял Джеку гораздо больше, чем я, либо тот факт, что он являлся хозяином Тони и, следовательно, согласно закону вампиров, моим, ничего для него не значил. Зная свою везучесть, я склонялась ко второму варианту.

Джек нехотя попятился. Сядясь на свое место, он тихо захныкал, как ребенок, которого лишили сладкого:

— Она так похожа на потаскушку.

— Уж лучше на потаскушку, чем на гробовщика.

Вот это верно — его тяжелые викторианские одежды прекрасно смотрелись бы в каком-нибудь похоронном бюро, но я сказала это по другой причине. Я рано узнала, что страх — огромная сила, а Джека я боялась смертельно. Он и при жизни был настоящим чудовищем, а теперь стал таким, что его сторонились даже вампиры. И все же я не хотела, чтобы он видел, как мне страшно, поскольку страх для него был своего рода афродизиак — Тони рассказывал, что Джек обожал мучить своих жертв до тех пор, пока те не умирали от страха, — а мне вовсе не хотелось доставлять ему подобное наслаждение. Взглянув на меня, Джек вновь оскалил зубы. Возможно, это была улыбка... хотя вряд ли.

— Волшебники не располагают монополией на вопросы чести, Приткин, — продолжала консул, не обратив внимания на нас с Джеком, словно мы были невоспитанными детьми, которые раскапризничались в присутствии гостей. — Мы будем выполнять условия договора до тех пор, пока их будете выполнять вы.

Я вскинула голову и еще раз взглянула на светловолосого человека — нет, мага. Раньше мне приходилось встречать магов, но то были в основном отщепенцы, выполнявшие отдельные поручения Тони. Я как-то не обращала на них внимания. Большинство из них сидели на игле — результат вечного страха за свою жизнь, — что делало их легкой добычей Тони. Однако впервые в жизни я видела мага смелого и решительного, особенно если учесть, что он не был членом круга. Зная, как ужасно боится их Тони — как Серебряного, так и Черного, — я всегда стремилась узнать о них побольше. Ходили слухи, что члены Серебряного круга практикуют белую магию, о Черном и вовсе никто ничего не знал, а когда даже вампиры избегают о чем-то говорить, то лучше держаться от этого подальше. Я внимательно посмотрела на блондина, но на его одежде не было каких-либо знаков.

— Она человек, к тому же использует магию, — сказал он, указывая на меня. — Следовательно, решать ее судьбу должны мы, маги. — Он взмахнул руками, словно желая что-то схватить — то ли оружие, то ли меня, а может, и то, и другое. — Отдайте ее мне, и, клянусь, вы об этом не пожалеете.

Мирча смотрел на него с таким видом, с каким хозяйка смотрит на таракана, ползущего

по полу ее новенькой и чистенькой кухни.

— Мы, может быть, и не пожалеем, а как насчет самой Кэсси? — спросил он своим мягким голосом.

Мирча прожил у Тони больше года, и за все это время я ни разу не слышала, чтобы он повысил голос.

Консул осталась спокойна, как бронзовая статуя, и только волны ее энергии обдавали меня, словно теплый летний ветерок, несущий в себе капли кислоты. Я поморщилась и едва сдержалась, чтобы не вытереть кожу. Если маг это и заметил, то не подал вида.

— Мы еще не решили, кому ее отдать, Приткин.

— Здесь нечего обсуждать. Пифия требует, чтобы эту мошенницу отдали ей. Я приехал, чтобы ее забрать; согласно условиям договора, вы не имеете права вмешиваться. Она принадлежит нам — как и весь ее род.

Я понятия не имела, о чем он толкует, только удивилась, что кого-то заботит мое будущее. С этим человеком я не встречалась ни разу в жизни, к тому же, насколько я помню, ни один маг из тех, что ошивались возле Тони, не взглянул на меня дважды. Будучи самой запатной, самой обыкновенной ясновидящей прислужницей вампира, я не удостоивалась даже презрительных взглядов. Конечно, это меня задевало; обидно, когда даже отбросы мира волшебников обращаются с тобой как с какой-то грязью. Но в тот момент мне захотелось прочесть во взгляде мага хоть какое-нибудь чувство, пусть даже презрение, поскольку судебный процесс все больше начинал походиться на собачью грызню над костью, причем в роли кости выступала я. Мне это не нравилось, но что я могла поделать?

— Она принадлежит тому, кто лучше всех сумеет защитить ее и ее дар, — отрезала консул. Припечатала, ничего не скажешь. Интересно, такое у нее от природы или она научилась этому за две тысячи лет своей жизни? Наверное, и то и другое. — Кроме того, меня удивляет, Приткин, что круг заговорил о защите. Совсем недавно вы просили нас разыскать ее, живую или мертвую, и при этом намекали, что второе было бы предпочтительнее.

В глазах блондина блеснула ярость.

— Оставьте свое мнение при себе! Вы не понимаете всей опасности создавшегося положения. Защитить ее способен лишь круг, равно как и защитить от нее других. — С этими словами он впервые взглянул на меня. Будь он вампиром, то наверняка оскалил бы клыки, а я подумала, что, кажется, у меня появился еще один враг. Взгляд волшебника ударил меня, как кнут; видимо, я ему не нравилась. — Ее растили, но ничему не учили, она не знает ничего из того, что должна знать, не умеет управлять собой. Это неминуемо закончится катастрофой.

Я пристально взглянула в его сузившиеся зеленые глаза, и вдруг мне показалось, что в них мелькнул страх. Рука мага быстро скользнула к ножу в ножнах, висевшему у него на запястье, и я даже подумала, что сейчас он метнет его в меня. Наверное, о том же подумал и Раф, потому что сразу напрягся, но тут вновь заговорила консул:

— Серебряный круг утратил былую силу, Приткин. Ты же не хочешь сказать, что он не может защитить Кассандру только потому, что она находится за пределами его досягаемости? Неужто вы настолько слабы?

Лицо мага потемнело от гнева, рука крепче сжала ножны. Я вновь взглянула в его прозрачные глаза... и вдруг мне все стало ясно. Я поняла, кто он. Говорили, что в Серебряном круге есть особый отряд магов-воинов, умеющих воевать как с людьми, так и с

магами; этот отряд вступает в действие, когда требуется исполнить волю круга. Маги из окружения Тони боялись этого отряда как огня, поскольку маги-воины имели право убивать послушников без суда и следствия. Магам, исключенным из круга, в дальнейшем запрещалось колдовать; если же их заставляли за этим занятием, то наказание было одно — смерть. Да, но почему круг прислал за мной этого смешного вояку? Даже в сообществе магов ясновидящих считают чем-то вроде жалких любителей, у которых способностей не больше, чем у ярмарочной гадалки; против нас даже не устанавливают защитного поля. И все же, даже если нас не так уж и много, это еще не значит, что мы не существуем. А что, если круг это понял и начал устранять конкурентов, начиная с меня? Везет мне, как всегда.

С другой стороны, если магу вздумается убить меня прямо на глазах Сената, никто ему этого не позволит. Даже у Серебряного круга нет такого права. Значит, сейчас меня не убьют и у меня есть немного времени. Я украдкой бросила взгляд на Томаса. У него остался мой пистолет. Может быть, он сумеет мне его передать? Конечно, я еще не сошла с ума, чтобы стрелять в членов Сената, тем более что это абсолютно бесполезно, просто с оружием как-то спокойнее. Особенно если перед тобой стоит вооруженный до зубов волшебник.

— Она уже получила от нас самый сильный защитный знак. Сегодня ночью мы передали ей значительную часть нашей силы; ее спас не только ваш вампир!

— Совершенно верно, иначе говоря, Кассандру спасли наши совместные действия, как и должно быть, — вступил в разговор «Джи-кью».

Я удивилась: до сих пор никто не осмеливался вступать в разговор с консулом; однако все члены Сената молчали и не выказывали негодования. Может быть, у них демократия? В таком случае они первые. В «семье» Тони прав был тот, кто сильнее, и безраздельно царил «закон джунглей». И в других вампирских кланах, насколько я помню, было так же. Сенат обладал властью только потому, что его боялись все, включая Тони, из чего следовало, что рыжеволосый красавчик был вовсе не так безобиден, как казалось, иначе его давно сожрали бы живьем.

Интересно, что «Джи кью» был первым, кто обратился ко мне лично; до сих пор обо мне говорили как о мебели.

— Позвольте представиться. Меня зовут Луи Сезар, — сказал он, отвечивая мне поклон. — *A votre service, mademoiselle*^[4].

Он смотрел мне в глаза очень пристально, однако тон его был мягким, и у меня немного отлегло от сердца — кажется, меня еще не занесли в меню.

В отличие от большинства дам двадцать первого века я знаю, как нужно отвечать на поклон. Моя гувернантка и учитель, которых мне нанял Тони, принадлежали к Викторианской эпохе, поэтому я знаю, что такое реверансы и книксены. Честно говоря, я думала, что забыла эту науку, но вежливый поклон Луи Сезара заставил меня все вспомнить. Жаль, что в этот момент, обратившись с каким-то вопросом к консулу, он на меня не смотрел, поскольку мог бы от души повеселиться, видя, с какой грацией я пытаюсь присесть в глубоком реверансе в своих сапогах на высоченных каблуках-шпильках и самой минимальной мини-юбке.

Увлечшись тем, что происходило в зале, я едва не пропустила вторую попытку покушения на свою жизнь. Когда меня внезапно ударило сильнейшей энергетической волной, я даже не поняла, откуда она исходит. Внезапно в лицо полетели раскаленные брызги, но тут вперед рванулся Томас и, сильным ударом сбив меня с ног, повалил на пол.

Поскольку я лежала лицом вверх, то видела, что два стражника, стоявшие посреди зала, замерли неподвижно, в то время как их плоть медленно сползала с костей, словно пожираемая невидимыми насекомыми. В следующую секунду на пол с грохотом рухнули два скелета, больше от стражников не осталось ничего.

Я плохо видела, что случилось потом, все происходило с невероятной быстротой, к тому же обзор мне загораживал Приткин, который в мгновение ока оказался рядом; в одной руке он сжимал нож, в другой — пистолет, а над его головой, словно на невидимой ниточке, в воздухе висели нож и какие-то склянки. На секунду мне показалось, что маг решил меня прикончить, но он даже не смотрел в мою сторону. Внезапно я увидела, что стоявшая у дверей глиняная статуя ожила и двинулась к нам. Несмотря на то что вместо глаз у нее были огромные вмятины, она смотрела на Приткина и явно ждала приказа. Таких статуй я никогда раньше не видела, но кое-что о них слышала. Тони и его приспешники боялись големов не меньше, чем магов-воинов. Големы — это статуи, оживленные с помощью древней иудейской магии — каббалы. Обычно големы выполняют различные поручения своих хозяев — раввинов, однако в последнее время их все чаще используют рыцари, как теперь называют магов-воинов.

— Охраняй! — Приткин показал на меня, и статуя повернула голову в мою сторону.

Голем тут же встал возле меня, а Приткин ринулся в бой. Я отвела взгляд — статуя страшила меня больше, чем убийца-вампир, — чтобы видеть то, что происходило в зале. Джек кружил возле одного из оставшихся в живых стражников; тот глухо рычал, как зверь, но Джека это лишь забавляло — его щеки горели, глаза сияли, ну совсем как у ребенка утром после Рождества. Заметив, что к нему на помощь спешит Приткин, Джек небрежно махнул рукой: дескать, оставь, он мой.

Второй стражник к этому времени уже выбыл из игры: захлебываясь кровью, он хватался за грудь в том месте, где в нее вошла рапира, причем так легко, словно на стражнике не было никакой кольчуги. Окровавленное острие, пронзив грудь, вышло из спины и теперь торчало оттуда чуть ли не на фут, тускло поблескивая в свете канделябров. Раньше, когда я видела рапиры в кино, то думала, что это оружие скорее для красоты, чем для боя, но, видимо, я ошибалась. Смертоносное лезвие рапиры, примерно дюйм в ширину и три фута в длину, работало как кинжал. Я видела, как, вытащив клинок из груди вампира, Луи Сезар одним движением снес ему голову. Все было сделано так быстро, что сначала я ничего не поняла, но в следующую секунду голова с глухим стуком покатила по полу.

Глаза вампира еще мигали, а рот скалился, когда голова покатила и остановилась в футе от меня; каким-то чудесным образом она осталась в шлеме. Клянусь, губы вампира двигались, словно он из последних сил пытался дотянуться до моего горла, хотя вокруг головы уже расплзалась лужа крови. Наверное, я вскрикнула от ужаса, потому что голем тут же пинком отбросил голову далеко в сторону. И все было бы ничего, если бы статуя, не рассчитав силы, не зашвырнула окровавленную голову так, что она, перелетев через стол Сената, со смачным шлепком ударила о стену, отлетела в сторону и приземлилась прямо возле стула какой-то красотки с затейливой прической.

Мгновенно по полу разлилась лужа крови, на волосы дамы полетели алые брызги, сверкая, как крошечные рубины. Наклонившись, дама пошарила под столом, извлекла оттуда голову и вежливо предложила ее своему соседу, но получила столь же вежливый отказ. Сосед был занят тем, что освобождал стол от кровавых пятен; делал он это так: держал руку над поверхностью стола и вся разбрызганная кровь, устремляясь к нему, как железо к

магниту, мгновенно исчезала.

— Надоело мне все это, — пожаловался он даме, и та понимающе кивнула, будучи занятой тем, что слизывала мозг с торчавших из головы шейных позвонков.

Я закрыла глаза, пытаюсь справиться с приступами рвоты; хорошо хоть, что не завопила. Ну, во-первых, это означало бы проявить слабость в присутствии членов Сената, а мне это было ни к чему. Во-вторых, у меня все еще болело горло. В-третьих, мне не хватало воздуха, поскольку Томас был довольно тяжел. Я попыталась сдвинуть его в сторону, но это было все равно что двигать мраморную статую — он лишь нажал крепче, и я чуть не заорала от боли. Тогда он слегка расслабился, и мне показалось, что я лежу под нежнейшим атласом, только при этом нельзя было глубоко дышать или двигаться; тем временем рядом с нами сошлись в схватке Джек и стражник-вампир.

Я никак не могла понять, почему никто не убил стражника, когда тот, выхватив боевой топор, двинулся ко мне с таким выражением, какое можно увидеть на лицах большинства парней в лучших шоу канала «Плейбой». Если Сенат решил, что мне пора умереть, то не лучше ли было это сделать руками Тони? А если меня решили оставить в живых, то какого черта Луи Сезар стоит как вкопанный, вместо того чтобы пустить в ход свою рапиру? Возможно, он решил, что мимо Приткина, Рафа и Томаса стражнику не пройти; а если он ошибся? Лезвие топора выглядело жутко острым, к тому же я знала, как молниеносны движения вампиров. Доля секунды — и я стану основным блюдом для «Мисс Джорджия-1860», когда та выпьет свой аперитив. Тем не менее никто не двинулся с места, и только Томас подтянулся чуть выше, уткнувшись лицом в мой кружевной лифчик. Его лицо было спокойно, но я чувствовала, как бешено стучит его сердце. Не слишком приятно сознавать, что и ему страшно.

Я перевела взгляд — там, за темной головой Томаса, плясали отблески свечей, отражаясь в лезвии огромного топора, который находился всего ярдах в четырех от нас. Я застыла от ужаса, глядя на стражника, когда тот вдруг бросился ко мне, как разъяренный тигр. Тут-то все и началось. Превратившись в уродливое темно-зеленое нечто, Джек действовал мгновенно — я лишь успела заметить, как мелькнули бледные руки, и стражник уже лежал на земле, пригвожденный к каменному полу четырьмя ножами, два из которых были огромными, с широкими лезвиями и массивными деревянными ручками вроде тех, какими пользуются на кухне, остальные два — изящные, серебристые — принадлежали Приткину. Как только пленником завладел Джек, маг едва заметным движением руки заставил их вернуться обратно. Вспоров плоть вампира, ножи сами вылезли из его тела и заняли свои места: один спрятался в ножны, висевшие на руке Приткина, второй залез в его сапог. Затем маг вместе с големом подошли ко мне, чтобы помочь подняться. Томас, только что спасший мне жизнь, смерил меня холодным взглядом; его глаза поблескивали, как зеленые льдинки.

Консул сохраняла полнейшее самообладание, только на ее прекрасном лице между бровей пролегла морщинка.

— Осторожнее, Джек. Мне нужна информация, а не труп.

Джек ответил ей любезной улыбкой.

— Вы получите и то и другое, — сказал он, склоняясь над стражником.

Я быстро отвернулась; послышался звук вспарываемой плоти и треск костей. Видимо, Джек доставал свои ножи, отламывая жертве конечности. Я сглотнула подкатившую к горлу желчь. Надо же, а я и забыла, какие вещи иногда случаются во время заседаний суда.

— Как я уже говорил, мадам, mademoiselle явно нехорошо. Может быть, дадим ей отдохнуть?

Луи Сезар говорил так спокойно, словно ничего не случилось. Между тем Джек вынул из кармана маленький футляр, достал из него хирургические инструменты и деловито разложил их возле извивающейся жертвы. Я услышала его тихий и хриплый смех; отлично, хоть кому-то весело.

— У нас нет на это времени, Луи Сезар, ты же знаешь.

— Chere madame^[5], впереди у нас целая вечность... — Они обменялись понимающими взглядами. — Позвольте мне объяснить мадемуазель Палмер, в чем состоит дилемма, и выслушать ее ответ, пока не наступило утро. А вы тем временем завершите... допрос.

Он взглянул на меня, и я затряслась от страха при мысли о том, что сейчас останусь один на один с существом, которое только превратило в люля-кебаб огромного и сильного вампира-стражника. Заметив выражение моего лица, Луи Сезар добавил:

— Разумеется, Рафаэль пойдет с нами.

Мне, конечно, не понравилось, что он так легко угадывает мои мысли, но вместе с тем на душе стало спокойнее, раз со мной рядом будет друг. То есть спокойнее мне было до тех пор, пока я не увидела, как Джек вспорол стражнику живот, вытащил оттуда кишки и принялся наматывать их себе на руку, как связку сосисок. Заметив мой взгляд, он хмыкнул, облизнул пальцы и подмигнул. У меня по коже побежали мурашки. В ту минуту я подумала, что разговор мне предстоит тяжелый, независимо от того, кто будет в нем участвовать.

Наконец было решено, что в мою комнату меня проводят Луи Сезар, Раф и Мирча. Приткину это не понравилось, но спорить с консулом он не решился. И правильно сделал — она была сильным противником, а я уже довольно насладилась стычками и драками, которые пережила за эту ночь; кроме того, страшно было представить, что могло бы произойти, если бы в схватке сошлись маг-воин из Серебряного круга и вампир в возрасте двух тысяч лет. Впрочем, лично я смотреть на это не собиралась.

Я тихо радовалась, что двое из сопровождающих были моими друзьями или, по крайней мере, поддерживали нейтралитет, но вместе с тем меня это тревожило. Сенат поступил со мной подозрительно милостиво: защитил от убийц, не отдал в руки Тони или магов Серебряного круга, заботился о моем здоровье и даже дал в сопровождающие тех, кого мне хотелось. Все это наводило на размышления.

Не прошло и минуты, как я уже не была так уверена, что охрана мне не нужна. Мы дошли до второго лестничного пролета, когда навстречу нам попался оборотень. Это был рослый зверь, покрытый серо-черной шерстью, с характерной длинной мордой и острыми как бритва клыками. На долю секунды я встретилась с ним взглядом и замерла, поставив ногу на ступеньку. Раньше мне никогда не приходилось видеть оборотней так близко, но я инстинктивно поняла, кто передо мной. Дело было не в размерах твари; в его глазах светился ум, которым животные не обладают. Я не поняла только одного: что здесь делает волк?

Сказать, что вампиры и оборотни не ладят между собой — это ничего не сказать. Возможно, их ненависть друг к другу вызвана тем, что они хищники, а может быть, Тони был прав, когда говорил, что оборотни смертельно завидуют вампирам, потому что те бессмертны. Как бы то ни было, дружат они как огонь и вода. Когда же дело доходит до драки, начинается светопреставление — льются потоки крови, летят клочья шерсти. Вот и сейчас я ожидала жестокой стычки, но вампиры не произнесли ни слова, и только Раф крепче сжал мою руку, а Луи Сезар кивнул в знак приветствия, словно каждый день встречался на лестнице с громадными волками.

— Себастьян! Рад тебя видеть.

Ответа не последовало, поскольку оборотень находился в зверином обличье; тем не менее задирать вампиров он не стал, а лишь молча проскользнул мимо. Чудеса, да и только. Это вам не Канзас и даже не Атланта.

Наконец мы добрались до конца лестницы; выглянув в окно, я получила возможность убедиться, что мы находимся где угодно, только не в северной Джорджии. Кроме того, я поняла, почему консула так беспокоило время. Видимо, пока я спала на руках у Томаса, прошло больше времени, чем я думала, и меня перенесли не только за границы штата. Краски, которые я увидела за окном, разительно отличались от палитры оттенков любого уголка Джорджии: зеленые и серые тона, характерные для самого сердца Юга, сменились голубыми и темно-синими — тонами, в которые были окрашены небеса и проплывающие по ним облака. Над головой раскинулся усеянный звездами черный шатер, но показавшаяся на горизонте фиолетовая полоска говорила о том, что близится рассвет.

— Скоро рассветет.

Луи Сезар взглянул в окно и распахнул передо мной дверь.

— Ну и пусть себе, — небрежно бросил он. Услышав его бесцеремонный тон, я сузила глаза.

Даже Раф с приближением рассвета становился каким-то напряженным, много говорил, из рук у него все валилось. Чем младше вампир, тем скорее наступает это состояние. У каждого вампира есть что-то вроде внутренней системы безопасности, которая следит, чтобы он не оказался на солнце и не изжарился. А этот француз, похоже, ни о чем не беспокоится. Что ж, либо он обладает невероятной силой, либо просто хороший актер; в любом случае мне от этого не легче.

Пройдя мимо Луи Сезара, я вошла в комнату и огляделась. Она была выкрашена в тона, которые, по всей видимости, должны были соответствовать виду из окна при дневном свете. Бледно-бирюзовые стены были увешаны индейскими одеялами цвета жженой умбры, красными и бирюзовыми одеялами индейцев племени навахо; на грубом деревянном полу лежал ковер в тон одеялам, пол перед камином был выложен терракотовой плиткой. Немного потертые кожаный диван, стул и темно-красная оттоманка выглядели довольно уютно. Да и вся комната показалась мне милой и удобной; очевидно, Сенат не разделял любви Тони к готике.

— Прошу, мадемуазель, *asseyez-vous*^[6].

С этими словами Луи Сезар встал возле массивного кресла перед камином. Я взглянула на Рафа, но тот упорно смотрел в окно, сцепив за спиной руки и напрягшись. Ну да, как по расписанию: наступает рассвет. Мне так хотелось оттащить Рафа от окна и обрушить на него град вопросов! Но даже если бы он и хотел отвечать, сил у него уже не было.

Легонько взяв меня за локоть, Мирча указал на кресло.

— Луи Сезар не сядет, пока дама стоит, *dulceatā*.

Это означает «моя дорогая» — так он называл меня, когда я, сидя у него на коленях, слушала его сказки. Как было бы хорошо, если бы он по-прежнему любил меня; иначе, кроме Рафа, мне было не на кого рассчитывать, а он явно отключился.

Я плюхнулась в кресло; француз опустился передо мной на колени. Ободряюще улыбнулся. Я мигнула. У этого мужчины — нет, вампира-хозяина — были ямочки на щеках. Большие.

— Вы позволите осмотреть ваши раны?

Я неуверенно кивнула — довольно рискованно доверять вампиру осмотр кровавых ран, тем более что совсем недавно он выглядел очень голодным. Впрочем, подсохшая кровь их уже не интересует, к тому же разве мне было из чего выбирать? Он вежливо попросил у меня разрешения, будто это имело какое-то значение, но я хорошо знала вампиров: в комнате находились два члена Сената, которые будут корчить из себя джентльменов, пока им это не надоест, а потом... потом я буду делать то, что они захотят. Они это прекрасно знали, как и я.

Луи Сезар вновь улыбнулся, и тут мне стало ясно, почему я так его испугалась. Увидев его вблизи, я поняла, что он невероятно, больше всех известных мне вампиров похож на человека.

За исключением Томаса, который имел причину выглядеть как человек, вампиры часто забывают учитывать разные детали — например, дыхание, биение сердца или цвет кожи, которая уж никак не должна напоминать первый снег. Даже Раф иногда забывал, что нужно

моргать, и делал это всего несколько раз в час. Но Луи Сезара я могла встретить в толпе и спокойно пройти мимо, приняв за человека, — если бы он, конечно, сменил гардероб. Я начала считать секунды, надеясь, что он перепутает частоту дыхания и собьется. Он не перепутал и не сбился.

Живя среди вампиров, я повидала их тысячи, со всего мира; одни из них были яркими и необычными, как консул, другие спокойными и естественными, как Раф. До сего дня я могла бы поклясться, что сумею отличить любого вампира, но оказалось, что Томас дурачил меня несколько месяцев и я ни о чем не догадывалась, да и Луи Сезар легко мог бы сделать то же самое, если бы захотел. Мне это не понравилось; выходило, что я — такая же, как и миллионы самых обыкновенных людей, у которых нет никакого дара, что у меня нет защиты от существ из другого мира, поскольку я их не ощущаю. Я выросла среди вампиров, но у меня не было и десятой доли той энергии, какой обладали члены Сената. От этой мысли я похолодела — что еще мне предстоит узнать?

Луи Сезар молча смотрел мне в лицо; наверное, ждал, когда я приду в себя и перестану его бояться. Не дождался. Когда с его шеи соскользнул один из блестящих каштановых локонов и упал мне на плечо, я подскочила так, словно меня ударили. Его протянутая рука — видимо, он хотел погладить меня по голове, — застыла в воздухе.

— Mille pardons, mademoiselle^[7]. Вас не затруднит откинуть волосы, чтобы я мог осмотреть ваши раны?

Вынув из своих волос золотую шпильку, он протянул ее мне. Я осторожно взяла ее, стараясь не касаться его пальцев. Волосы у меня не слишком длинные — так, едва до плеч; я небрежно завязала их в конский хвост, изо всех сил стараясь подавить в себе отчаянные приступы паники. Какой-то инстинкт, сидевший во мне, инстинкт более древний, чем разум и вежливые слова, произносимые в этой уютной, светлой комнате, вопил и требовал, чтобы я немедленно сбежала и где-нибудь спряталась. Конечно, это была реакция на события минувшей ночи, и все же мне хотелось отодвинуться от Луи Сезара как можно дальше. Усилием воли я заставляла себя сидеть спокойно, пока он осматривал мою голову, и делала вид, что руки у меня вовсе не покрылись мурашками, а сердце не колотится так, словно речь идет о моей жизни. Не знаю, откуда взялось это ощущение, но горький опыт научил меня доверять инстинкту, а инстинкт велел мне спастись.

— Ah, bon. Ce n'est pas tres grave^[8], — пробормотал он и, взглянув мне в лицо, ослепительно улыбнулся — Ничего страшного, я хотел сказать.

Я сделала над собой усилие, чтобы не закричать во весь голос.

Луи Сезар выпрямился и подошел к столу, а я внезапно почувствовала, что могу дышать. Тогда я стала вспоминать, что так меня напугало, но ничего не вспомнила. Если судить по лицу, которому Луи Сезар попытался придать дружеское выражение, он был старше меня лет на пять-шесть, но если по его одежде — на несколько веков. Взгляд его серо-голубых глаз был мягок, движения изящны и грациозны, и вместе с тем в нем не было ничего такого, что отличало бы его от простого смертного. Нет, определенно у меня расшатались нервы — а что вы хотите, за одну ночь я пережила два покушения на свою жизнь, — и все же я никак не могла понять, почему меня беспокоил именно Луи Сезар.

Он приблизился, и меня вновь охватила паника. Я следила за ним, как следит за хищником маленький зверек: затаился и ждет, что, может быть, враг его не заметит и

пройдет мимо. Луи Сезар вновь опустился возле меня на колени, утопая в волнах атласа и кружев; его роскошные каштановые пряди поблескивали в свете ламп. Поставив рядом с собой аптечку, он достал антисептик, вату, пакетик с влажными салфетками и разложил все это на полу возле камина.

— Сейчас я промою вам рану, мадемуазель, и, как смогу, наложу повязку, а завтра придет медсестра и сделает все как следует.

Он был спокоен и даже весел, но я едва сдерживалась, чтобы не броситься к двери.

Бледная тонкая рука, утопающая в кружевах, легла на мою — грязную, испачканную в крови. Холодные пальцы слегка сжались, словно Луи Сезар хотел меня приободрить. Напрасный труд. Я-то прекрасно знала, что в любой момент эта рука может превратиться в стальной капкан. Осторожно оцупав рану, Луи Сезар начал ее промывать. Хотя было совсем не больно, я дернулась и закрыла глаза. Появилось нехорошее чувство — мне казалось, я знаю, что сейчас произойдет.

— Мадемуазель, вам нехорошо?

Его голос прозвучал откуда-то издалека, словно эхо. Почувствовав знакомое ощущение дезориентации, я тряхнула головой, пытаюсь прийти в себя. Я боролась изо всех сил, стараясь стряхнуть сонливость, упорно не желающую отступать. Я не хотела видеть то, что мне предстояло увидеть. Но, как обычно, мой дар оказался сильнее; он всегда оказывается сильнее. Я сдалась, и сразу в лицо ударил порыв холодного ветра — я находилась уже не в комнате. Сделав глубокий вдох, я открыла глаза.

Из распахнутого окна веяло прохладой; была ночь. Легкий ветерок пощипывал кожу, отчего по ней бегали мурашки. Окно было похоже на мозаичное, только с бесцветными стеклами, и не было рисунка, кроме маленьких алмазных вкраплений, сверкавших там, где соединялись между собой кусочки стекла. Оконное стекло было толстым и волнистым, как в некоторых старинных домах в Филли, через него было почти ничего не видно. И все же что-то меня сильно тревожило.

Я огляделась по сторонам и увидела зеркало. В нем что-то отражалось, но что именно, было трудно разобрать, поскольку в комнате царил полумрак, свет падал лишь от нескольких свечей и слабого огня в камине. Зеркало можно было считать шедевром: огромное, в массивной золоченой раме и такое же монументальное, как тяжелая резная мебель, стоявшая в комнате. Все здесь говорило о богатстве и роскоши: и огромная кровать из вишневого дерева с бархатным балдахином, в которой отражался огонь мраморного камина, и каменные стены, увешанные красочными гобеленами такой свежей расцветки, словно их соткали только вчера. На столе в тонкой фарфоровой вазе стоял букет темно-красных роз. Однако меня привлекла не эта красота, а то, что отражалось в зеркале.

Я увидела кровать; на ней на коленях стоял мужчина. Я не узнала его, поскольку его лицо было скрыто под черной бархатной маской, которая несколько напоминала смешную маску из тех, какие надевают на Хеллоуин, но мне в тот момент было не до смеха. Может быть, потому, что, кроме маски, на мужчине ничего не было. Густые локоны падали ему на плечи, переливаясь в свете свечей всеми оттенками бронзы и золота. Теплый золотистый свет играл на мускулистой груди и плоском животе, поблескивал в капельках пота, которые не успел высушить ночной ветер, отчего казалось, что на мужчине надета прозрачная, усыпанная бриллиантами рубашка. Он был словно ожившая золотая статуя с тем отличием, что у статуй не бывает эрекции. Я сглотнула, и мужчина в зеркале тоже сглотнул, и его голубые глаза расширились, когда он все понял.

Но ведь это безумие, это невозможно! Еще никогда я не принимала участия в собственных видениях, я лишь наблюдала со стороны, будучи невидимой, словно призрак. Не успела я решить, что мне делать, как почувствовала у себя между ног чью-то теплую руку; потрясенная, я взглянула вниз и увидела под собой молодую брюнетку, утопающую в ворохе одеял. В комнате стоял тяжелый, густой запах секса, и теперь я знала почему.

Нежная маленькая ручка играла моей — его — плотью, уверенно, со знанием дела, и я вдруг с ужасом увидела, как некая часть тела, которой у меня никогда не было, начала увеличиваться, а меня затопила волна невероятных ощущений и мыслей, которых у меня также никогда не было. Женщина тронула ногтем розовый кончик, тянущийся к ней, и я чуть не вскрикнула. Такого я еще не испытывала. Конечно, нельзя сказать, что по этой части у меня был богатый опыт, однако то, что я ощущала в ту минуту, было ни с чем не сравнимо. Обычно я чувствовала, как по телу разливается теплая волна, но сейчас мне отчаянно хотелось как можно глубже войти в белоснежное женское тело.

Брюнетка изогнулась, утопая в толстых мягких одеялах, ласкающих наши тела.

— Что с тобой, милый? Только не говори, что больше не хочешь! — Она заглянула мне в лицо, и у меня внезапно перехватило дыхание. — У тебя же получается три раза подряд, я знаю!

Я вышла из оцепенения, когда она облизнула губы и сильнее прижалась ко мне, а я откинулась назад и вскрикнула от боли, поскольку она не сразу отпустила меня, а моя усталая плоть требовала отдыха. Боль действовала возбуждающе, но женщина меня больше не интересовала. Она насмешливо поглядывала на мои невесть откуда взявшиеся мужские причиндалы, а я чувствовала, что меня сейчас стошнит. Не могу выразить, что я испытывала — крайнее смущение, замешательство... еще черт знает что.

Дрожащими руками я потянулась к маске и резким движением сорвала ее. Из зеркала на меня смотрел Луи Сезар, белый от смущения. Мне захотелось завопить, потребовать прекратить это немедленно, убратся из меня, однако я знала, что все не так просто, поскольку не он, а я вошла в него; каким образом я это сделала и как мне теперь выйти, я не знала. Женщина взвизгнула, вырвала у меня маску и попыталась вернуть ее на место.

— Не стоит так рисковать, мсье! Вы же знаете, что за педанты эти сторожа, — никогда не снимайте маску. — Она зло улыбнулась. — К тому же мне нравится заниматься любовью с мужчиной в маске. — Обвив мою шею руками, она притянула меня к себе. — Мне холодно. Поцелуйте меня.

Я оттолкнула ее и полезла на край кровати, обдумывая, что произошло бы, если бы я упала в обморок. Краем глаза я видела какой-то черный туман; интересно, я смогу проснуться или уже навсегда застряла в этой комнате? Нет, лучше о таком не думать. Женщина вздохнула и легла на спину, проведя рукой по своим грудям. Темно-коричневые соски резко выделялись на молочно-белой коже; она внимательно наблюдала за мной.

— Ты устал, любовь моя? — Рука женщины скользнула ниже, к темным волосам между ног; она усмехнулась. — Иди сюда, я тебя взбодрю.

Пока я соображала, что бы такое ответить, тяжелая дверь распахнулась и в комнату решительно вошла пожилая женщина в сопровождении четырех стражников. Судя по выражению ее лица, она пришла не для того, чтобы присоединиться к нам, слава богу.

— Взять его!

Двое стражников стащили меня с постели, брюнетка взвизгнула и натянула на себя одеяло.

— Мари! Что ты делаешь? Уходи отсюда немедленно! Вон!

Не обращая на нее внимания, та смерила меня презрительным взглядом.

— Всегда готов, как я погляжу. Как ты похож на своего отца! Уведите его, — приказала она стражникам.

Меня выволокли из комнаты, даже не дав одеться. Брюнетка успела швырнуть мне парчовый халат, в который я завернулась; надевать туфли и штаны времени уже не было. Вслед нам понеслись ругательства, которые брюнетка адресовала в основном пожилой женщине. Хотя говорила она не по-английски, я каким-то образом все понимала. А может быть, понимала не я, а мое тело — и давало мне перевод. Во всяком случае, размышлять на эту тему я не могла, потому что стражники поволокли меня сначала по каменному коридору, а затем по длинной лестнице, ступени которой имели углубления от тысяч и тысяч ног, прошедших по ним за несколько столетий. Было темно и так холодно, что изо рта у меня шел пар.

Дойдя до конца лестницы, женщина остановилась и повернулась ко мне. В ее взгляде больше не было презрения, теперь я видела в нем страх.

— Дальше я не пойду. Я уже видела, что тебя ожидает, с меня довольно. — В ее глазах мелькнула жалость. — До сих пор ты жил только потому, что молчал. Сегодня ночью ты будешь наказан за то, что нарушил молчание.

Она отвернулась, а стражники начали подталкивать меня к какой-то черной дыре. У меня было сильное тело, но справиться с ними я не могла. Пытаясь вырваться, я искала женщину взглядом, но она уже уходила прочь, прямая и стройная в своем винно-красном платье.

— Пожалуйста! Мадам! Зачем вы это делаете? Я ничего не говорил, клянусь вам!

Это говорила не я — слова сами срывались с моих губ; женщина не остановилась.

— Если хочешь знать, кому все это выгодно, спроси своего брата, — бросила она через плечо, прежде чем войти в комнату и захлопнуть за собой дверь. Это было последнее, что я слышала.

Лестница, по которой меня вели, была слишком узка для трех человек, но стражникам вовсе не нужно было держать меня за руки — все равно бежать некуда. Лестницу освещали лишь несколько полосок лунного света, просачивающихся сквозь решетки на узких оконцах; мы шли все вниз и вниз. Влажные, покрытые слизью ступеньки были такими крутыми, что я едва не падала, особенно если учесть, что была без башмаков. Я ужасно замерзла; от бывшего возбуждения не осталось и следа. Но я по-прежнему ощущала между ног некий непривычный предмет, отчего хотелось вопить благим матом. Внезапно я споткнулась, но боль меня даже обрадовала, потому что вернула способность и желание размышлять, о чем я совершенно забыла.

Наконец лестница закончилась; тусклый свет факелов играл на каменных стенах, с которых струйками стекала вода. Внезапно мне стало так холодно, словно моя кровь застыла и превратилась в лед. Странно, что на стенах не было инея, а только капли воды.

Однако страшнее сырости и холода были жалобные мольбы и стоны, доносившиеся из-за обитой железом двери в нескольких ярдах от нас. Дверь была тяжелая, деревянная, и крики звучали совсем глухо, но от этого они не становились менее ужасными. Какое в них слышалось отчаяние, боль и тоска! Узники звали на помощь, заранее зная, что она не придет. Машинально я шагнула назад, в полосу света, отбрасываемую ближайшим факелом, но стражник схватил меня за плечи и грубо толкнул вперед. Я упала на колени, ободрав их о

неровные камни, которыми был выложен пол.

— Тебе туда.

Я начала медленно подниматься; потеряв терпение, стражник схватил меня за шиворот и рывком поставил на ноги. И тут я увидела перед собой толстенького лысого коротышку в окровавленном фартуке и грязных шерстяных штанах. Имея рост пять футов и четыре дюйма, я не привыкла смотреть на мужчин сверху вниз, а потому уставилась на коротышку с болью и смущением. Его полные губы расплылись в улыбке, обнажив серые зубы, и я отпрянула. Это ему понравилось.

— Вот и хорошо. Бойтесь меня, M'sieur Le Tour^[9]. И помните, что вы больше не принц. — Он смерил меня взглядом. — Сейчас увидим, насколько вы крепки. Сегодня вы мой!

В замке повернулся огромный железный ключ, и дверь распахнулась. Я увидела большую квадратную комнату с каменными стенами и высоким потолком. Меня втокнули внутрь. Я снова упала, на этот раз на грязную солому, пахнущую мочой и кое-чем похуже и совсем не смягчившую удара. На какое-то мгновение во мне закипела ярость, однако в следующую секунду она сменилась ужасом. Прямо перед собой я увидела дыбу, на которой висела голая женщина, и уже не могла отвести от нее глаз. Ее суставы были растянуты и разворочены самым кошмарным образом; из рваных ран стекали ручейки крови и, засохнув, оставляли на теле широкие потеки; пол вокруг несчастной был весь в коричневых пятнах. Я никогда не думала, что в человеческом теле столько крови.

Вдоль стен сидели закованные в цепи узники; увидев меня, они стали умолять спасти их, но я не обращала на них внимания. Я смотрела только на женщину, безмолвно обвисшую на веревках. В ее широко раскрытых глазах отражался свет факелов; трудно было сказать, теплилась ли в них хоть искорка жизни. Я надеялась, что нет. Заметив мой взгляд, к женщине подошел один из палачей.

— Да, вашей подружке больше не гулять, — сказал он, склоняясь над ней.

Он потрогал веревки, стягивающие руки женщины, и я увидела, что на ее пальцах нет ногтей. Концы ее пальцев были словно размолоты или изжеваны каким-то животным, а суставы распухли так, что, видимо, она уже никогда не сможет сжать пальцы в кулак, даже если попытается это сделать.

Я навидалась всякого, пока жила у Тони, но случаи насилия, свидетелем которых я иногда становилась, просто мелькали у меня перед глазами и, прежде чем я успевала на них отреагировать, заканчивались. Тони тоже применял пытки, но меня на такие зрелища не допускали. Эжени следила за этим крайне строго; теперь я поняла почему. То, что сейчас происходило у меня на глазах, было гораздо страшнее, чем обычная жестокость: это была привычная, рутинная работа заплечных дел мастеров, которые не испытывали к своей жертве ни злобы, ни жалости; они не испытывали вообще ничего, боль и страдания были всего лишь неотъемлемой частью их работы.

— Ладно, для демонстрации сгодится, — заметил палач и, сделав знак своим помощникам, вынул из-за пазухи грязную бутылку с вином. — Вот что ожидает всякого, кто посмеет разгневать короля. Смотри и запоминай, зараза.

Я застыла, не в силах вымолвить ни слова; тем временем палач принялся поливать вином волосы, лицо и шею женщины. Пропитав волосы, струйки вина полились на пол, собравшись в красную лужицу. Я вышла из оцепенения, когда поняла, что сейчас

произойдет.

Когда рука палача потянулась к стоявшему рядом свечному огарку, я рванулась вперед.

— Нет! Не смейте! Пожалуйста, мсье, не надо, умоляю вас...

Увидев на лице палача довольную улыбку, я поняла, что поступила так, как ему хотелось, и что он вовсе не собирался останавливаться. Глядя мне в лицо и ухмыляясь, он поднес огарок к факелу, и вскоре на огарке заплясал маленький огонек. Не тратя силы на дальнейшие разговоры, я молча бросилась к палачу и выхватила из его рук свечу, но силы были слишком неравны — двое помощников схватили меня за руки и оттащили прочь. Главный палач, бросив на меня равнодушный взгляд, в котором не было ничего человеческого, улыбнулся, поднял огарок с пола и вновь поднес его к факелу.

Я смотрела, как он подошел к женщине; я не могла не смотреть. В ее светло-карих глазах блеснули слезы, она заморгала, и капли вина начали падать с ее длинных ресниц; затем ее заслонил палач. Часть моего разума говорила, что в последний момент он остановится, что все это розыгрыш, что он не станет, не сможет этого сделать! Меня просто хотят запугать, помучить, чтобы в дальнейшем я была стоворчивее и послушнее; возможно, это и в самом деле было так, но женщину это не спасло.

Все поплыло у меня перед глазами, в голову хлынули мысли, которых раньше у меня никогда не было. Внезапно я начала видеть другие места, других людей, словно кто-то начал показывать мне кинофильм. Сквозь прозрачную дымку я видела женщину и ее палача; затем случилось то, что должно было случиться.

В моей голове вновь зазвучал тот же голос, напоминая, что, живя у Тони, я хоть и не была свободной, но и не знала жестокости. Меня одевали в прекрасные ткани и тончайшие кружева, у меня были книги, гитара и краски, чтобы я не скучала; охранники низко кланялись, когда входили в мою комнату, и не осмеливались садиться в моем присутствии, пока я им этого не разрешала. В моих жилах течет королевская кровь, об этом помнили все. Я никогда не видела сцен звериной жестокости, никогда не знала ужаса. И тут мною овладела дикая ярость. Это несправедливо, такого не должно быть ни ради мира на земле, ни ради вообще неизвестно чего, и неважно, какие высокопарные фразы произносятся по этому поводу! Передо мной над беззащитной жертвой издевается трус и садист, который лебезит перед судьями, прикидываясь невинной овечкой, и творит страшные вещи за закрытыми дверями. И это меня они называют мразью!

Я затрясла головой, пытаюсь заглушить звучащий во мне голос, стряхнуть липкую паутину, затянувшую мое зрение; прошла секунда, другая — и мне это удалось. Но я вновь окунулась в кошмар, когда увидела, как палач поднес свечу к лицу женщины, а затем к ее волосам. Пламя занялось мгновенно — с шипением огонь перекинулся с одной пряди на всю голову, а оттуда на плечи. Через несколько секунд вся верхняя половина туловища несчастной превратилась в пылающий факел. Я завопила, потому что больше ничего сделать не могла. Мой крик подхватили другие узники, и комната наполнилась пронзительными воплями и лязгом цепей, скрежещущих по мокрым камням. Мы ничем не могли помочь мученице, но от наших криков содрогнулись стены; женщина не издавала ни звука.

— Мадемуазель Палмер, что случилось? Что с вами? Передо мной маячило лицо Луи Сезара, который тряс меня за плечи. В комнате кто-то вопил тонким, пронзительным голосом; прошло несколько секунд, прежде чем я поняла, что кричу я сама.

— *Mia stella*, успокойся, успокойся! Оттолкнув француза, Раф крепко прижал меня к себе. Я вцепилась в его мягкий кашемировый свитер и прижалась к нему как можно сильнее,

зарывшись лицом в шелковую рубашку. Я вдыхала знакомый запах его одеколона, но он не мог перебить запаха пропахшей мочой камеры и горячей плоти той, что некогда была женщиной чуть старше меня.

Немного погодя я подняла глаза и встретила взглядом с Луи Сезаром.

— Скажите мне, что она была уже мертва, что она ничего не почувствовала!

Мой голос звучал жалобно, глаза, отражавшиеся в зеркале, были расширены от ужаса. Они напомнили мне глаза погибшей женщины, только она видела вещи куда более страшные, чем я.

— Мадемуазель, я готов помочь вам, чем только смогу, но я не понимаю, о чем идет речь!

Раф поглаживал меня по голове и спине.

— Это было только видение, *mia stella* только видение! — шептал он. — У тебя и раньше такое бывало; ты же знаешь, что это просто твое воображение, со временем ты все забудешь.

Я затрясла головой, вздрагивая всем телом, и он крепче прижал меня к себе. Я сжала его так сильно, что, будь он смертным, то, наверное, взвыл бы от боли.

— Этого я никогда не забуду, никогда... Они пытали ее, а потом сожгли живьем, а я не могла... я просто стояла рядом, и все...

Чтобы не стучать зубами, я закусил губу. Я навсегда запомню холод того подземелья и тот огарок, единственный источник тепла. Нет, не надо об этом думать; не надо, и все забудется само по себе. Но, повторяя эти слова, я знала, что ничего не смогу забыть.

За свою жизнь я пережила тысячи видений; я видела и прошлое, и будущее, и все они были не слишком приятными. Я видела много страшных вещей, но ничто не повлияло на меня так, как это. Со временем я научилась не принимать близко к сердцу того, что видела, относиться к этому как к теленовостям — это произошло где-то далеко и нас не касается. Но раньше я никогда и не участвовала в своих видениях, не ощущала запахов и не чувствовала страха тех, кто переживал страшное событие. Одно дело — видеть, как произошла автокатастрофа, и совсем другое — быть ее участником. Не думаю, что когда-нибудь смогу забыть взгляд той женщины.

— Бог мой, вы видели Франсуазу? — спросил Луи Сезар, подходя к нам; он казался потрясенным, и я отодвинулась от него подальше.

— Не прикасайтесь ко мне!

Раньше от него пахло дорогими духами, но теперь мне казалось, что я чувствую запах горелого мяса. Я не просто боялась, что он ко мне прикоснется, я не желала находиться с ним в одной комнате.

Луи Сезар отошел в сторону и нахмурился.

— Искренне сочувствую вам, мадемуазель. Я не хотел, чтобы вы это видели, ни в коем случае.

Раф взглянул на него.

— Теперь вы довольны, синьор? Я же говорил, что не следует применять «слезы»! Когда она расстроена или волнуется, видения приобретают крайне неприятную форму. Но меня же никто не слушает. Может быть, теперь вы станете умнее.

Он замолчал; подошел Мирча и протянул ему хрустальный стакан.

— Пусть она это выпьет, — сказал он, и Раф взял у него питье.

— Но я ничего не применял, — возразил Луи Сезар. — У меня их даже нет!

Раф не обратил на него внимания.

— Выпей, *mia stella*, тебе станет лучше.

С этими словами он сел рядом со мной в большое кресло; я маленькими глотками пила виски из хрустального стакана, и постепенно мое дыхание успокоилось. Виски был очень крепок и даже обжег горло, но мне все-таки полегчало. Мне полегчало бы от всего, что было способно стереть из памяти жуткие воспоминания. Через некоторое время я заметила, во что превратила роскошный свитер Рафа, — в мятую тряпку. Я немедленно выпустила его из рук, а Раф улыбнулся.

— Ничего, Кэсси, у меня много свитеров. Все прошло, я с тобой. Думай об этом, а не с том, что ты видела.

Хороший совет, но как его исполнить? Как только мой взгляд падал на Луи Сезара, страшные картины возвращались. Зачем Сенату понадобилось, чтобы я это увидела? Что сделал со мной Луи Сезар, почему так изменились мои видения?

— Я хочу принять ванну, — внезапно заявила я. Это был всего лишь предлог, чтобы не видеть Луи Сезара, хотя, конечно, и вымыться не мешало. Мирча взял меня за руку и вывел в коридор.

— Вон та дверь в ванную, — сказал он. — Там должен быть и халат. Пока ты будешь мыться, я прикажу принести еду, а потом мы побеседуем. Если тебе что-нибудь понадобится, проси, не стесняйся.

Я кивнула, отдала ему пустой стакан и открыла дверь, ведущую в прохладный, выложенный голубой плиткой оазис.

Ванна оказалась огромной, как бассейн; сбросив свои грязные тряпки, я с наслаждением окунулась в воду. Открыв кран с горячей водой, я легла, вытянулась во весь рост и положила голову на край ванны; я так устала, что несколько минут собиралась с силами, чтобы взять мыло, в душе сожалея о том, что некому потереть мне спину. К счастью, страшные воспоминания отступили, и я успокоилась. Я полностью выдохлась физически, что начало сказываться и на состоянии моего разума.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Наконец, собравшись с силами, я приступила к процессу смывания засохшей крови с тела и головы.

Я твердила себе, что все, что я видела, не имеет никакого отношения к реальному миру, что несчастная женщина страдала и погибла за много веков до того, как я появилась на свет. Пусть ее кончина была ужасной — я все равно ничем не могла ей помочь. Я пыталась уверить себя, что это видение было своего рода психической икотой, которая возникает у меня всякий раз, когда я прикасаюсь к событиям, произошедшим очень давно и при трагических обстоятельствах, и вместе с тем сама не верила в то, что говорила себе.

Меня с детства учили осторожно относиться к негативным психическим вибрациям. Альфонс коллекционировал старинное оружие, и однажды в детстве я случайно задела автоматический пистолет, который он чистил. Мгновенно в моем мозгу возникла страшная картина расстрела мечущейся толпы; после этого мне в течение нескольких недель снились кошмары. Надо сказать, что обычно я заранее чувствую, какой предмет для меня опасен, а какой нет, словно он сам посылает мне предупреждение. Однако есть такие люди — вроде Луи Сезара, — которые обладают способностью передавать мне свое видение событий, тем самым заставляя в нем участвовать. Зная об этом, я никогда не здороваюсь за руку с незнакомцами, чтобы ненароком не узнать, что кто-то заигрывает с чьей-то женой или

собирается совершить самоубийство. И я никогда, ни разу в жизни не прикасалась к Тони, даже мимоходом. Теперь в этом списке был и Луи Сезар.

Хорошенько вымывшись, я спустила грязную воду и вновь наполнила ванну. Мне хотелось быть абсолютно чистой, а на это требовалось время. На этот раз я добавила в воду пену для ванны — пусть ее будет как можно больше, пусть встает горой, переваливается через край и падает на пол. Мне хотелось одного — пролежать в ванне как можно дольше, до самого утра, чтобы никогда не узнать, что задумал сделать со мной Сенат. Да, он меня защищал, но что он потребует взамен? С другой стороны, где бы я сейчас была, если бы не Сенат? В руках Тони со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что заплатить Сенату мне все-таки придется, и сполна.

Но тут возникает одна проблема: дело в том, что я поклялась никогда не применять свой дар во вред кому бы то ни было — кроме Тони и членов его банды. Не знаю, сколько людей пострадало или даже погибло по моей вине, когда я работала на этого подонка, думаю, что немало. Правда, тогда я не знала, как он использует мой дар, но это не может служить оправданием. Людям, изготовившим ядерное оружие, не позволяют решать, где и когда его применять, но разве им от этого легче? Как давно я не сплю по ночам! И если Сенат попытается заставить меня действовать во вред людям, что ж, значит, пришло время узнать, чего стоят мои принципы.

Левая кисть у меня, видимо, была вывихнута, но не сломана, а ссадина на щеке оказалась вовсе не такой глубокой, как я думала; синяк на заднице можно было не считать, хотя он и был величиной с мою ладонь и из синего стал багровым. Замечательно. Как раз в тон отметинам, оставленным пальцами вампира на моей шее.

Я как раз заканчивала осматривать свои раны, когда в окне внезапно возник Билли-Джо. Сначала я хотела его прогнать — к чему мне зрители? Но если подумать, он — мой единственный шанс на спасение, и будет лучше, если его никто не увидит.

Увидев выражение моего лица, он усмехнулся.

— Не бойся. Кто-то наложил на эти комнаты заклятие — теперь отсюда ничего не слышно. Не знаю, что они там задумали, только явно не хотят, чтобы их подслушали.

— В таком случае ответь мне на один вопрос: где ты шлялся?

Увидев его беспечный вид, я разозлилась: болтается черт знает где, пока я в одиночку вынуждена спасать свою жизнь.

Билли-Джо, пьяница, курильщик и картежник, был моим единственным другом, хотя умер много лет назад. Мой вопрос его смутил: грубый верзила потупил взгляд и стоял, теребя завязки галстука. Что-то с ним было не так — я поняла это уже по тому, что он ни слова не сказал по поводу отсутствия на мне одежды.

— Я встретил Порцию, она и рассказала, что с тобой случилось. Я полетел в клуб, но тебя там уже не было. — Сдвинув на затылок ковбойскую шляпу, он заговорил, сделавшись чуть менее прозрачным: — Ты это все сама сделала? Кладовка разнесена в щепки, и полиции понаехало — тьма.

— Ага, я люблю уложить на месте пяток вампиров и бросить их трупы, чтобы полиции было чем заняться.

В нашем параллельном мире существует правило: оставил после себя беспорядок — убери. В некоторых случаях оставить тела убитых — значит свести с ума патологоанатомов, которым жуткий вид трупов может показаться страшнее самого убийства. Обычные люди не привыкли к таким вещам, отсюда и разные слухи и рассказы, но чем больше становится на земле людей, тем изощреннее должна быть наша тактика. Сенат никогда особенно не волновало, что люди могут увидеть, как препарировать вампиров в наших лабораториях, хотя один их ученый и пытался проникнуть в тайну бессмертия; не волновало Сенат и то, что некоторые правительства пытаются возродить нечто вроде святой инквизиции.

— Какие трупы? — спросил Билли-Джо, продолжая медленно материализоваться — теперь в его рубашке появился красный цвет; между прочим, в тысяча восемьсот пятьдесят восьмом году эти рубашки были в моде, именно в такой его и отправили в круиз на дно Миссисипи, — Там все было в крови, переломано, будто ураган прошел, но никаких трупов я не видел.

Я пожалала плечами. Скорее всего, у Томаса был помощник, который вызвал команду чистильщиков. Нет, все, хватит вспоминать Томаса, предателей я вычеркиваю из своей жизни.

— Не видел? Вот и хорошо, очень за тебя рада. Кстати, что ты думаешь о моей нынешней проблеме?

Билли-Джо сплюнул на пол призрачный жевательный табак; плевок угодил на стену ванной и пополз вниз, оставляя за собой след эктоплазмы. Я нахмурилась.

— Не надо так делать.

— Эй, а ты что, голая?

Усевшись на край ванны, он просунул руку сквозь пену к моему телу. Вообще-то говоря, иногда Билли-Джо умеет передвигать предметы, но сейчас это была просто игра, поэтому его рука прошла сквозь меня. Заставив его отвернуться, я вышла из ванны и накинула на себя полотенце. Я знаю, это глупо, но у Билли-Джо не было женщины уже сто пятьдесят лет, поэтому иногда он забывается. Лучше его не будоражить.

— Давай поговорим. Что тебе известно?

— Немного. Тебя было трудно отыскать. Ты знаешь, что находишься в Неваде?

— То есть как это... постой. Почему меня было трудно отыскать?

Хочу пояснить: большинство призраков привязаны к какому-то одному месту — например, к дому или склепу, — но Билли-Джо обитает в ожерелье, которое я купила в лавке, когда мне было семнадцать лет, поэтому он весьма мобилен. То ожерелье я купила на день рождения Эжени, приняв его за предмет из какого-нибудь ювелирного набора Викторианской эпохи. Знай я, кто в нем сидит, ни за что бы не вынула его из футляра. Однако я вынула и стала его носить, и теперь мне было непонятно, почему Билли-Джо не мог меня найти, особенно если учесть, что он, как бы это выразиться... выбирает самый короткий и прямой путь.

— Ну хорошо, а что ты еще делал? — (Билли-Джо смутился, но не настолько, чтобы не попытаться заглянуть мне под полотенце.) — Перестань. Все, хватит. — Мы где-то в районе Вегаса?

— Ага, в тридцати милях. Здесь что-то вроде ранчо, только нет ни лошадей, ни туристов, да и работники одеты как-то странно. А вообще-то, какая разница? Все равно смертным показывают только огромный голый каньон да запрещающие таблички.

— Тридцать миль? — Между прочим, Билли, вытягивая энергию из ожерелья, мог уходить от него и на пятьдесят миль. — Ты хочешь сказать, что пока я воевала с вампирами, пока меня переносили через всю страну, подвергали допросу, пока мне угрожали и сажали под арест, ты торчал в казино?

— Но, Кэсси, дорогая...

— Нет, вы только подумайте! — Я нечасто сержусь на Билли, потому что бесполезно сердиться на неисправимого лгуна, однако на этот раз меня прорвало. — Меня же едва не убили! Причем дважды! А если тебе на это плевать, то подумай, что станет с твоим драгоценным ожерельем, если меня пристрелят или перережут глотку. Не знаешь? Так вот я тебе скажу: оно окажется в шкатулке какой-нибудь престарелой леди из Подунка, США, за сотню миль от неизвестно чего!

Билли-Джо смущенно топтался на месте, однако не думаю, что при этом он чувствовал себя виноватым. Дело в другом: чтобы не обессилеть, он не может надолго оставлять источник необходимой ему энергии, поэтому я всегда знаю, что рано или поздно он вернется. Чем дальше он уходит от источника, тем скорее у него кончаются силы. Самое для него страшное — это застрять в каком-нибудь захолустном городишке, где нет ни одного салуна, стрип-клуба или казино. Для него это было бы все равно, что попасть в преисподнюю. Находясь у меня, он имел гарантированное проживание в условиях большого города, поскольку в маленьком городке труднее спрятаться. А иногда Билли получал и кое-

что поважнее.

С течением времени у нас с ним образовался симбиоз. Билли-Джо относится к тем духам, которые могут получать энергию от живого донора, совсем как вампиры. Но вампиры получают энергию вместе с кровью, которая, пользуясь терминами параллельного мира, называется хранилищем жизненной силы. Высасывая кровь, вампир получает вместе с ней жизненные силы, что утратил с годами, тем самым их, естественно, восстанавливая. Некоторые привидения умеют делать то же самое и, подобно вампирам, не спрашивают на это разрешения. Но Билли-Джо предпочитает сначала заручиться согласием; он даже говорит, что со мной «толчок» длится гораздо дольше. За то, что я согласилась время от времени отдавать ему часть своей энергии, Билли-Джо обещал мне приглядывать за Тони. Однако в данную минуту я чувствовала, что меня откровенно надули.

— Знаешь, если тебе наплевать, что со мной будет, то я, пожалуй, продам кому-нибудь эту дурацкую штуковину.

Стерев с зеркала пар, я посмотрела на аляповатое ожерелье, которое всегда ношу на шее, — массивную золотую цепь в виде перевитых листочков и цветочков, скрепленную крупным рубином-кабашоном. Хозяин лавчонки, где я купила ожерелье, считал, что это стекляшка, поскольку никогда не видел неограниченных камней, и потому ни разу не почистил ожерелье, на котором с годами накопился слой грязи. Но, даже будучи отмытым и начищенным, оно осталось самым безобразным из всех, что я видела. Обычно я прятала его под одеждой.

— Я выиграл его у одной графини!

— И, судя по отметинам из ломбарда, оно тебе очень дорого.

— Я его всегда выкупал.

Заметив, что Билли-Джо насупился, я смягчила тон. Не стоит с ним ссориться, он мне нужен.

— Ладно, не будем препираться. Мне сейчас не до этого. Я хочу знать вот что: зачем я понадобилась Сенату и...

Билли-Джо поднял руку.

— Пожалуйста, не продолжай, я знаю свою работу. Устроившись на краю ванны, он начал говорить, а я занялась осмотром своих коленей. Высокие сапоги оказались плохой защитой, и колени были сплошь в синяках, глубоких царапинах и ссадинах, я не сомневалась, что к завтрашнему дню они распухнут. Конечно, мне следовало радоваться, что я осталась жива, но радоваться почему-то не хотелось.

— Этого вампира, Луи Сезара, специально вызвали из Европы. Он отличный фехтовальщик. Говорят, не проиграл ни одного поединка, а у него их было сотни.

— Сегодня я видела еще один. — Конечно, стражник был не слишком-то грозным противником, но все же Луи Сезар ловко снес ему голову. — Ты знаешь, что Тони нанял убийц, чтобы они прикончили меня прямо на глазах у членов Сената?

— Чепуха. За это Мирча его бы самого прикончил.

Я просияла. А ведь верно, я об этом не подумала. Если бы Тони задумал со мной разделаться, эту задачу он решил бы просто — подставив Мирчу, ибо ничто, согласно законам вампиров, так не портит репутацию хозяина, как неспособность контролировать действия своего подчиненного. Мирча мне нравился, но становиться ему поперек дороги было опасно.

— Будем надеяться.

— Честно говоря, на Тони это не похоже — не его стиль. — Да у него вообще нет никакого стиля! — В общем, когда я выяснил, что этот Луи Сезар — важная шишка в европейском Сенате, я провел кое-какое расследование.

— Очень хорошо. Выкладывай.

Билли-Джо тяжело вздохнул.

— Ну так вот. Ты находишься в главном штабе МОППМ — Метафизического Объединения Представителей Потустороннего Мира, иначе говоря, центра, где собирается всякая нечисть.

— Я это знаю.

Конечно, я подозревала нечто подобное. Я никогда не бывала в этом центре, но где же еще, скажите на милость, могут запросто встретиться член Сената, маг и вампир? Раньше я об этом не задумывалась, поэтому о центре практически ничего не знала, а Тони мне о нем не рассказывал, поскольку его метод ведения бизнеса был прост: кол в сердце, и с глаз долой. Таков закон вампиров, и МОППМ не был исключением; все знают, что нельзя жить, если тебе в сердце вогнали остро заточенный кол.

— Кое-чего ты не знаешь. Сенат вызвал Луи Се-зара, потому что назревают серьезные проблемы. Помнишь того русского хозяина, с которым вел дела Тони? Ну, того парня, что контролировал половину рэкета в Москве?

— Распутин?

Старый советник Николая Второго, последнего русского царя, был отравлен, застрелен, зарезан и наконец сброшен в воду каким-то князем за то, что имел слишком большое влияние на царскую семью. Князь был прав: царица обожала этого неряшливого монаха-самозванца, потому что ее сын болел гемофилией и излечить его мог только Распутин. В результате Распутин получил неограниченную власть, а его приятели — посты в министерстве. Князь и несколько заговорщиков из числа аристократов, которые решили устранить Распутина, с изумлением обнаружили, что на него не подействовал ни яд, ни пули, ни удары ножа. Только сбросив его с моста, а потом вытащив безжизненное тело, они убедились, что он наконец умер. До сих пор историки спорят, почему Распутин был так живуч. Это могла бы объяснить русская мафия: трудно убить того, кто уже мертв.

— Он самый. Распутин разозлился, когда его место в Сенате было отдано Мэй Лин. Он уже давно пробивался в европейский Сенат — и пробился бы, ведь там сидят такие же мерзавцы, — просто на этот раз он считал себя явным фаворитом. И тут такой удар. Говорят, он пришел в ярость. Потом исчез и где-то пропал шесть месяцев, а когда вернулся, начал нападать на членов Сената. Четверых убил, двоих так покалечил, что они вряд ли долго протянут, а теперь вызвал на дуэль самого консула! Она обратилась за помощью в европейский Сенат, и те прислали Луи Сезара. А Мэй Лин, сама понимаешь, сидит как на пороховой бочке.

— Еще бы.

Когда мне было семь лет, я видела эту Мэй Лин — красивую американку китайского происхождения; росту в ней четыре фута десять дюймов, а весит она фунтов восемьдесят пять, не больше. Впечатляющая личность. Быть вторым после консула — это совсем не то же самое, что быть вице-президентом США. Второй не возглавляет Сенат в случае смерти консула; происходит дуэль — и новым консулом становится тот, кто выходит из нее победителем. Кроме того, титул «второй» вовсе не означает, что его обладатель — вторая по значимости величина в Сенате; такое вполне возможно, но не это главное. Каждый член

Сенат выполняет определенную функцию, то есть является вроде как членом президентского совета. Второй назначается с единственной целью: устрашения. Кто бы ни занимал эту должность, мужчина или женщина, он становится «блюстителем», ибо обязан строго следить за исполнением законов Сената. В его функции входит все: от дипломатических переговоров до казней; что же касается Мэй Лин, то она, как было всем известно, предпочитала последнее.

Это она продемонстрировала в тот день, когда явилась к Тони, чтобы вызвать на суд Сената одного из его приближенных. Не знаю, что натворил тот парень, только он явно не желал встречаться с Сенатом. Не желал до такой степени, что имел глупость бросить Мэй Лин вызов. В то время она еще только заступила на свою должность, поэтому ее мало кто знал, к тому же, будучи совсем молоденькой — сто двадцать лет для вампира не возраст, — она напоминала скорее китайскую фарфоровую куколку; немудрено, что парень так осмелел.

Меня всегда удивляло, почему даже самые старые опытные вампиры иногда забывают, что в драке все решают не размеры, а энергия, количество которой от возраста не зависит. Есть вампиры — на несколько веков старше Мэй Лин, — которые никогда не будут иметь того запаса энергии, какой есть у нее; я своими глазами видела, как взрослые вампиры падали на колени, как подкошенные, от взгляда ребенка. Нужно сказать, что превращение в вампира не делает красавцем невзрачного середняка, не наделяет мудростью глупца и не придает силы тому, кто был слабаком: лузер среди живых остается лузером, став вампиром, а свое бессмертие он тратит на рабское служение своему господину или хозяину. Это одна из самых неприятных особенностей жизни вампиров, о чем кинематографисты не имеют ни малейшего представления. Но иногда бывает и так, что тот, кто при жизни ничем не выделялся, разительно преображается, став вампиром. В тот день на моих глазах это хрупкое, нежное, похожее на цветок создание буквально разорвало на куски рослого и сильного вампира. Я видела, с каким удовольствием она это проделывала, какой жестокой радостью сияли ее темные глаза, когда она наконец-то получила возможность разделаться с мужчиной, недооценившим ее.

Она не стала его убивать. Голова вампира еще продолжала вопить, когда Мэй Лин спокойно приказала собрать куски тела, сложить их в тачку и везти в Сенат. Больше я того парня не видела, но с тех пор никто не осмеливался бросить Мэй Лин вызов.

— Зачем консулу понадобилось вызывать секунданта? Я думала, она или Мэй Лин в состоянии справиться с любым противником.

— Консул обладает большой силой, но она никогда не участвовала в дуэли. А у Мэй Лин нет того опыта, что есть у Распутина. Он уже был стар, когда попытался навести в России свои порядки; ходят слухи, что он не проиграл ни одного боя и в сражении использует любые методы. Никто не видел поединков с мертвыми сенаторами, но те двое, что первыми подверглись нападению, все еще живы, так сказать. Марлоу еще долго находился в сознании после того, как его нашли; он сказал, что каким-то образом Распутин заставил напасть на него трех его самых верных слуг, один из которых прослужил ему более двухсот лет.

Постепенно в голове у меня начала складываться четкая картина. Когда я рассказала Билли-Джо о своих приключениях, он задумался.

— Да, теперь кое-что проясняется. Не знаю, откуда Сенат набирает стражников, скорее всего, из окружения одного из сенаторов. Ну кто бы мог подумать, что верный страж вдруг изменит своему господину?

— Как ты думаешь, с какой стати Распутин решил от меня избавиться?

Я поежилась, но не от холода. К мысли о том, что моей смерти желает Тони, я уже привыкла, но откуда могла взяться целая банда желающих свести со мной счеты? И это ведь не простые вампиры — любой из них мог бы довести до паранойи кого угодно.

— Черт его знает, — подозрительно весело бросил Билли-Джо, и я пристально взглянула на него. Он обожает рассказывать о драках, даже если в них и не участвовал, меня же они мало занимают. Заметив мой взгляд, он поспешно продолжил: — Но ты еще не знаешь самого главного. Перед смертью Марлоу успел разделаться с парочкой нападавших; их тела так и остались лежать неубранными. Так вот: их никто не смог опознать. Понимаешь? Никто не знает, откуда они взялись.

— Это невозможно.

Я знала, что Крис Марлоу всегда умел за себя постоять. Он жил в Англии в елизаветинские времена и слыл отчаянным драчуном, а лучшие пьесы своей эпохи писал в перерывах между пьяными дебошами в пивной. Единственный, кто смог посостязаться с ним по части таланта, был один парень по имени Шекспир, который весьма кстати появился на литературном небосклоне сразу после того, как был обращен Марлоу; между прочим, его манера письма в точности напоминала стиль Марлоу. Когда же великий актер, которого он из себя корчил, приказал долго жить, Марлоу обратился к своему второму хобби. При жизни он иногда, по поручению королевы, выполнял некие тайные миссии, иначе говоря, занимался шпионажем. Став вампиром, он вспомнил свое второе призвание и возглавил отдел разведки Сената, заставляя своих слуг шпионить за всем вампирским сообществом вообще и некоторыми сенаторами в частности. Он поддерживал мир и покой, хватая и учиняя допрос всякому, кого мог заподозрить в измене; вот почему Тони боялся Марлоу больше, чем Мэй Лин. Я видела его всего один раз, когда он зашел к нам, чтобы поговорить с Мирчей. Тогда мне понравились его смеющиеся темные глаза, густые кудри и острая бородка, вечно мокрая от вина. Но мне даже в голову не приходило посягнуть на самого консула, ни-ни! Ибо сначала мне пришлось бы иметь дело с Марлоу.

Что же касается истории, которую поведал мне Билли, то больше всего меня удивили два неопознанных вампира. Такого быть не могло. Каждый вампир находится под покровительством своего господина или хозяина, то есть того вампира, который его обратил, выкупил у обратившего или выиграл на дуэли. Единственный путь не иметь хозяина — это самому стать вампиром первого уровня. Все остальное не даст никакого результата, даже убийство хозяина; тебя все равно сразу подхватит другой хозяин. Поскольку хозяев первого уровня в мире крайне мало и все они заседают в Сенате, то это помогает поддерживать строгую иерархическую дисциплину. Большинство хозяев предпочитают давать своим подчиненным некоторую свободу — по большим праздникам, в виде своего рода «подарка»; во все остальное время их слуги принадлежат им полностью и безраздельно. Кроме того, хозяева не забывают время от времени проверять своих слуг на благонадежность, скажем, так, как Мирча проверял Тони, потому что именно они отвечают за действия своих рабов, и если бы Тони организовал на меня нападение в Сенате, то отвечать за это пришлось бы Мирче.

Это очень простая и удобная система, особенно для правящих кругов, поскольку не так много найдется сильных вампиров, способных создавать собственное окружение. В отличие от того, что показывает Голливуд, далеко не каждый вампир умеет обращать людей. Как-то раз мы с Альфонсом смотрели старый фильм про Дракулу, и я помню, как хохотал Альфонс,

когда новообращенный, совсем недавно вышедший из могилы вампир превратил в вампира какого-то человека. После этого Альфонс неделями мучил судейских, рассказывая им, как дитя трех дней от роду оказалось сильнее, чем они. Однако те, кому удастся выбиться в хозяева и кто умеет обращать людей в вампиров, обязаны отчитываться перед Сенатом — где, кого и сколько человек они обратили. Таким образом, благодаря этой системе, неизвестных вампиров просто не существует.

— Те вампиры были детьми?

Это было единственное объяснение, которое могло прийти мне в голову, хотя какой в этом смысл? Что могут сделать с сенатором два слабеньких новообращенных вампира? Да еще с таким, как Марлоу! Это все равно что посылать детей против танков. Да и кому из хозяев придет в голову рисковать своим сердцем и головой? В этом смысле все сенаторы придерживались строгих правил, помня о тех временах, когда некоторые хозяева тайно собирали целые армии и мир вампиров находился в состоянии постоянной войны. В наше время каждый хозяин имеет в своем распоряжении строго ограниченное число рабов.

— Не-а. Трудно сказать, там ведь остались лишь трупы, но, судя по тому, каких дел они натворили, это были хозяева. — Увидев выражение моего лица, он замахал руками. — Эй, не смотри на меня так, я ведь просто пересказываю то, что слышал!

— А где ты это слышал?

— От двух вампиров из окружения Мирчи. — Нет, Билли-Джо их ни о чем не спрашивал, просто у него есть способность просачиваться сквозь людей и таким образом подслушивать их разговоры и даже мысли. Это нельзя назвать телепатией, потому что Билли слышит только то, что в данную минуту говорит или обдумывает человек, но иногда его информация оказывается весьма кстати. — Подумаешь, большое дело, об этом сейчас все болтают, на каждом углу.

Я покачала головой.

— Ничего не понимаю. Если Распутин нарушил закон и нападает на людей, зачем консул устраивает с ним дуэль? Распутин уже вне закона, раз его нарушил.

Я считала, что Распутин сидит по уши в дерьме; от этой мысли на душе становилось немного легче. Если он себя утопит, тем лучше, одним мерзавцем будет меньше.

Проблема заключалась не в том, что он напал на сенаторов, — это законом допускалось, а в том, как он это делал. Во время Реформации состоялось заседание Сената, на котором шестеро сенаторов выступили за запрещение военных действий как средства решения конфликтов. Когда наша религия распалась на католиков и протестантов, священнослужители и с той и с другой стороны принялись рьяно увещевать своих прихожан быть бдительными, дабы не лишиться милости божьей. Вмешалась политика, и вот уже католики начали угрожать протестантам, убивая их лидеров, протестанты тоже не отставали; затем армия католиков двинулась на протестантскую часть Англии, в то время как в Германии уже всюду шла священная война. Все следили друг за другом, и, как результат, все больше людей начали замечать присутствие потусторонних сил. Хотя те, кого тащили на костер, чаще всего оказывались обычными людьми, которые ничем не отличались от своих судей и палачей, в нескольких случаях были уничтожены настоящие вампиры и ведьмы. Надо ли говорить, что открытая война, которую затеяли крупные феодалы мира вампиров, лишь усугубляла и без того накаленную обстановку. Тогда и появились дуэли — как наиболее приемлемое средство решения конфликтов.

Конечно, Тони никогда не стал бы рисковать своей жирной шеей в открытом бою, да и

не он один — многим новая система пришлась не по душе. Вот тогда и появились секунданты — те, кто мог принять участие в дуэли вместо тебя. Когда вопрос об участниках дуэли был решен, оговаривались другие условия — что можно делать и чего нельзя. Прежде всего было категорически запрещено нападать на соперника из засады; то, что сделал Распутин, автоматически ставило его вне закона по всему миру. Сенат Северной Америки приказал начать его преследование, где бы он ни находился. Должно быть, решила я, Распутин либо сошел с ума, либо он полный идиот.

— Наверное, Распутин считает, что лучше уж так, чем он будет убирать конкурентов одного за другим. Кроме того, пока Марлоу или Измитта молчат, никто не может его ни в чем обвинить. Он просто скажет, что вызвал их на дуэль и они проиграли, только и всего.

— Но если он встретится с консулом перед членами Совета МОППМ, то уже не сможет отвертеться.

— Чепуха. Что ему сделает консул? Старина Рас покинул Сенат со скандалом, вне себя от ярости. Лесной народец страшно разозлился и говорит, что если вампиры не могут справиться сами, пусть отойдут в сторону. Во время перестрелки они потеряли одного из своих царей, а ты знаешь, как они к этому относятся. — Честно говоря, я этого не знаю. Я еще ни разу в жизни не видела лесного эльфа, а Тони вообще не верил в их существование. Ходили слухи, что маги создали этих эльфов с помощью колдовства лишь для того, чтобы заставить вампиров поверить в своё могущество. — Маги также разъярились не на шутку, хотя не знаю почему, и тоже требуют голову Распутина на блюде. Теперь консул вынуждена им заняться, чтобы никто не подумал, что она теряет силы. Мэй Лин хороший боец, но она не может сражаться бесконечно.

— Но ведь она не будет сражаться с Распутиным.

— Не будет и, как я уже говорил, очень об этом жалеет. Говорят, потому ее и нет — она преследует Распутина. Времени у нее в обрез. Дуэль должна состояться завтра в полночь. Думаю, Мэй задумала преподнести Сенату голову Распутина, насаженную на пику.

— О'кей, пожелаем ей удачи. Но ты еще не сказал, при чем здесь я.

— Потому что я этого не знаю, дорогуша.

Терпеть не могу, когда Билли переходит на гнусавый южный говор. Это означает, что он либо шутит, либо насмешничает. Его обычная речь — это смесь тягучей речи уроженца Миссисипи и ирландского акцента, который сохранился у него как память о голодном детстве на Изумрудном острове. Прибыв в Новый Свет, он сменил имя и начал новую жизнь, но акцент сохранил. Я пристально взглянула на Билли. Сейчас мне было не до шуток. Билли хорошо поработал, но появление Тони он все-таки прозевал, а ведь это его главная работа.

— А что ты еще знаешь? Или это все?

Я уже давно поняла, что Билли — отличный разведчик, но ему нельзя доверять. О, мне он никогда не лгал — насколько я знаю, — но стоит только запахнуть жареным, как Билли бросается спасать свою шкуру, забыв обо всем на свете.

— Нет, не все. Я не уверен, нужно ли тебе это говорить, ну, после истории с этим засранцем Томасом. Может быть, лучше тебе этого не знать.

— Чего не знать? — спросила я, проигнорировав выпад против Томаса, которого Билли всегда недолюбливал, поскольку я ему это разрешала, и принялась осматривать жалкие тряпки, некогда бывшие моей шикарной клубной одеждой.

Кожаные сапоги и юбку еще можно было спасти, но блузка и лифчик обгорели и уже не подлежали восстановлению. Заменить блузку мне было нечем, а выходить в гостиную,

облачившись в купальный халат, не хотелось. Честно говоря, мне вообще не хотелось туда выходить, но придумать какой-нибудь предлог никак не получалось.

— Джимми-Крыса вернулся.

Я замерла и медленно подняла на Билли глаза. Теперь понятно, почему я держу его при себе вот уже семь лет? Потому что он того заслуживает.

— Где он?

— Кэсси, любовь моя, только без глупостей.

— Хорошо.

Джимми — это любимец Тони. Именно он подложил бомбу в автомобиль моих родителей и тем самым украл у меня жизнь нормального ребенка. Я начала искать его еще до того, как сбежала от Тони, но Джимми всегда был невероятно увертлив. Ничего, теперь ему не уйти.

— Где ты его видел?

Билли-Джо провел рукой по тому, что осталось от его копны каштановых кудрей, и тяжело вздохнул. Обычно привидения не вздыхают, просто сейчас он сделал это нарочно.

— В стрип-клубе у Данте, в том, что недавно открыл Тони. Он там заправляет баром. Знаешь, мне кажется, тебе не стоит бежать туда сломя голову. Там полно людей Тони. После Филли Лас-Вегас — его второй город.

— Слушай, не учи меня вещам, которые я знаю с детства.

Тут я осеклась, потому что сама собиралась прочитать Билли мораль на тему: когда тебя посылают с заданием, нужно думать о деле, а не заниматься детальным исследованием Города Грехов. Но сейчас я готова была простить ему все на свете, только бы он помог мне добраться до Джимми.

— Мне нужна новая блузка и возможность выбраться в город. Да, Томас забрал мой пистолет, и я хочу его вернуть.

— Гхм, может, не стоит, пока ты не знаешь всего? — неуверенно спросил Билли, и я застонала.

— Что? Еще что-нибудь? Выкладывай!

Он бросил отчаянный взгляд по сторонам, но помощи ждать было неоткуда.

— Можешь не беспокоиться по поводу Джимми. Он чем-то не угодил Тони, и я видел, как его потащили в подвал.

— Что ты хочешь этим сказать?

— А то, что его, наверное, уже сбросили со счетов или скоро сбросят, так что искать его не надо. Во всяком случае, не в клубе. Я тут подумал, что, может быть, Рино...

— Рино мертв, иначе он давно был бы здесь и торчал возле игровых автоматов. — Подвалом называли подземную камеру пыток Тони, которая находилась в Филли, но в этом городе подвал мог быть именно подвалом. — Кроме того, Джимми мой и только мой.

Откровенно говоря, хотя Джимми и в самом деле был подонком, я не была уверена, что смогу убить не только его, но и вообще кого бы то ни было. Но это вовсе не означало, что я не хочу с ним встретиться. Тони делал все возможное, чтобы я ничего не знала о своих родителях: у меня не было ни их фотографий, ни писем, ни школьных выпускных альбомов. Черт, да у меня годы ушли на то, чтобы узнать их имена; я тогда потихоньку, прямо под носом у охранников, утащила несколько старых газет с сообщением о взрыве. Эжени и других моих учителей Тони купил у других хозяев вскоре после моего появления в суде, и они ничего не знали о проводимой операции. Те же вампиры, что провели с Тони много лет

и могли что-то знать, молчали, как рыбы; ясное дело, им так велели. Да и сама я не была настолько глупа, чтобы не понимать, что все это Тони затеял вовсе не из любви ко мне, тем более что он крайне редко пытался со мной заговорить. Нет, у Тони была какая-то особая причина заставить меня забыть родителей, и если он или Джимми отпадают, значит, я найду кого-нибудь другого, кто откроет мне эту тайну.

Конечно, Билли-Джо хотел меня разжалобить, но я, целиком занятая чисткой одежды, не обращала на него внимания. Наконец он не выдержал.

— Ладно, но мне понадобится энергия, если ты хочешь, чтобы я тебя ублажил. У меня была трудная ночь, и сил у меня уже не осталось.

Я промолчала. Мне было тошно и хотелось ненавидеть, а не любить; я не нуждалась в любви. Но, если подумать, самой мне не удастся что-то разузнать о МОППМ, поэтому я лишь мотнула головой. Билли-Джо положил руку себе на грудь.

— Будь моей возлюбленной.

— Давай.

Клянусь, он набросился на меня, как изголодавшийся волк, если такое можно сказать об облачке дыма. Зная Билли, я его понимала. Он прошел сквозь меня, и я сразу почувствовала себя лучше. Я слышала, что смертные страшно боятся привидений или в лучшем случае их сторонятся; для меня призраки — это как дуновение прохладного ветерка в жаркий день. Я втянула в себя призрак, ухватившись за него, как испуганный ребенок хватается за своего плюшевого мишку.

На долю секунды передо мной мелькнули события из его жизни: вот от пристани отчалил корабль, мы стоим на палубе и со слезами смотрим, как за кормой тает в дымке знакомый берег; вот нам призывно улыбается хорошенькая девушка лет пятнадцати, в платье для танцев, с густым слоем косметики на лице; вот молодой шулер хочет нас облапошить, мы смеемся и вытаскиваем из его сапога туз, а потом увертываемся от ножа, который швыряет в нас его поделник. В его жизни было много опасных приключений, и я всегда удивлялась, как ему удалось прожить столько, сколько он прожил.

Наконец Билли успокоился и начал выползать наружу. Это всегда самый неприятный момент, а на этот раз мне и вовсе стало больно — боль пронзила все тело. Обычно это похоже на несильный удар током, вроде того, каким тебя бьет, когда берешься за дверную ручку, но сейчас от боли из глаз посыпались искры. Я хотела сказать Билли, что со мной что-то не так, но не смогла выговорить ни слова. Через секунду я увидела импринтов, которые исчезли столь же внезапно, как и появились. Меня обдало порывом теплого ветра, густого, как жидкость; выбравшись из меня, Билли со свистом взлетел под потолок, где принялся описывать круги.

— Йа-ху-у! Вот что я называю хорошенько заправиться! — закричал он, сияя.

Я выпрямилась и впервые за последнее время почувствовала, что крепко стою на ногах. Вместо чувства усталости и раздражения — моей обычной реакции на «ублажения» Билли-Джо — я чувствовала себя так, словно заново родилась, словно отлично выспалась; странное дело, такого со мной не бывало.

— Я, конечно, не жалею, но что здесь произошло? Билли-Джо усмехнулся.

— Кто-то из вампиров вытягивал из тебя энергию, дорогая, может быть, затем, чтобы ты не сбежала. Эту энергию он поместил в этакий метафизический горшок и окружил его собственным защитным полем, чтобы ты не могла к нему подобраться. Я случайно сломал эту защиту, когда получал твою энергию, и, черт, как это было здорово! — Он приподнял

брови, ставшие такими же густыми и темными, какие, наверное, были у него при жизни. — Слушай, давай устроим вечеринку!

— Потом. Сейчас мне нужны мои вещи.

Билли-Джо отдал честь и сверкающей кометой вылетел в окно. Я села на край ванны и принялась размышлять, кто мог устроить этот фокус-покус. Что ж, лишний раз мне показали, что никому нельзя доверять. А я и не доверяю.

Когда Билли-Джо вернулся, я уже вымылась. Ухмыляясь, он влетел в окно; в руках у него ничего не было.

— Я его оставил снаружи. С этим окном одни проблемы.

— Что там такое?

Завернувшись в полотенце, чтобы не стоять в одних трусиках, я подошла к окну. Только взявшись за защелку, чтобы его открыть, я поняла, что имел в виду Билли: защелка завопила не своим голосом. Замотав ее полотенцем, я уставилась на окно. Выходит, им мало того, что они забрали у меня часть энергии, поставили за моей дверью банду вампиров и затащили куда-то в центр пустыни? Значит, и на окно наложены чары?

— Кто-то подбросил сюда Марли, — сказал Билли.

— Ты думаешь? — спросила я, наклоняясь, чтобы лучше рассмотреть защелку.

На старомодной защелке внезапно появились глазки-бусинки и большой толстый рот, который отчаянно пытался выплюнуть полотенце, чтобы заорать и поднять на ноги весь дом. Когда я хотела засунуть полотенце поглубже, существо принялось бегать по окну, не даваясь мне в руки. Глядя в его злобные глазки, я подумала, что оно способно и укусить. Я прищурилась.

— Принеси-ка мне туалетной бумаги, — велела я Билли. — Да побольше.

Через несколько минут, сопровождавшихся тихими ругательствами, маленький Марли неподвижно сидел на окне, весь замотанный туалетной бумагой и перевязанный шнурком от оконной шторы раз десять.

— Это его ненадолго удержит, — заметил Билли, глядя на дрожавшее от негодования существо, которое уже умудрилось выплюнуть на пол часть бумаги.

— Ничего, — сказала я, поднимая оконную створку и закрепляя ее скобой, которую Билли нашел под раковиной. — Они все равно быстро узнают, что мы сбежали, — здесь полным-полно заклятий.

Я принялась разбирать кучу вещей, которые притащил Билли. Он поработал на славу. Пистолет был на месте, да еще Билли раздобыл к нему запасную обойму; на стопке чистой одежды лежали ключи от машины. Честно говоря, такую открытую майку я бы для себя не выбрала, но разве мужчины что-то смыслят в этих вещах? С сапогами и мини-юбкой все было в порядке. Итак, одевшись, я была готова к боевым действиям. Собрав волосы в конский хвост, я сколола их прелестной заколкой Луи Сезара, правда, от этого моя внешность не стала выглядеть более женственной. Бросив последний взгляд в зеркало, я вздохнула и положила в карман ключи от машины. Только бы добраться до гаража, а уж там мне удастся избавиться от стресса старым, проверенным способом; возможно, тогда я почувствую себя лучше.

Тони, конечно, подонок, но чутья в бизнесе у него не отнять. Возле заведения Данте, расположенного рядом с «Луксором», люди толпились уже с половины пятого утра. Ничего удивительного, между прочим, для Лас-Вегаса это в порядке вещей. Построенное в стиле аля «Божественная комедия» здание было разделено на девять секций, каждая из которых олицетворяла один из девяти кругов Ада, как в поэме Данте Алигьери. Сначала посетители проходили через огромные чугунные ворота, возле которых стояли базальтовые статуи, изображающие разные смертные муки; надпись над воротами гласила: «ОСТАВЬ НАДЕЖДУ ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ». Потом лодочники в серых балахонах — Хароны — перевозили их через мелкую речушку и высаживали в отделанном под пещеру вестибюле, где одну из стен занимал план заведения, написанный в красных и золотых тонах.

Когда я вошла в вестибюль, парень в костюме царя Миноса — с табличкой на груди, поясняющей, что именно он назначает наказание грешникам, — раздавал вновь прибывшим маленькие копии плана, но мне такой план был не нужен. Расположение секций было не лишено логики: например, на третьем этаже, то есть круге, находился буфет, а в третьем круге, как известно, мучились грешники, наказанные за чревоугодие. Мне не составило труда угадать, где следует искать Джимми; где же, как не в круге втором, можно найти этого похотливого козла?

Второй круг легко было найти, идя на звуки свирели Пана. Если же клиент каким-то образом путал круги или что-то забывал, то пропустить бар он никак не мог, тут все было предельно просто. Поднявшись на второй этаж, я лишь слегка поморщилась, поскольку видела подобные помещения и раньше. Для кого-нибудь более впечатлительного войти в комнату, украшенную человеческими костями, было бы шоком. Италия эпохи Ренессанса, в которой родился Тони, частенько переживала эпидемии чумы. Видя, как умирают родственники, как вымирают целые семьи и исчезают с лица земли деревни и даже небольшие города, люди поневоле становились психопатами. Строить из костей умерших склепы и часовни было в те времена обычным делом, и родной город Тони не стал исключением. С потолка свисали канделябры, искусно сделанные из чего-то, что сильно смахивало на человеческие кости, и гирлянды черепов. Другие черепа служили подсвечниками, напитки также подавали в кубках в виде черепов. Конечно, все это были муляжи с красными стеклянными глазами, и все же я не совсем была в этом уверена. На салфетках в черных и красных тонах была изображена «Пляска смерти»: ухмыляющийся скелет вел за собой толпу грешников навстречу их судьбе. После такого зрелища официанты, по-видимому, уже не вызывали удивления.

Я ожидала увидеть людей в тогах и меховых штанах, однако существо, встретившее меня при входе, было самым настоящим сатиром. Как хозяевам заведения удалось убедить клиентов, что официанты просто одеты в костюмы сатиров, я понять не в состоянии. Скажем, торчащие из глубины темно-рыжих кудрей маленькие рожки еще можно считать гримом, равно как и венки из акантовых листьев, но все остальное... ну не могли узкие кожаные штаны скрыть покрытые шерстью ляжки и сверкающие черные копытца. Сластолюбивый взгляд, который сатир бросил на глубокий вырез моей майки, окончательно развеял все сомнения. Сатиры не могут спокойно пройти мимо всего, что имеет женский

пол и движется. Однако в ту минуту восторженный взгляд сатира я восприняла равнодушно.

— Я хочу видеть Джимми.

Большие карие глаза слегка затуманились. Сатир взял меня за руку и хотел привлечь к себе, но я отстранилась. Разумеется, он шагнул ко мне. Молодой симпатичный самец, если, конечно, при виде получеловека-полукозла вам не хочется вопить и бежать куда глаза глядят. Сатиры обладают многими талантами даже по человеческим меркам, а этот явно был одним из лучших. Поскольку сексуальность является в их сообществе определяющим качеством, он, вероятно, привык обращать на себя внимание. Хотя юноша меня не впечатлил, показаться грубой мне не хотелось. Дело в том, что сатиры, даже старые и лыдые, почему-то уверены, что все женщины от них без ума; разуверять их в этом — значит нарваться на неприятности. Нет, они не набрасываются на тебя с кулаками — сатиры предпочитают убегать, а не драться, просто расстроенный сатир — невероятно жалкое зрелище. Они напиваются, поют грустные песни и громко жалуются на женское двуличие. Так продолжается до тех пор, пока они не падают без чувств; мне же в данный момент нужна была информация.

В течение нескольких минут я выслушивала дифирамбы своей красоте. Затем, когда сатир немного успокоился, он неохотно согласился поискать Джимми — только после того, как я поклялась, что мы с ним всего лишь друзья. Оставалось надеяться, что Билли ошибся относительно судьбы Джимми. Ползать по страшным подвалам Тони мне ни к чему.

Насчет Джимми у меня был разработан план. Я не раз видела, как он выходил на улицу днем, значит, он не вампир. Большинство существ из потустороннего мира нельзя обратить, не говоря уже о том, что, по словам одного вампира, они отвратительны на вкус, однако Джимми вызывал у меня некоторые сомнения. Я знала, что он не сатир, поскольку его рожки были видны только при очень короткой стрижке. Были и еще кое-какие признаки, но я никогда не видела, чтобы он демонстрировал свои магические способности, или становился багровым, или еще что-нибудь в этом роде, поэтому я была уверена, что он наполовину человек. Это вполне соответствовало манере Тони в интересах бизнеса включать в свое окружение и невампиров. Не знаю, можно ли превратить в вампира помесь человека с сатиром; кроме того, я не раз видела, как некоторые вампиры ненадолго выходили на яркое солнце, если хотели продемонстрировать свою силу. Однако вряд ли вампир-хозяин первого или даже второго уровня стал бы служить на побегушках у Тони. Кроме того, вокруг Джимми не витала аура вампира. И если до воскресенья он не будет закрыт девятью кругами защиты, Билли-Джо придется на короткое время стать одержимым.

Когда я объяснила, что ему следует искать в машине, Билли-Джо сник. За последнее время он впервые почувствовал себя по-настоящему сильным и, по его словам, не собирался растрчивать свою драгоценную энергию на одержимость, особенно если это касалось такого гада, как Джимми. Помочь мне он согласился только после того, как я заверила, что Джимми нужен мне лишь на короткое время — выжать из него все, что ему известно о моих родителях, и получить письменные показания для полицейского управления Вегаса. И если после этого он вздумает отказаться от своих показаний, то уйти от суда ему уже не удастся. Ну а если план А не сработает, тогда я его просто застрелю. Раз уж я сумела удрать от Тони и его банды, от членов Серебряного круга и Сената вампиров, то преследование полиции меня и вовсе не пугает.

Мы с Билли сидели в дальнем углу бара. Я еще никогда не видела его так четко — видимо, чары защиты, которые он в себя втянул, пошли ему на пользу. Он выглядел

настолько живым, что я впервые заметила щетину у него на подбородке — видимо, перед смертью он не брился день или два. Кроме меня, его никто не замечал; правда, никто не пытался и занять его место. А если бы попробовал — в основном кто-нибудь из смертных, — то почувствовал бы примерно то же самое, когда тебе на голову высыпают ведро со льдом. Потому мы и сели подальше от всех.

— Ты не хочешь объяснить, зачем мы сюда пришли?

Сказав это, я украдкой бросила взгляд по сторонам — не подумал бы кто-нибудь, что я разговариваю сама с собой. Однако большинство завсегдатаев бара — преимущественно особы женского пола — были заняты тем, что строили глазки официантам, которые охотно отвечали им столь же влюбленными взглядами. Недалеко от нас симпатичный черноволосый сатир заигрывал с клиенткой, предлагая ей игру — сможет ли она угадать, где начинается его «костюм». Взгляд женщины был остекленевший, как у алкоголика, однако ее руки, которыми она ощупывала ляжки сатира, двигались более чем уверенно. Я нахмурилась; живи я по-прежнему у Тони, непременно рассказала бы ему об этих безобразиях. Он такие вещи не приветствует.

— Сам знаешь. Джимми убил моих родителей. Значит, он что-то о них знает.

— Ты ставишь под удар нас обоих. Теперь Сенат с тебя глаз не спустит; и все это ради того, чтобы задать пару вопросов о людях, которых ты даже не помнишь? Хочешь разделаться с этим парнем? Свести с ним счеты? Я не возражаю, но подумай, чем это может для тебя кончиться.

Я не ответила и взяла несколько орешков из маленькой кроваво-красной вазочки. Ухлопать Джимми мне было не так интересно, как засадить в тюрьму Тони, но на первый раз сгодится и это. Так сказать, мое заявление вселенной: мне осточертели люди, нагло вторгающиеся в мою жизнь; я и сама так умею. Самым трудным в моем сценарии было одно: совершить убийство. От этой мысли мне заранее становилось тошно.

— Сам увидишь, если все пройдет нормально.

— Вот именно — если. Демоны — настоящие эксперты по части одержимости, а я всего лишь жалкий призрак.

— Ты со мной и ничего не бойся.

Больше всего на свете Билли-Джо любит вино и женщин, да еще музыку. По части женщин я ему помочь не могу, а его музыкальные пристрастия вроде Элвиса и Хэнка Вильямса и вовсе ненавижу. Но иногда, чтобы поощрить за хорошую работу, я устраиваю ему вечеринку с выпивкой, которая включает не только ящик пива. Впрочем, мое состояние нельзя назвать настоящей одержимостью. Хотя я разрешаю Билли войти в себя, я сохраняю над собой полный контроль. Билли старается всюю, поскольку знает: один неверный шаг, и я закопаю его драгоценное ожерелье там, где его никто не найдет, на веки вечные. Но пока он играет по правилам, я позволяю ему есть, пить и веселиться. Правда, поскольку у меня нет привычки напиваться и крушить бары, я кажусь ему немного пресной, но все же это лучше, чем ничего.

— Все-таки ты особенная, с другими людьми намного труднее. Ладно, сделай мне одолжение — ответь на вопрос.

Я вертела в руках палочку для размешивания напитков и думала о том, почему я сомневаюсь. Мне не было тяжело говорить о смерти моих родителей. А вот кое-какие воспоминания о годах, проведенных на улице, я бы с удовольствием навсегда вычеркнула из памяти. Правда, Билли-Джо напомнил, что мне было всего четыре года, когда Тони

провернул свое дело. Что было до этого, я помню очень смутно, да и то в памяти остались только ощущения. Помню запах маминой розовой пудры, которую она, видимо, очень любила, помню, как сильные руки отца подбрасывали меня в воздух, а потом ловили и начинали кружить; помню его смех, низкий и глубокий, от которого мне становилось тепло и спокойно. С тех пор я очень редко чувствовала себя защищенной, наверное, поэтому воспоминания об отце так берегут мне душу. Больше я не помню ничего о родителях — кроме того дня, когда произошел взрыв. Мне тогда было четырнадцать.

Я увидела, как на том месте, где стояла их машина, взвился оранжево-черный огненный шар, оставив после себя лишь искореженный металл да обугленные сиденья. Я видела это, сидя в машине Тони, пока тот звонил боссу. Прикурив сигарету, он невозмутимо доложил, что дело сделано и он должен забрать ребенка у няньки, пока его не начали искать копы. Потом я помню, как, дрожа от пережитого, сидела в одной из комнат загородного поместья Тони. В ту ночь кончилось мое детство. Через час, когда начала заниматься заря и все вампиры попрятались по своим комнатам, я сбежала. Последовали три года скитаний.

Свой побег я заранее не планировала, поэтому у меня не было никаких привилегий, которыми федералы обычно снабжают свидетелей. У меня не было ни фиктивной карточки социальной помощи, ни свидетельства о рождении, ни работы, ни вообще кого-то, кто мог бы мне помочь. Я даже не имела четкого представления о том, как живет мир за стенами поместья Тони, где время от времени свершались казни, но где не было ни нищих, ни голодных. И если бы не помощь оттуда, откуда я ее не ждала, ничего бы у меня не вышло.

Моей лучшей подругой детства была Лора, дух маленькой девочки, чья семья была уничтожена по приказу Тони в середине прошлого века. Они жили на старинной немецкой ферме площадью в шестьдесят акров где-то в районе Филадельфии. Ферму окружали огромные деревья, которые были старыми, наверное, уже во времена Бена Франклина; был там и старинный каменный мостик через речку, однако не красота пейзажа привлекла внимание Тони. Ферма понравилась ему своим уединенным расположением и тем, что находилась всего в часе езды от города. Отказ фермеров продать усадьбу его страшно разозлил. Разумеется, он легко мог купить себе другой домик где-нибудь поблизости, но это, видимо, просто не пришло ему в голову. Наверное, мы с Лорой потому и подружились, что стали подругами по несчастью. Как бы то ни было, она отказалась покоиться в могиле под старым сараем и осталась жить на ферме в качестве призрака.

Я очень обрадовалась, ведь в окружении Тони кроме меня единственной маленькой девочкой была Кристина, вампирша ста восьмидесяти лет от роду, чье представление об играх не могла разделить не только я, но и любой нормальный человек. А вот Лора, которая уже тогда, наверное, приближалась к столетнему юбилею, выглядела на шесть и вела себя соответственно. Когда я только попала к Тони, она, как старшая, учила меня делать куличики из грязи и устраивать разные проказы. Через несколько лет Лора показала мне место, где был спрятан сейф ее отца — с десятью тысячами долларов, которые Тони так и не заполучил, — а потом стояла на стреме, когда я сбежала от Тони в первый раз. Все удавалось ей легко и просто, но мне ни разу не подвернулся случай даже сказать ей «спасибо». Когда меня вернули на ферму, Лоры там уже не было. Думаю, что, завершив свои дела, она ушла в мир иной.

Десять тысяч баксов — вместе с паранойей, которую я заработала у Тони, — позволили мне выжить в условиях улицы, но я все равно не хочу вспоминать о тех временах. Даже ощущение постоянной опасности не заставило меня вернуться. Я убедила себя, что, находясь

вне «семьи», я не стану мстить. Если бы я захотела, чтобы Тони страдал, я бы к нему вернулась.

Мне тогда было очень трудно, и не только потому, что я ненавидела Тони, а потому, что не знала, что перевесит — его ярость или его жадность. Да, я позволила ему заработать много денег и стала самым действенным оружием в его борьбе с конкурентами. Не зная, что я могу о них рассказать, они на всякий случай если и не старались играть честно, то, по крайней мере, не мошенничали столь откровенно. Впрочем, когда речь идет о Тони, ничего не знаешь наверняка; он хитер и зачастую принимает очень верные решения по части бизнеса и финансов, но вместе с тем легко впадает в ярость.

Однажды он взелся на одного вампира-хозяина из-за спора по поводу какого-то крошечного клочка земли, спора, который можно было уладить путем простых переговоров в течение нескольких часов. Вместо этого Тони затеял открытую войну (опаснейшее дело, между прочим, поскольку, согласно указу Сената, зачинщику полагается одно — смерть, причем неважно, выиграл он или проиграл) и потерял более тридцати своих вампиров. Некоторые из них были его самыми первыми обращенными. Я видела, как он плакал над их телами, когда похоронная команда привезла их нам, и вместе с тем знала, что Тони не остановится. Его ничто никогда не останавливало. Поэтому оставалось только гадать, что меня ждет: боевые действия или пытки в подвале. Оказалось, что первое; наверное, Тони был в хорошем расположении духа.

Потребовалось три долгих года, чтобы подвести его махинации под юридические законы человеческого сообщества. Пойти в Сенат вампиров я не могла, поскольку все, что делал Тони, по законам вампиров преступлением не являлось. Убийство моих родителей — вынужденная необходимость, тем более что никаких доказательств не осталось, и их смерть была списана на случайную криминальную разборку. Что же касается использования моего дара, то тут Тони все аплодировали — молодец, вот что значит умение вести бизнес. Так что с учетом побега меня, скорее всего, после строгого наказания вернули бы Тони. И в полицию идти было нельзя: ну какой коп стал бы слушать мои бредни о вампирах вообще и о Тони в частности?

В результате мне пришлось действовать так, как федералы действовали в отношении Аль Капоне. Мы прижали Тони к стенке, обвинив его в организации рэкета и уклонении от уплаты налогов; в результате он должен был провести в тюрьме не менее ста лет. Для бессмертного срок небольшой, но я надеялась, что Сенат приговорит Тони к смерти еще до того, как тот узнает, есть в его камере окошко или нет.

Однако, когда капкан должен был вот-вот захлопнуться, выяснилось, что Тони исчез. Федералы поймали нескольких мелких рыбешек, но самого толстяка и след простыл. Оба склада в Филли и усадьба за городом оказались пусты, а моя старая нянька была найдена мертвой в подвале. Мне Тони оставил письмо, в котором поведал, как внутреннее чутье предупредило его об опасности и как он велел Джимми выпытать у Эжени мои планы. Вампиры способны выдержать многое, к тому же Эжени меня очень любила; им понадобилось много времени, чтобы ее сломать, но, как говорил Тони, он умеет ждать. Далее он писал, что оставляет ее тело мне, чтобы я о нем позаботилась, ибо, как ему известно, я была очень привязана к своей няньке. То же самое, между прочим, ждет и меня — когда придет время.

— Честно говоря, я не знаю, что мне делать, — призналась я Билли. — Он ведь убил не только моих родителей, но и всех, кого я любила.

— Мне очень жаль.

К чести Билли, он знает, когда нужно проявить деликатность; мы сидели в молчании, пока к нам не подошел официант. К сожалению, босса сегодня не будет. По всей видимости, у него разболелась голова, и он ушел домой.

Немного пофлиртовав с сатиром, я послала его еще за одной порцией выпивки. Когда он повернулся, чтобы уйти, из его головы вылез Билли.

— А я-то считал, что это у меня грязные мыслишки! — мрачно сказал он. — Не хочешь узнать, что он о тебе думал?

— Потом. Так где Джимми?

— В подвале, как я и говорил. Его уже объявили пропавшим; на самом деле его ждет ринг.

Нет, ну надо же! Выходит, раз Сенат не отдал меня Тони, он решил отыгаться на ком-нибудь другом. Я встала из-за стола и направилась к выходу. Мне нужно было задать Джимми несколько вопросов — перед тем, как он внесет свою лепту в ночные развлечения. Я знала, что мне нужно торопиться. Ринг — любимое зрелище Тони, в котором участников ждет одно — смерть. Лет сто назад он пришел к выводу, что глупо просто убивать тех, кто перед ним провинился, поэтому решил это как-нибудь обставить и придумал боксерский ринг. Только выступали на нем не боксеры; из поединка выходил живым лишь один, который потом сражался снова и снова, пока не оставалось ни одного выжившего. Такие поединки и раньше проводились в Вегасе, но у Тони они отличались особой жестокостью.

— Как можно пробраться в подвал?

Показав мне служебную лестницу возле дамской комнаты, Билли исчез в полу, чтобы разведать, что творится впереди. Едва я ступила на нижнюю ступеньку, как он вернулся; вести оказались не слишком приятными.

— Джимми будет драться с оборотнем. Мне кажется, он из той стаи, которую Тони разгромил несколько лет назад.

Я поморщилась. Отлично. Когда-то Тони приказал убрать со своей территории стаю оборотней и поручил это Джимми. Ясное дело, что после этого оборотни давно ждали случая с ним расквитаться. Живым с ринга ему не уйти.

Я взялась за ручку служебной двери, но Билли преградил мне путь.

— Отойди. Ты же знаешь, я не люблю проходить сквозь тебя.

Я уже давала ему энергию, на сегодня хватит.

— Не смей туда ходить. Слушай, я говорю серьезно; не хочу даже думать об этом.

— Еще немного, и тот, кто может хоть что-то рассказать мне о родителях, будет съеден. Уйди с дороги!

— Хочешь к нему присоединиться? — Билли ткнул в меня почти непрозрачным пальцем. — За этой дверью начинается коридор. В конце его стоят два вооруженных охранника. Это люди, но если тебе каким-то чудом удастся проскочить, ты попадешь в комнату, битком набитую вампирами. Тебя ухлопают на месте, а я вскорости ослабею, а потом и вовсе исчезну. В результате победа останется за Тони. Ты этого хочешь?

Я молча уставилась на Билли. Ненавижу, когда он прав.

— А что ты предлагаешь? Учти, я не уйду, пока не повидеюсь с Джимми.

Билли поморщился.

— Иди за мной, быстрее.

Мы побежали по коридору в другом направлении; как все-таки хорошо, что у меня есть

Билли! Мы шли по бесконечным переходам, запутанным, как кроличьи норы, выкрашенным одинаковой серой краской. Через несколько минут я уже не знала, где нахожусь. Несколько раз мы останавливались, чтобы заскочить в очередную кладовку, набитую то средствами для уборки, то сломанными игровыми автоматами и даже компьютерами. Единственно, кого мы не встретили, были люди; наверное, все ушли смотреть бои.

Я уже начала думать, что мы так и будем вечно бродить по коридорам, как вдруг Билли исчез в стене, и я рывком распахнула ближайшую дверь. На этот раз я увидела большую комнату, до самого потолка забитую всевозможными сувенирами и украшениями. Целый набор африканских масок и копий соседствовал с рыцарскими доспехами, правда, без одной ноги. Довольно грязное чучело львиной головы валялось рядом с египетским саркофагом, на который была прилеплена афиша с объявлением о шоу магов. На все это взирала статуя Анубиса, древнеегипетского божества с головой шакала; казалось, бог пристально смотрит куда-то в дальний угол. Взглянув в ту сторону, я увидела клетку с толстыми прутьями, из-за которых на меня смотрело уродливое лицо Джимми. Я узнала его острые черты, зачесанные назад гладкие черные волосы и бегающие глазки; видимо, последнее время дела у Джимми шли неплохо — вместо мешковатой одежды на нем был отлично сшитый костюм.

Он узнал меня не сразу. Когда мы виделись в последний раз, у меня были длинные волосы и наряд, какой, по мнению Эжени, должна носить юная леди: длинная юбка и наглухо застегнутая блузка. Когда же я вступила в Программу защиты свидетелей, мне пришлось завести более практичную прическу и укоротить волосы. Кроме того, Джимми ни разу не видел меня в кожаной мини-юбке. Несколько секунд он разглядывал меня, затем, видимо, в его башке что-то щелкнуло. От этого мне стало еще противнее.

— Кассандра! Черт возьми, вот это да! Я всегда знал, что ты вернешься. Выпусти меня отсюда. Произошло грандиозное недоразумение!

— Недоразумение, говоришь?

Неужели он и в самом деле думает, что я вернулась в «семью»? Тони мог бы простить побег четырнадцатилетней девчонке, решив, что она сбежала в знак юношеского протеста, но взрослый человек, намеревающийся расправиться с ним лично, — это совсем другое дело. Я на секунду задумалась, стоит ли выпускать Джимми из клетки. С одной стороны, когда нас разделяет решетка, я чувствую себя в безопасности, но вместе с тем мне не хотелось, чтобы нашу беседу прервали головорезы Тони.

— Ага. Меня решил обойти один из помощников и настучал на меня боссу. Мне нужно срочно поговорить с Тони...

— Ничего, тебе и здесь хорошо, — внезапно раздался рядом чей-то тоненький голосок. — Я разыскала колдуний, но меня схватили вампиры. Выпусти меня отсюда!

Я взглянула на Билли.

— Кто это говорит?

— Я здесь! Ты что, ослепла?

Голосок шел из птичьей клетки, наполовину скрытой огромным веером из павлиньих перьев. В ней сидела женщина ростом дюймов восьми, пылающая злобой, как рассерженный шершень. Я растерянно заморгала, увидев огненно-рыжие волосы, прелестное кукольное личико и огромные глаза цвета лаванды. Что за дрянь подлил мне в выпивку бармен?

— Это пикси^[10], Кэсс, — буркнул Билли, плавая возле клетки.

Пленница презрительно усмехнулась и, схватившись крошечными ручками за прутья,

принялась их трясти.

— Ты оглохла, женщина? Выпусти меня, я сказала! И убери от меня эту гадость!

— Ты ее знаешь? — удивленно спросила я. Оказывается, Билли ведет более насыщенную светскую жизнь, чем я думала.

Он покачал головой.

— Эту — нет, но я таких встречал. Не слушай ее, Кэсс. От лесного народца одни неприятности.

— А вдруг ее хотят выпустить на ринг? — возразила я, пытаясь примириться с тем, что Тони все-таки удалось пробраться в Страну эльфов, которая оказалась вовсе не легендой.

— Человек, эта решетка железная! Мне уже плохо. Выпусти меня немедленно!

Я замигала, удивляясь силе звонкого голоса.

— Не надо, Кэсс, — повторил Билли. — Лесному народцу нельзя помогать. Они не станут за это благодарить, наоборот, устроят какую-нибудь пакость.

При этих словах личико феи побагровело, и она разразилась потоком ругательств на незнакомом языке; то, что это ругательства, я поняла сразу.

— Ах ты мерзкое отродье! — взорвался в ответ Билли. — Вот и ступай на ринг, там тебя научат уму-разуму.

Я вздохнула. Отродье она или не отродье, но я не хочу, чтобы лесная фея дралась на ринге на потеху каким-то мерзавцам.

— Обещай, что если я тебя выпущу, ты не сделаешь мне ничего плохого, — сурово сказала я ей. — Скажем, не станешь поднимать тревогу, о'кей?

— Ты с ума сошла, — ответила она. — А когда ты успела переодеться? И что, вообще, здесь происходит?

Мне бы это тоже хотелось знать.

— Я тебя знаю?

Фея отчаянно замахала прозрачными сине-зелеными крылышками.

— Не могу поверить, — раздраженно сказала она. — Меня послали с поручением к идиотке. — Прищурившись, она уставилась на меня. — О нет. Ты ведь не моя Кассандра. — Она всплеснула крошечными ручками. — Так я и знала! Нужно было слушать бабушку: никогда, ни под каким видом не связываться с человеком!

— Эй, вы обо мне не забыли? — раздался из угла голос Джимми.

— Уходи, — приказала мне пикси. — И забирай с собой эту крысу и привидение. Я сама о себе позабочусь.

Мне казалось, что я непременно должна выяснить, что происходит, но вместе с тем тратить драгоценное время на разговоры было неразумно. Откинув защелку и выпустив фею, я вернулась к Джимми, не обращая внимания на причитания Билли. К сожалению, его клетка была заперта на замок, и, стало быть, требовался ключ.

— Как я тебя отсюда вытащу?

— Слушай, — сказал Джимми, прижимаясь к прутьям. — Они забыли меня обыскать. Ключ у меня в кармане. Скорее, они придут в любую минуту!

Я протянула руку к его пиджаку... и она замерла в воздухе, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Впечатление было такое, что клетка окружена твердой прозрачной стеной, втянувшей в себя мою руку. Пикси возбужденно металась возле меня, пока я тщетно пыталась освободиться.

— Я освобожу колдуний, — сказала пикси, — но мне нужно, чтобы ты открыла дверь.

— Как я ее открою, если сама не могу освободиться? — пропыхтела я, пытаюсь левой рукой вытащить правую. В результате застряли обе. Таким образом, я была намертво пригвождена к невидимой стене.

— Все ясно, это «липучка», — с волнением в голосе сказал Билли, зависнув надо мной. — Нужно думать, как ее снять.

— Какая липучка?

— Так называют волшебное заклятие «прехендо». Все, что попадает в зону его действия, приклеивается, как муха на липучую бумагу, и чем сильнее ты пытаешься освободиться, тем сильнее приклеиваешься. Стой смиренно и не шевелись.

— А раньше ты этого не мог сказать? — разозлившись, выпалила я, потому что к этому времени застряла и моя нога, которой я в ярости хотела пнуть невидимую стену. Бывают моменты, когда я просто ненавижу всякие чары и колдовство. — Билли! Что мне делать?

— Стой спокойно! Я пока осмотрюсь. Он должен быть где-то здесь.

— Вернись! — завопила я, увидев, что он полетел к доспехам. — Вытащи меня отсюда!

Джимми громко выругался.

— Это, наверное, из-за него, — сказал он, указывая куда-то вверх. Там над дверью на цепочке висело что-то вроде старого печеного яблока. Приглядевшись, я узнала одну из тех уродливых, сморщенных сушеных голов, которыми Тони любил украшать брелоки для ключей и которые он продавал в своей сувенирной лавке вместе с заколками для галстуков в виде скелетов и футболок с надписью «Я побывал у Данте». Когда речь идет о деньгах, Тони забывает обо всем на свете. — Раньше этой штуки здесь не было.

Пикси подлетела взглянуть на голову и едва не столкнулась с Билли-Джо, который тоже решил посмотреть, что это такое.

— Не приближайся ко мне, последыш, — приказала она.

Билли собрался ответить ей какой-нибудь гадостью, как вдруг на сушеной голове возник крошечный темный глазок и с негодованием уставился на пикси.

— Еще одно подобное слово, Звоночек, и ты никогда отсюда не выйдешь.

Я замерла, не веря своим глазам: пикси разговаривает с сушеной головой! Наверное, в тот момент я окончательно забыла, что такое логика, и, послав все к чертям, решила отдаться на волю судьбы. Если я везучая, то это всего лишь действие какой-то дряни, которую мне подмешали в напиток.

Наступило молчание, и тогда заговорила я.

— Будьте так добры, откройте, пожалуйста, дверь, — спокойно обратилась я к голове.

Она уставилась на меня своим единственным глазом.

— Ишь чего захотела. А что мне за это будет?

Я задумалась. Что я могу дать сушеной голове?

— А что вы хотите?

— Эй, а я тебя вроде знаю. Ты никогда не заходила в бар вуду? Это наверху, на Седьмом круге. Когда-то я был гвоздем программы, звездой, гораздо популярнее, чем те дрянные шоу, что теперь заказывает этот неудачник. Посетители передавали мне заказы, а я объявлял их барменам. Получалось просто здорово. Для всех я был этаким сложной говорящей машиной. Иногда я и шутки выдавал. Ну, скажем, такие: «Как бы стали называть Багси Сигеля ^[11], превратись он в вампира? Клыкастиком!» — Голова пронзительно захихикала. — Да я сейчас от смеха лопну, вот-вот заискрюсь!

— Это плохо, — заметила пикси.

Я кивнула. Защитные заклинания в любом токопроводящем месте ненадежны, неужели Тони не додумался до чего-нибудь получше?

— Ой-ой-ой, какие мы привередливые! А как вам такой анекдот? Попадает один парень в ад, приходит там в бар и заказывает пиво. А бармен ему и отвечает, извините, у нас только духи^[12]!

— Пикси права: это действительно плохо, — сказал Билли-Джо.

Внезапно фея выхватила из-за пояса маленький меч и приставила его к сушеной голове.

— Освободи ее, или я тебя на кусочки изрублю!

Голова постаралась придать своему глазу удивленное выражение.

— Эй! Как это у тебя получается? Ты же должна застрять, как она!

— Она человек, а я нет, — сквозь стиснутые зубы процедила пикси. — Делай, что тебе говорят, и перестань болтать!

— Я бы с удовольствием, честное слово, но мне нужно разрешение. Однажды я уже послушался хозяина, и вот что из этого вышло. А мне тогда просто хотелось иметь хорошую машину, чтобы катать в ней красивых женщин. Как мне не хватает моего тела! Где его теперь найдешь? Разбросано по кусочкам, а все эта сучка, колдунья вуду. Дайте мне немного времени, у меня есть деньги, правда.

— Вы остались должны Тони, — догадалась я.

— Мне тогда просто не повезло в карты, — с достоинством сообщила голова.

— И Тони продал вас колдунье вуду?

В этом весь Тони; именно он придал новое значение выражению «вырвать с мясом».

— Да, а потом заставил работать в этом дурацком казино, — торжественно заявила голова. — Через несколько месяцев одному из постоянных клиентов не понравился мой вид, и меня засунули сюда. Никаких вечеринок, никаких хорошеньких девушек, nada^[13]. Мне было чертовски грустно. Э, постойте, может быть, из вас тоже сделают чучела, и мы тогда вместе здесь повисим. В буквальном смысле. А что вы...

Его тираду прервала пикси, которая, не выдержав, разрубила голову пополам. Застыв от ужаса, я смотрела, как на цепочке закачались две половинки, которые затем соединились у меня на глазах.

— Здравсте, я ведь уже мертв, ты что, забыла? — сердито сказала голова. — Можешь тыкать в меня мечом, Звоночек, только вряд ли это ускорит дело. Ты ведь, кажется, хочешь, чтобы я помог твоим друзьям?

— Чего вы хотите? — быстро спросила я.

— Свое тело, разумеется. Приведите сюда ведьм, пусть снимут с меня заклятие.

Вот безумное создание!

— Это невозможно. Такое заклятие снять нельзя. Даже если бы и нашли ту колдунью, она не смогла бы...

— Я все сделаю, обещаю, — перебила меня пикси. — А теперь освободи ее.

Голова так резко повернулась к фее, что будь у нее шея, она бы сломалась.

— Повтори, — сказала голова.

К моему удивлению, лесная фея произнесла совершенно серьезно:

— Я возьму тебя в Страну эльфов. Не берусь сказать, как ты будешь выглядеть, но

обещаю: у тебя будет новое тело. Мы умеем наделять призраков физической оболочкой.

— В самом деле? — сразу оживился Билли. Мне это как-то не понравилось, но пикси даже не

взглянула в его сторону. Голова помолчала.

— Мне нужно подумать, — сказала она, перестав вращаться.

— А почему на тебе ярлычок «Сделано на Тайване»? — спросил Билли, разглядывая голову со всех сторон.

Я бросила на него многозначительный взгляд, и Билли все понял. Войдя в голову, он вышел из нее через несколько секунд; вид у него был удрученный.

— В этой голове нет разума, Кэсс, не говоря о том, что она пластиковая! Видимо, кто-то наложил на нее заклятие: проснуться, когда кто-нибудь приклеится к «липучке». Подозреваю, что она уже подняла тревогу, а потом болтала, чтобы нас задержать.

— А почему она вдруг замолчала?

— Наверное, не знает, как отреагировать на наше предложение.

Я закрыла глаза и попыталась успокоиться, пока меня не хватил удар и я не сэкономила Тони деньги, назначенные за мою поимку.

— И что нам теперь делать? Как снять заклятие?

— Нужен пароль, Кэсс. Иногда это слово, а иногда какой-нибудь предмет, к которому ты должна прикоснуться. Но здесь столько всякого барахла! Сколько времени уйдет, пока мы его переберем!

— Что происходит? С кем ты разговариваешь? — встрепнулся в своей клетке Джимми.

— В этой комнате должен быть какой-нибудь предмет, который заставит голову снять заклятие, или тайное слово, — быстро пояснила я. — Она сама заколдована; это ненастоящая голова.

— Ты хочешь сказать, что это не Дэнни? — удивленно спросил Джимми.

— Какой Дэнни?

— Эта голова принадлежала одному парню, с которым Тони разделался в сороковых. Потом мы из нее сделали модель для брелоков. — Внезапно он встревожился. — Думаешь, это подделка? Выходит, я уже не отличаю настоящую вещь от поддельной?

Не будь я приклеенной, я бы отвесила ему оплеуху.

— Ты знаешь, как мне освободиться?

Джимми пожал плечами и нахмурился.

— Попробуй слово «банджо».

Едва он его произнес, как прочно державшее меня заклятие внезапно исчезло и я с грохотом плюхнулась на спину. Протянув руки через прутья, Джимми взял меня за шиворот и поставил на ноги.

— Давай, ты теряешь время!

— Почему банджо?

— Для каждой отдельной комнаты в этом доме имеется свой пароль, который меняют каждую неделю. Пару дней назад я сам просматривал список новых паролей, и «банджо» стояло в нем первым. — Заметив выражение моего лица, Джимми добавил: — Нашим парням нужны бицепсы, а не мозги.

— Да, но почему «банджо»?

— А почему бы и нет? Слушай, мне нужно делать деньги, а не размышлять над всякими абракадабрами. К тому же ты ведь все равно не догадалась.

— Ты не забыла, что должна открыть дверь? — напонила мне пикси, когда я наконец нащупала в кармане пиджака Джимми связку ключей на кожаном ремешке.

Руки у меня задрожали, когда я увидела, почему Джимми не мог выбраться из клетки. Видимо, у них не нашлось наручников, а может быть, Тони ненавидел его не меньше, чем я. Руки Джимми были не просто сломаны, они были изуродованы до такой степени, что он не мог пошевелить не только рукой, но даже пальцем. Видимо, на этом карьера киллера была для него закончена.

— Я пытаюсь!

— Не эту, другую, что возле моей клетки, — нетерпеливо сказала фея, кружась у меня над головой, как маленький ураганчик. — Ту, что в дальней стене. У меня не хватает сил повернуть ручку.

— Сейчас, — ответила я, продолжая возиться с упрямым замком.

Наконец замок отскочил в сторону, и Джимми, пулей выскочив из клетки, скрылся в коридоре.

— Иди за ним, — велела я Билли. — Я останусь здесь.

— Кэсс...

— Иди!

Когда обиженный Билли исчез, я торопливо открыла дверь, о которой говорила крошечная лесная фея. Уже собираясь последовать за Билли, я вдруг увидела, в чем состояло новое предприятие, затеянное Тони. На полу, в центре темно-красного круга, спиной к спине сидели три брюнетки, все примерно моего возраста, все со связанными руками и ногами и кляпами во рту. Я уставилась на женщин.

«Господи боже! Он занялся работоторговлей!»

Это было слишком даже для такого мерзавца, как Тони.

— Вот оно что, — сказала фея, кружась надо мной. — Даже я этого не ожидала. Я могу убрать круг, но развязать их мне не под силу.

Я бросилась вперед, на ходу перебирая ключи, взятые из кармана Джимми, как вдруг налетела на что-то твердое. Впереди не было ничего, и тем не менее мой бедный нос поведал мне, что я ошибаюсь; моя защита вспыхнула, и комната залилась золотистым светом. Пикси что-то возбужденно крикнула.

— Глупая колдунья! Это же защитный энергетический круг! Сначала я его сниму, и только потом ты освободишь женщин!

Я попятилась, и моя защита сразу успокоилась; только между лопаток ощущалось тепло.

— Я не колдунья, — сердито сказала я, ощупывая нос — сломан он или нет?

Пикси опустилась на пол и принялась тереть круг, который начал постепенно исчезать, словно был сделан из какого-то сухого вещества.

— Ладно-ладно. Пифия не колдунья. Я поняла.

— Ты не могла бы поторопиться? — через минуту спросила я, раздумывая, как далеко мог убежать Джимми со своими изуродованными руками. — Между прочим, меня зовут Кэсси.

Внимательные синие глаза смерили меня пристальным взглядом.

— Я привыкла считать, что такой занудой тебя сделало твое положение, но на самом деле ты такой родилась. И не торопи меня! Думаешь, легко оттирать засохшую кровь?

— Кровь?

— А ты что думала? Как, по-твоему, творят заклинания черные маги? Они используют

смерть, дурочка.

Фея что-то забормотала на своем языке, а я, сжавшись в комок, старалась не думать о том, зачем Тони понадобились лесная фея, три рабыни и кровавый круг. Я давно знала, что он нарушил все главные законы человеческого сообщества, но то, чем он занимался сейчас, являлось нарушением законов и вампиров, и магов. Не знаю, с какой стати его потянуло на самоубийство; внезапно мне захотелось как можно скорее убраться из казино.

Наконец фея проделала в круге узкий проход, и я услышала негромкий хлопок.

— Ну что, все? — спросила я. Пикси сидела на полу, тяжело дыша.

— Давай, пробуй, — сказала она.

Я осторожно пошла вперед; на этот раз препятствия не было. Опустившись на колени возле женщин, я начала лихорадочно подбирать ключи. К счастью, подошел третий. Я вытащила кляп изо рта первой женщины, но она вдруг принялась отчаянно вопить. Я хотела запихнуть кляп обратно, пока она не подняла на ноги все казино, но она схватила меня за руку. Покрывая поцелуями мою руку и все, до чего могла дотянуться, колдунья что-то шептала по-французски. Я почти ничего не поняла, мой второй язык — итальянский, но светло-карие глаза, с благоговением вззирающие на меня, рождали смутные воспоминания.

Появилось какое-то странное чувство. Я уже видела эту женщину. Правда, тогда она была полнее и не выглядела столь изнуренной, но ведь это ее, подвешенную на дыбу, облили вином и подожгли. Я всмотрелась в ее лицо; да, это она. Это лицо врезалось мне в память; взглянув на ее руки, я увидела глубокие шрамы. И так, как это ни кажется невозможным, передо мной, в современном Вегасе, находится ведьма, жившая в семнадцатом веке. Возможно, мертвая, поскольку вряд ли можно было выжить после того, что испытала она. В другой день я бы просто упала в обморок, но сейчас лишь молча сунула ей в руку ключ и выпрямилась.

— Мне нужно идти, — бросила я и ушла.

Мой план был прост: найти Джимми, задать ему несколько вопросов, передать в руки полиции, а потом бежать как можно дальше. Все, с меня хватит.

Мне не нужен был Билли, чтобы понять, что выходить из казино тем же путем, каким я туда вошла, не стоит. Если бы кому-нибудь понадобилось пойти проведать Джимми, мы бы столкнулись в коридоре, а мой пистолетик не шел ни в какое сравнение с пушками, которые таскали с собой парни из банды Тони. Но странное дело, в коридорах царила полная тишина, и это начинало меня беспокоить. Было раннее утро, а в таких заведениях никогда не спят, к тому же на вечер были назначены поединки, и тем не менее в коридорах раздавались лишь мои гулкие шаги. Когда я дошла до конца длинного коридора, из стены вышел Билли и позвал меня к себе.

Я открыла ближайшую дверь и оказалась в комнате для отдыха персонала. Возле автомата по продаже содовой стоял Джимми.

— Там есть кнопка, — сказал он, указывая локтем на стену позади автомата, — нажми, у меня не получается.

И он показал свои культи. Я бросилась вперед. За автоматом находилась такая же грязно-белая стена, как и во всей комнате. Однако в одном месте краска покоробилась, и сквозь нее проступали очертания двери; правда, не знай я о ней заранее, ни за что бы не догадалась. От старости ее защита стала совсем слабой. Пошарив по стене руками, я нащупала кнопку.

Дверь распахнулась; за ней открылся узкий коридор, который, судя по слою пыли, давно

уже не использовался. В домах Тони всегда было множество потайных выходов. Как-то раз он сказал мне, что эта привычка сохранилась у него с юности, когда через Рим то и дело маршировали армии. Однажды, когда в тысяча пятьсот тридцатом году испанские солдаты из войска Карла Пятого подожгли виллу Тони, он чуть не погиб; с тех пор потайные ходы стали его навязчивой потребностью. В данном случае мне это было очень кстати.

Добежав до конца коридора, мы поднялись по лестнице. Вернее, я поднималась, подталкивая Джимми, который лез впереди меня. Не имея возможности помогать себе руками, он опирался на локти, а я пихала его сзади; так мы и лезли, пока не добрались до люка. Откинув крышку, мы выбрались в раздевалку, где находился один из служащих в костюме дьявола. Увидев нас, человек захлопал глазами, но не сказал ни слова. Он работал на Тони и, очевидно, давно привык к неожиданностям.

Джимми встал на ноги и, пыхтя как паровоз, побежал к двери; я побежала за ним, тяжело дыша. Нет, если останусь жива, обязательно запишусь в спортзал. За раздевалкой начинался очередной коридор, который, к счастью, оказался коротким. Спустя несколько секунд мы стояли возле скопления искусственных сталагмитов, выходящих к реке, через которую Харон перевозил несколько усталых игроков.

— Эй, ты куда это? — крикнула я, когда Джимми внезапно рванул с места и побежал к выходу; на мой крик он даже не обернулся.

Догнать его я уже не могла, но, к счастью, у меня был помощник.

— Билли, задержи его!

Припустив вслед за Джимми, я почувствовала, как Билли пролетел мимо, словно теплый ветерок. Обычно он холодный, как лед, но сейчас его питала энергия защитных полей вампиров. Добежав с рекордной скоростью до вестибюля, Джимми метнулся к воротам, но вдруг остановился как вкопанный. Все стало ясно, когда я увидела, как через главный вход в казино входят Приткин, Томас и Луи Сезар. Я не знала, как они меня нашли, да и не хотела знать. Схватив Джимми за полу элегантного пиджака, я затащила его обратно в вестибюль.

— Ты никуда не уйдешь, пока не расскажешь о моих родителях, — прошипела я.

Мы спрятались за сталагмитами, когда в трех шагах от нас прошла троица из МОППМ. Тут я услышала, как Томас произнес мое имя. Черт, нас все-таки вычислили.

Нельзя сказать, что в ту секунду я испытала шок. Сенат располагает достаточными средствами, чтобы нанять магов, способных установить непроницаемую защиту на всех дверях и окнах штаб-квартиры МОППМ и, возможно, на личных автомобилях сенаторов. Меня слегка удивило, что Билли-Джо так быстро раздобыл ключи от машины, но, придя в гараж, я увидела целый набор всевозможных ключей, висящих на специальном щите. Это и тот факт, что в гараже не было охраны, навел меня на мысль о наличии надежной магической защиты. Наверное, я взломала не одну систему, когда выбралась из окна в ванной и проникла в гараж, откуда угнала симпатичный черный «мерседес», и все же меня обнаружили скорее, чем я рассчитывала.

Хорошая магическая защита лучше любой охранной сигнализации, потому что не только сообщает информацию о взломщике, будь то человек, нечеловек или импринт, но даже дает советы, как поступить. Однако она ничего не сообщает о том, куда направился нарушитель, если только у вас не стоит какая-нибудь суперсистема, поставленная мастером своего дела. Поскольку члены Серебряного круга имеют право нанимать именно таких мастеров, они располагают лучшими системами магической защиты и пользуются ими весьма широко. И все же ни одна защита не может определить точное местонахождение нарушителя, если только преследователи не идут по горячим следам; в противном случае головорезы Тони давным-давно меня застукали бы. Иначе говоря, вампиры знали, что я нахожусь в Вегасе, но на то, чтобы выяснить, где именно, им потребовались часы. Вероятно, на след их вывел тот, кто хорошо знал меня, и знал, что я ищу Джимми; без этого бандиты просто дежурили бы в аэропорту, просматривая каждый метр взлетно-посадочной полосы. Если останусь жива, выскажу Рафу все, что я о нем думаю.

Придя в себя, Джимми стяхнул мою руку и пулей влетел в ближайший коридор. Немедленно с потолка спустилось серебристое облачко и полетело за ним, когда за нами захлопнулась дверь с надписью «СЛУЖЕБНОЕ ПОМЕЩЕНИЕ». Странно, нас вроде бы никто не заметил. Не став выяснять, что бы это могло быть, я рванула вслед за своим удирающим пленником. Все равно ему от меня не уйти, даже если мне и придется потратить время на препирательства с марионетками из Сената.

Я слышала, как выругался Приткин, но к этому времени я уже успела добежать до раздевалки и захлопнуть за собой дверь. Зная, что она задержит преследователей не более чем на секунду, я спешила найти Джимми. Не обратив внимания на полуодетого человека в костюме демона, который начал мне что-то говорить, я рванула к выходу из казино. В лицо ударил теплый ветер, когда я выбежала на какую-то площадку перед зданием. Здесь не было пышных украшений, как перед главным входом; передо мной находилась ровная, покрытая асфальтом площадка, огороженная металлической сеткой. Вероятно, это было место парковки машин работников казино. Я выругалась; трудно будет отыскать Джимми среди десятков стоящих рядами автомобилей, но тут я заметила, как он промелькнул в самом дальнем углу. Искрящееся облачко в лице Билли следовало за ним, не отставая ни на шаг, словно сместившийся нимб.

Выхватив пистолет, я побежала туда, где заметила Джимми. Не знаю, вряд ли я смогла бы его убить, но я могла его ранить, и тогда Билли-Джо представился бы случай

продемонстрировать свое искусство одержимости. Пробравшись мимо рядов автомобилей и выяснив, что моя собственная магическая защита по-прежнему в полном порядке, я понеслась по проходу дальше. Вот была бы потеха, если бы в пылу погони я забыла об эффекте рикошета и застрелилась!

Я не пробежала еще и половины пути, когда дверь позади меня распахнулась с такой силой, словно ее собирались сорвать с петель. Странное дело: вместо того чтобы прибавить скорость, Джимми внезапно застыл на месте в нескольких ярдах от меня. Сначала я подумала, что он добежал до своей машины и теперь раздумывает, как вытащить из кармана ключи, но уже в следующую секунду поняла, что заставило его остановиться. Внезапно отовсюду полезли уродливые морды бандитов, похожие на огородные пугала. У меня не было времени их пересчитывать, но пятеро или шестеро из них явно были вампирами. И как это Джимми удалось организовать засаду?

Я затормозила на бегу в тот самый момент, когда знакомая железная рука схватила меня за талию. Смешно, честное слово. Сколько раз, сама того не желая, я представляла себе, как лежу в объятиях Томаса, а теперь, после той сумасшедшей ночи, мне не хотелось уже ничего. Старею я, что ли? Едва Томас оттащил меня в сторону, как вперед выступил Приткин. Держа в руках автомат, он смотрел мне в лицо, и в его прозрачных глазах читалась ненависть.

Но он смотрел вовсе не на меня, а куда-то за мое плечо. Внезапно оттуда, где стоял Джимми, послышался оглушительный треск и шум падения, словно разом повалился целый лес деревьев.

— Ты что делаешь? — успела крикнуть я, прежде чем Томас, швырнув меня на пол, навалился на меня сверху.

Сдирая с пальцев кожу, я заскребла руками по асфальту, но пистолета не выпустила. Нет, определенно я старею.

Хотя его длинные волосы закрывали мне обзор, кое-что я все-таки разглядела. У большинства головорезов Тони есть клички. Наверное, так принято у всех гангстеров. Обычно это название любимого оружия или какая-нибудь физическая черта. Альфонса называли Бейсболист из-за его умения обращаться с битой, но только не на бейсбольном поле. Я всегда считала, что свою кличку Джимми получил из-за бегущих крысиных глазок или манеры поведения. Но я ошибалась. Джимми был наполовину сатиром, наполовину оборотнем, только не волком, а крысой. В общем, что-то в этом роде. Оборотни — это не по моей части, но раньше я такого не видела. Я прищурилась. И хорошо, что не видела, лучше мне было этого вообще не видеть.

У этого странного гигантского существа было покрытое клочковатой шерстью тело, узкая голова с козлиными рогами, крупные острые зубы ржаво-красного цвета и толстый розовый хвост. На ногах у него были козьи копыта, а воняло от него так, что не продохнуть. Не знаю, что за дела творились в заведении Данте, только Джимми со всех сторон окружали его сородичи.

Я не верила своим глазам. Во-первых, сатиры, будучи мифическими существами, обладают иммунитетом к укусам оборотней, и то, что я видела, технически было невозможно. Во-вторых: где это Тони набрал целую стаю оборотней, согласившихся на него работать? Такое было в принципе невозможно, и все это знали. Но чьи жесткие черные усы дрожат в нескольких футах от меня?

— Крысы, — услышала я рядом невозмутимый голос Приткина.

О'кей, я оказалась права. Очко в мою пользу. Видимо, ДНК оборотня смешалась с

генами сатира, но не слишком удачно, в результате чего получился наш Джимми — то, что это именно он, я поняла по остаткам некогда элегантного костюма, — который теперь представлял собой колосс, покрытый серо-белой шерстью, с мускулистыми руками и длинными, дюйма в три, когтями. Перемена пошла ему на пользу — его руки были по-прежнему в крови, но он мог ими пользоваться. Что-то в нем еще изменилось. Никогда я не видела Джимми столь разъяренным — между прочим, поэтому его сделали главным палачом: люди частенько недооценивали его скромную внешность и тихий нрав, — но сейчас он оттягивался на всю катушку. В руке у меня был пистолет, но Томас придавил меня к земле, и я не могла пошевелиться. Джимми стоял прямо передо мной, а я могла лишь смотреть в его глазки-бусинки.

Не могу сказать, что пришла от этого в восторг; впрочем, остальным было не лучше. Приткин, накинув на плечи длинный кожаный плащ, застыл на месте, держа в одной руке автомат и в другой — пистолет, которые нацелил на Джимми. Луи Сезар выхватил рапиру, показавшуюся мне довольно нелепой на фоне современной одежды, которую он предпочитал носить за пределами МОППМ. На этот раз на нем была узкая футболка и джинсы, вылинявшие до такой степени, что казались белыми, и настолько обтянувшие его ноги, что их вполне можно было принять за нарисованные. Выходит, зря я насмеялась над ним — современная одежда была очень ему к лицу. Луи Сезар стоял, переводя взгляд с одного оборотня на другого, словно выбирая, с кого начать. Вероятно, они это поняли, потому что следили за ним, а не за мной.

— Томас, отведи мадемуазель Палмер в ее апартаменты и проследи, чтобы ей было удобно. Мы скоро придем, — сказал Луи Сезар так спокойно, словно речь шла о вечеринке.

Как же мне надоели люди, которые распоряжаются мной, как вещью!

— Ага, разбежался! Никуда я не пойду, пока...

— Я ее отведу, — сказал Приткин и двинулся ко мне, продолжая держать под прицелом стаю вампиров и крыс.

Я уже собралась послать его ко всем чертям — очень мне нужно куда-то тащиться! — когда Томас встал, рывком поставил меня на ноги и поволок к выходу.

— Томас,пусти меня! Ты не понимаешь... я искала Джимми несколько лет!

Но, взглянув ему в лицо, я поняла, что спорить бесполезно, равно как и пытаться вырваться. Сдавшись, я лишь приготовила пистолет на тот случай, если мне все-таки удастся как-нибудь извернуться и всадить пару пуль в Джимми. Вряд ли я смогла бы причинить ему большой вред, поскольку плохо стреляю и поскольку оборотни крайне живучи, — мне нужно было другое: задержать Томаса, чтобы в дело вступил Билли-Джо. Но едва я приготовилась открыть огонь, как Томас, перехватив меня другой рукой, вырвал у меня пистолет. Вот зараза! Ну ничего, с оружием или без него, я так просто не сдамся. Может быть, это мой последний шанс поквитаться с убийцей Эжени, и я его не упущу.

— Билли-Джо! Какого черта ты ждешь? Начинай!

Висящее под потолком облачко сгустилось и обрушилось на Джимми, словно камень. Томас хотел оттащить меня подальше, но я начала отбиваться. Не желая сделать мне больно, он остановился. Прошла секунда, не более; затем Билли вылетел из тела Джимми, как пушечное ядро, и полетел прямо на меня. Я не стала отступать в сторону, думая, что для одержимости ему не хватает энергии и он хочет «подзаправиться». Но Билли врезался в меня и стал выкачивать энергию с такой силой, что я едва не задохнулась, словно под моей кожей внезапно не осталось места для нас двоих.

Не было времени ни думать, ни действовать; внутри меня произошел такой взрыв, что я едва не вывернулась наизнанку. Я услышала, как затрещала ткань майки, и машинально прижала руки к груди, поскольку бросила порванный лифчик в ванной, но моя рука не ощутила тела. Вместо него я прикоснулась к мягкой ткани. Я взглянула вниз и увидела свою макушку. Я потрясла головой, но видение не исчезло: я по-прежнему прикрывала рукой грудь. Появилось знакомое ощущение дезориентации, но в этот момент Джимми пошел в атаку, и мир превратился в крошечный ад.

Джимми буквально впился в меня, вцепившись в мою кисть острыми, как ножи, зубами. Я завизжала и бросила на землю тело, которое держала в руках. Мелькнули огромные голубые глаза, удивленно вззирающие на меня, но в следующее мгновение Джимми затряс головой, пытаясь оторвать мою руку. Я реагировала не думая; забыв о дикой боли, я с ужасом смотрела, как его тело, пролетев мимо меня, с грохотом ударилось о ближайший автомобиль. Отбросить его в сторону было для меня проще простого, словно огромный Джимми весил не больше куклы.

Я оглянулась по сторонам: все двигались, словно в замедленной съемке. Я видела, как Приткин, перед тем как я ударила Джимми, выстрелом проделал в его несчастной машине дыру величиной с баскетбольный мяч. Я видела, как из дула автомата вырвался огонь и лобовое стекло разлетелось на тысячи осколков, которые начали медленно оседать на землю, словно осенние листья. Затем Приткин плавно развернулся навстречу мохнатым телам, которые медленно устремились к нему, вместо того чтобы лететь безумным галопом.

Единственный, кто двигался с нормальной скоростью, был Луи Сезар, который, проткнув одного оборотня, успел вытереть рапиру и вонзить ее в следующего.

— Ты что, не слышишь? Уведи ее отсюда!

Говоря это, он смотрел на меня, и я недоуменно заморгала, пытаясь сообразить, о чем он говорит. А Луи Сезар тем временем вонзил короткий нож в горло крысы, каким-то образом прорвавшейся к нам и вцепившейся в тело, лежавшее у моих ног. Зверь отчаянно завизжал, пытаясь дотянуться до ножа лапами и раздирая собственную плоть. Затем крыса откатилась в сторону, а я с удивлением обнаружила, что лежу на асфальте.

Только сейчас я заметила, что окровавленная рука, которую терзал Джимми, принадлежит не мне. Я чувствовала боль, видела кровь, однако плоть под коркой запекшейся крови была совсем светлой, медового оттенка; обычно такой оттенок у меня получался только с помощью косметики. Я увидела длинные пальцы, мускулистую руку и грудь, плоскую, как у мужчины. Лишь спустя несколько секунд я поняла, что это и в самом деле торс мужчины и что на нем надета ажурная рубашка Томаса и его джинсовая куртка. Я стояла, пошатываясь, возле «фольксвагена»; человек, лежавший у моих ног, сел.

— Кэсси, где ты? — В моих голубых глазах затаился гнев и, кажется, страх. Это трудно выразить словами; я не привыкла читать выражение собственного лица. — Отвечай, черт бы тебя побрал!

Я опустилась на колени возле своего бывшего тела и заглянула в знакомые глаза. Лицо показалось мне каким-то странным, но потом я поняла, что смотрю на себя глазами других людей, а не как на отражение в зеркале. Получилось вот что: я оказалась в теле Томаса. Но тогда возникал вопрос: а что за дьявол сидит в моем теле?

— Кто ты? — спросила я, схватив свою руку и стараясь не замечать некоторой нехватки одежды; мое тело завизжало от боли.

— Прекрати!

Если бы эти голубые глаза могли метать искры, они бы это сделали.

— Кто ты? А там кто?

Я не успела ответить. Джимми очухался от удара и вновь ринулся в бой. У меня была уйма времени, чтобы выхватить у Томаса пистолет и выстрелить. Я увидела, как на груди Джимми, там, где сердце, расцвел алый цветок, если, конечно, сердце крысы находится в том же месте, что и у человека, но Джимми продолжал двигаться на меня. Я выстрелила во второй раз и попала ему в руку. Это был промах — я целилась в голову, — но моя ошибка сыграла мне на руку, потому что в это время Джимми как раз нацеливал на меня пистолет. Уронив оружие, он схватился за грудь, а я внимательно наблюдала за ним, гадая, где он мог спрятать другой пистолет. Затем Джимми остановился, но смотрел он не на меня.

— Отзови своих горилл, иначе никогда не найдешь отца.

Голос, несомненно, принадлежал Джимми; итак, я узнала еще одну вещь: оказывается, оборотни умеют разговаривать, даже находясь в зверином обличье. Ну, если не оборотни, то полусатиры.

— Что? — спросила я, снимая палец с курка; Джимми бросил на меня хмурый взгляд.

— Я не с тобой говорю. — Он взглянул вниз, на того, кто находился в моем теле, и поморщился. — Мы можем заключить сделку; не валяй дурака, отзови его. Тони никогда не скажет тебе того, что ты хочешь узнать. Родж нравится ему там, где он находится.

— Мой отец умер.

Не знаю, какую игру затеял со мной Джимми, только ничего у него не выйдет.

Казалось, он вот-вот упадет; наверное, это было из-за потери крови, которая сочилась у него из-под пальцев и стекала на асфальт.

— Заткнись, слышишь? Я не с тобой говорю! Раздался взрыв, и я подняла голову. Приткин и Луи Сезар зря времени не теряли. Шесть мохнатых тел, взлетев в воздух, шлепнулись на землю; в живых осталось еще столько же. Луи Сезар методично разделял на куски двоих, ловко увертываясь от смертоносных когтей, пытавшихся снести ему голову. Приткин с наслаждением палил по всем подряд: подорвав еще одну машину, он выстрелил в ближайшего оборотня, который, прежде чем упасть, с удивлением уставился на огромную дыру в нижней части своего тела. Когда с крыши микроавтобуса на него прыгнула еще одна крыса, Приткин скосил и ее — прямо в воздухе. Посыпались ошметки мяса и клочья шерсти; я видела, как они падали на сверкающий защитный круг Приткина, сразу вспыхивали и сгорали.

Странно, что до сих пор из бара не появилось ни одного существа, никто не желал проверить, что за шум доносится с автостоянки. Выстрелы — не самые тихие звуки, добавьте к этому еще и свист пуль, и автоматные очереди, и грохот взрывов. Странно было и другое: вампиры не нападали, но и не уходили с поля боя. Пятеро стояли поодаль, словно чего-то ожидая.

— Томас, сзади!

Перепрыгнув через труп огромной крысы, Луи Сезар бросился ко мне. Выражение его лица, а также крепкое словцо, вырвавшееся у меня, говорили о том, что дела мои плохи. Резко обернувшись, я увидела, что Джимми, молниеносным движением схватив за волосы тело, лежавшее у моих ног, приставил к его горлу длинные когти.

— Я же велел тебе увести ее отсюда!

Луи Сезар смотрел на Джимми, но обращался ко мне. Вернее, к Томасу, который явно не понимал, что происходит. Впрочем, меня не слишком беспокоил разъяренный вампир;

все мое внимание было обращено на лапу с острейшими когтями, которые только что нанесли мне глубокую рану.

Из моих уст посыпались отборные ругательства, некоторые из них показались мне знакомыми. Вот теперь мне ясно, кто забрался в мое тело.

— Заткнись, Билли. Не усложняй дело.

Голубые глаза расширились и уставились на меня.

— Постой, так это ты? Господи боже, а я-то считал, что ты погибла! Я думал...

— Я сказала, заткнись.

Преπειраться с ним не хотелось, к тому же мне нужно было подумать. О'кей, будем рассматривать все по порядку. Что толку, если я вернусь в тело, у которого будет перерезано горло? Значит, сначала нужно разобраться с Джимми.

— Чего ты хочешь, Джимми?

— Замолчи, Томас! Ты уже натворил дел. Я сам разберусь, — сказал Луи Сезар, который, видимо, решил вмешаться, но я его опередила.

— Заткнись, — коротко бросила я, и на лице Луи Сезара появилось смешное выражение растерянности. — Давай, Джимми, говори, что ты хочешь за то... чтобы... ее отпустить. Ты же хотел заключить со мной сделку.

Сюрреализм какой-то — находиться не в своем теле и при этом беседовать с огромной крысой, но я видела лишь свое тело и испуганные глаза Билли. Как он мог мне помочь, если его самого когда-то утопили в реке, как котенка?

— Я хочу выбраться отсюда живым. Как это вам, подходит? — спросил Джимми, покосившись на вампиров, которые молча наблюдали за нами. Ладно, возможно, они и не были его приятелями. — А ваша красоточка пойдет со мной. Тони простит мою небольшую оплошность, если я приведу ему Кэсси, будьте уверены.

— Еще чего! — Я начала сердиться. Я, конечно, запала на Томаса, но не до такой же степени, чтобы навсегда остаться в его теле! — Это исключено. Другие варианты есть?

— Есть. Скажем, я перережу ей горло. Хотите? Тони просил притащить ее живой, но на худой конец сгодится и труп.

— Если тронешь ее хоть пальцем, то клянусь, я сделаю так, что ты будешь умирать медленно и мучительно, мечтая о том, чтобы смерть пришла скорее, — решительно заявил Луи Сезар, хотя, если разобраться, мучения Джимми все равно не смогли бы меня воскресить.

— Он верно говорит, Джимми. Ты жив только потому, что жива Кэсси. Если ты ее убьешь, я достану тебя еще до того, как ты доберешься до Тони.

— И что из того? Значит, я ее отпущу, а вы меня тут же прикончите? Так, что ли?

— Подумай, Джимми, есть много способов умереть, — сказал Луи Сезар, и я чуть не пнула его ногой.

— Я же просил тебя заткнуться, ты что, не слышал?

В моем голосе звучала паника; я постаралась успокоиться. Если сейчас я сорвусь, то Красавчик и Рэмбо мне уже не помогут, особенно если учесть, что Приткин куда-то исчез — наверное, преследует крыс.

— Поговорим позднее, — спокойно ответил Луи Сезар. — Не знаю, что на тебя нашло, только...

— Вот именно, не знаешь. Ты ничего, ничего не понимаешь.

Я улыбнулась, глядя на Джимми, но это его лишь напугало. Почему, я поняла в

следующую секунду, когда почувствовала, как нижней губы коснулись острые и длинные клыки. Как они вытянулись, не знаю; как их убрать обратно в рот, я тоже не знала. Всегда мечтала — торговаться за свою жизнь и при этом шепелявить...

— Ну хорошо, Джимми, а если сделать так: ты отдаешь нам Кэсси, а мы даем тебе форы, скажем, два часа. Я могу даже задержать вампиров, чтобы ты ушел подальше. Они ведь принадлежат Тони. Решай. Либо они будут стоять и смотреть, как мы тебя убиваем, либо убьют тебя сами. Но мы можем их и задержать, и тогда у тебя появится шанс. Что скажешь?

Джимми облизал морду длинным светлым языком и повел маленькими крысиными ушками.

— Ну да, сейчас вы мне пообещаете все на свете, лишь бы освободить Кэсси, а потом убьете или дадите убить другим. К тому же, если я не доставлю ее Тони, я труп.

Я усмехнулась.

— С каких это пор оборотни стали выполнять приказы вампиров? Не могу поверить, что все эти годы ты пресмыкался перед вампиром!

Я попала в точку — Джимми взвизгнул от ярости.

— Ничего, вампир, скоро все изменится — и тогда вы будете перед нами пресмыкаться, вы будете исполнять наши приказы!

Я сбавила обороты. Мне хотелось просто задеть его гордость и уж никак не провоцировать на какую-нибудь глупость.

— Возможно, но ты этого можешь и не увидеть. Ну хорошо, мне ты не веришь, а как насчет Кэсси? Скажем, если она за нас поручится?

Джимми задумался; было видно, что он колеблется, и я знала почему. Раненая рука его не беспокоила, но простреленная грудь — это уже другое дело. По его светлому меху расплывалось красное пятно, дыхание становилось все более хриплым и тяжелым, внутри что-то булькало. Десять к одному, что пуля задела легкое; теперь даже самому лучшему знахарю придется потрудиться.

— Решай, Джимми, это лучший вариант.

— Отведи своих вояк, если хочешь, чтобы сделка состоялась, иначе Кэсси умрет.

Чтобы подтвердить угрозу, Джимми сплюнул на землю; в его слюне была кровь. У Джимми кончалось время; это понимали и он, и я. Он пошевелил усами, и мне показалось, что я чувствую запах страха. Он был почти что осязаем, этот запах, я могла даже покатать его языком, как вино. У него был мускусный и немного сладковатый вкус, наверное, из-за крови. Какие странные и острые ощущения я испытывала, находясь в чужом теле; честно говоря, это несколько сбивало с толку.

Внезапно я поняла, что Луи Сезар не просто рассержен — он в ярости: от него волнами исходил острый запах злости, и не только на Джимми, но и на меня, вернее, на Томаса. Этот запах смешивался с мириадами других запахов, внезапно обрушившихся отовсюду: из-под земли, от канализационных труб, с автостоянки, где пахло выхлопными газами и табаком, от мусорных баков, откуда несло тухлой капустой и прогорклой солониной. Напротив, от моего тела исходил тонкий и очень приятный аромат, который сначала показался мне до боли родным и знакомым. И только потом я с ужасом поняла, что так пахнет мое любимое блюдо, когда оно только что приготовлено и подано к столу. Я никогда раньше не думала, что у крови сладкий привкус, как у яблочного пирога или сидра, и тем не менее это было так. Я почти ощущала, как под моей теплой кожей струится сладкая кровь, и думала о том, как

было бы здорово, если бы она потекла мне в горло. Мысль о том, что для Томаса я пахла едой, заставила меня пошатнуться и потому я почти пропустила события, разворачивавшиеся передо мной.

Автостоянку окутало облако едкого сизого дыма, от которого у меня начали слезиться глаза. Раздалось несколько выстрелов, и я услышала, как Луи Сезар велел Приткину остановиться. Думаю, он боялся, что новый враг, появившийся на поле битвы, бросится на меня, а не на Джимми. Найдя эту мысль разумной, я не стала вмешиваться. Чувствуя, что теряю силы, я попыталась отыскать взглядом свое тело, пока меня не покинула жизнь; и тут я его увидела — кашляя и задыхаясь, оно выползло из густого облака. Не знаю, что с ним произошло, — лично я дышала нормально, но тут я вспомнила, что Томасу вовсе не нужно дышать и что я также не дышала, пока находилась в его теле. И сразу я начала хватать ртом воздух, как рыба, и корчиться на земле, пока мое тело не схватило меня за ноги. «Помогите!» — крикнула я.

— Я цела? — Упав на колени, я начала обшаривать свою одежду. — Скажи, что с горлом у меня все в порядке! — просипела я, преодолевая боль, но, как выяснилось, кроме пореза на шее, все остальное было в полном порядке. — Оставайся здесь, — велела я смущенному Билли-Джо. — Я иду за Джимми.

Моя голова кивнула, а рука хлопнула меня по плечу. Остановившись на секунду, чтобы поднять рубашку Билли, пока никто о нее не зацепился и не упал, я поспешила туда, где шла драка.

Приткин что-то кричал; я слышала его и вместе с этим слышала множество других звуков. Кто-то разговаривал в раздевалке; я слышала это так ясно, словно люди находились совсем рядом. Музыка, звон игровых автоматов и спор между официантом и шеф-поваром на кухне звучали словно из соседней комнаты. Биение сердец последних выживших оборотней, многие из которых пытались заползти под автомобили на стоянке; дыхание тварей, сражающихся возле меня, и тихое шуршание подхваченной ветром бумажки превратили тихую автостоянку в ревущую станцию метро. Не знаю, как вампиры это выносят; возможно, они научились быть избирательными и отличать важные звуки от несущественных. Еще бы, иначе они давно сошли бы с ума. Но я этого не умела и, увидев мрачное лицо Приткина, не сразу поняла, в чем дело.

Я обнаружила еще одну вещь: оказывается, Томас видит предметы немного расплывчато, словно в дымке, и все же заметить распостертое тело огромной крысы мне было нетрудно. Вот черт. Так и знала, что они до него доберутся. Плакать над Джимми я не собиралась, но ведь он должен был рассказать мне об отце. Кроме того, мы заключили сделку, и мне не понравилось, что мои так называемые союзники сами изменили ее условия, не спросив на то моего согласия.

— Надеюсь, он еще жив, — начала я, когда передо мной возник разгоряченный Луи Сезар.

Закончить фразу я не успела, потому что его железная рука схватила меня за горло и сжала мертвой хваткой. Луи Сезар что-то выкрикивал странным резким голосом, совершенно не похожим на его собственный, но я его не понимала. На секунду в голове мелькнуло: «О, черт», затем меня затопило знакомое ощущение дезориентации. Я закрыла глаза, отчаянно желая, чтобы все это оказалось сном, чтобы у меня не начались видения — нашла время! — но все оказалось напрасно. Я вновь находилась в холодной каменной темнице, где во тьме слышались отчаянные, жалобные вопли узников.

Я упала на колени — не от страха, а от этих звуков, полных безысходной тоски. Раньше мне казалось, что таким тонким голосом вопят лишь истязаемые пленники, теперь я понимала, что это не так. Увидев меня, прикованные к стене люди начали кричать, и, хотя в их голосах слышалось отчаяние, они звучали как единый хор, состоящий из сотен или тысяч голосов — но не людей, а мертвецов.

В темнице стоял ледяной холод, но не из-за погоды за ее стенами, а из-за скопления призраков. Никогда в жизни я не видела разом столько привидений, сгрудившихся в одном месте, заполнивших воздух до такой степени, что было трудно дышать. Их отчаяние было осязаемым, оно липло к моему лицу, как клейкая лента, проникало в горло, заставляя кашлять и задыхаться. Кроме меня, в подземелье никого не было, и я начала вслушиваться в голоса призраков. Постепенно я начала различать отдельные слова и понимать смысл их речей. Лучше бы я этого не делала!

Все они были очень несчастны. Сначала мне показалось, что это демоны, — столько ярости витало в воздухе. Но нет, это были не демоны; я ощущала присутствие обычных привидений. Через несколько минут, впитав в себя их ярость, я начала понимать, чем она вызвана. Обычно привидениями становятся по трем причинам: если человек умер преждевременно, если умер не по своей вине — скажем, был убит — или если у него остались какие-то незавершенные земные дела. Иногда бывает что-то еще — у привидений, как и у людей, бывают разные судьбы, — но в основном, как я говорила, главных причин три. Слушая тысячи жалобных голосов, я поняла, что здесь все — и основные причины, и целая галактика каких-то своих причин, рожденных обстоятельствами. Если бы все эти люди были живы, то для того, чтобы разобраться в их проблемах, всем психологам США пришлось бы работать двадцать четыре часа в сутки — в течение ста лет.

Привидение, жаждущее мести, либо наконец получает удовлетворение, либо так и болтается, пока не израсходует свою энергию. У большинства призраков нет постоянного донора, как у моего Билли, поэтому со временем они слабеют, потом от них остается один голос, а потом они исчезают совсем. Слушая голоса призраков, я поняла, что одни из них совсем слабы и нуждаются в «подпитке» энергией, тогда как другие еще сильны, словно умерли совсем недавно; да так оно, наверное, и было. Смысл этого был ужасен: отрицательная энергетика, накапливающаяся в этой камере пыток в течение десятилетий и даже столетий, была столь мощной, что могла свести с ума кого угодно. Вряд ли нашелся бы такой человек, который смог бы выйти из этого подземелья в здравом уме.

Я обвела взглядом темницу — в ней находились только я и призраки. Я не знала, что делать. Обычно мои видения происходили по определенному плану: начинались, обрушивались на меня, как грузовой поезд, заканчивались; я кричала и приходила в себя. Однако за последнее время мои психические способности начали принимать несколько иные, не слишком приятные формы; я чувствовала себя несчастной и была обижена на вселенную, изменившую собственным правилам. Взять, к примеру, это подземелье: ни за что на свете я не хотела бы сюда попасть. Внезапно в лицо ударил холодный ветер — призраки начали проявлять нетерпение.

— Что вам нужно? — еле слышно прошептала я, однако эффект был такой, словно я сунула палку в осиное гнездо.

На меня обрушилось столько жалоб, что я не видела ничего, кроме мелькания разноцветных пятен и обрывков каких-то картин; в ушах раздавался рев, словно в темницу ворвался ураган.

— Хватит! Прекратите! Я вас не понимаю!

Я попятилась и хотела прижаться к стене, но обнаружила, что не имею тела, во всяком случае, его физической оболочки. Несколько придя в себя, я увидела, что нахожусь в знакомой мне камере пыток. Я осторожно шагнула вперед. Я чувствовала себя вполне материальной — нога уверенно ощущала каменный пол, руки были хорошо видны. Слава богу, это были мои руки, а не Томаса; по крайней мере, мой дух выбрал правильную оболочку. Я пощупала руку — твердая.

Кроме того, я дышала. И все же узники меня не видели.

Женщина, которую я освободила в казино, вновь висела на дыбе. Вид у нее был не слишком, но по дрожанию ресниц и еле заметному дыханию я поняла, что она жива. Услышав за спиной какой-то шум, я обернулась и увидела толпу призраков, тысячи две; все они стояли и молча смотрели на меня. Такое я уже встречала, когда в одном помещении собралась целая военная бригада Порции, поэтому не слишком удивилась. Я видела призраков ясно и четко, не чувствуя при этом ни малейшего испуга; наверное, я к ним уже привыкла.

— Я не знаю, что мне делать, — сказала я, но призраки хранили молчание.

Обернувшись к женщине, я с удивлением увидела, что она смотрит прямо на меня. Затем она попыталась что-то сказать, но с ее запекшихся губ сорвался лишь хриплый шепот. Кто-то подал мне кружку с водой, скользкую, покрытую зеленой плесенью.

— Что это? — с отвращением спросила я.

— Ничего не поделаешь, другой здесь нет.

Мне понадобилось целых пять секунд, прежде чем я узнала голос.

Медленно подняв голову, я размахнулась и изо всех сил швырнула кружку о стену.

— Черт! Томас! — Мое сердце бешено застучало где-то в горле. — Что ты здесь делаешь?

Он держал ведро с тухлой водой и выглядел при этом вполне реальным, но это ничего не значило. Я тоже казалась реальной, а между тем только что прошла сквозь стену.

— Не знаю.

Я поверила, потому что и сама ничего не понимала. Надо же, даже вампиру не по себе. Рука, державшая ведро, дрожала, и вместе с ней дрожала вода; дрожал и его голос.

— Я помню, как ты вошла в мое тело и начала его контролировать, а я не мог ни говорить, ни двигаться. А потом мы оказались здесь. — Он удивленно огляделся. — Что это за место?

— Сама не знаю.

— Ты здесь раньше бывала? — Внезапно Томас оживился. — Это Франсуаза? — Заметив мое удивление, он пояснил: — Рафаэль рассказал мне о твоём видении. Это та самая женщина?

— Кажется, да, — ответила я, все еще глядя на ведро в его руке, мне почему-то казалось, что его здесь быть не должно. Если Томас каким-то образом проник в мое видение, то мы оба должны играть по обычным правилам, потому что находимся не в темнице, а в образе темницы, существовавшей много лет назад. Мы были словно зрители, которые смотрят на экран и видят там каменное подземелье. И тем не менее Томас стоял рядом со мной, держа в руке деревянное ведро, наполненное водой. — Где ты это взял?

Он смутился.

— Стояло в углу.

И махнул рукой в угол, засыпанный соломой; по исходившему оттуда запаху было ясно, что там находилось отхожее место. Конечно, тюремный запах напоминал что-то среднее между открытым канализационным люком и мясной лавкой, где продают несвежее мясо и где по углам гниют мясные обрезки. Все-таки обидно — не иметь тела, но вдыхать жуткие миазмы. Раньше в моих видениях никогда не было запахов и ощущений; вот было хорошо!

— Эту воду нельзя пить.

Черт бы взял эту метафизику; ладно, этот вопрос обдумаем после. Если Томас может держать ведро, значит, мы способны на какие-то действия, во всяком случае, в некоторой степени. И если это так, то в наших силах изменить ход событий, которые пошли — или собирались пойти — не так, как нужно. Моим первым желанием было скорее вывести женщину из подземелья, но вместе с тем я понимала, что она не протянет долго, если я не дам ей воды; она же бросала жадные взгляды на ведро с тухлой водой. Интересно, как долго ей не давали пить?

Томас понюхал воду, окунул в нее палец и лизнул, потом с гримасой отвращения сплюнул на пол.

— Ты права. Ужасно соленая. Наверное, еще один способ пытки. — Он швырнул ведро в угол, и мерзкая жидкость растеклась по вонючей соломе. — Попробую поискать что-нибудь приемлемое.

— Нет! Оставайся здесь.

— Зачем? Разве я не дух? Что со мной случится?

Я оглянулась на скопление призраков, молча наблюдавших за нами. Стоит говорить о них Томасу? Лично я привидений не боюсь. Есть, конечно, редкие экземпляры вроде Билли, которые забирают у человека часть энергии, но я всегда умела с такими справляться. Кроме того, многие из них находят, что контакт с человеком отнимает больше энергии, чем сам процесс, поэтому они предпочитают вообще не связываться с людьми — во всяком случае, пока их не разозлили. Но теперь все изменилось. У меня не было тела, а значит, и не было защиты. Я стала духом-чужаком, забредшим на чужую территорию, и если привидения разозлятся, то мне не поздоровится. Билли говорил, что иногда призраки даже пожирают друг друга, чтобы получить энергию, тем более что это гораздо легче, чем забирать ее у людей. Он сам подвергался нападению несколько раз, и однажды ему пришлось так плохо, что мне пришлось срочно передавать ему свою энергию, чтобы он не растворился в вечности. Итак, я стояла перед огромной толпой голодных призраков, готовых броситься на меня в любую минуту. Правда, до сих пор они оставались спокойными, но мне вовсе не хотелось испытывать судьбу.

— Лучше тебе этого не знать.

Томас промолчал, но нахмурился, когда его взгляд упал на женщину. Видимо, он искренне желал ей помочь, что несколько смягчило мою злость. Интересно, подумала я, Томас рискует так же, как я? Билли-Джо находился в нашем времени, охраняя мое тело, а вот душа Томаса улетела далеко, и, значит, в настоящий момент он мертв. Конечно, он умирает каждый день — когда восходит солнце, но на этот раз все иначе. Надеюсь, когда мы вернемся, нас не будет поджидать его хладный труп.

— Давай ее освободим, — чтобы отвлечься, предложила я.

Мы начали снимать женщину с дыбы, но это оказалось труднее, чем мы думали. Хотя я и старалась действовать как можно осторожнее, я все же причинила ей боль. Веревки так въелись в тело, что кровь приклеила их, словно клей; когда я дернула, чтобы оторвать их от

кожи, хлынула сукровица.

Я оглядела темницу — нет ли поблизости воды, но вдоль стен сидели только закованные в цепи узники. Один из них висел на каменном выступе в девяти футах над землей. Его руки были заведены назад и выкручены под самым невероятным углом, к ногам были привязаны камни. Он не шевелился, а просто висел, как тряпичная кукла. Еще один лежал на грязной соломе и тихо стонал. Я попыталась догадаться, что с ним сделали; скорее всего, обварили кипятком. Его кожа имела кроваво-красный цвет и сходила пластами. Не лучше выглядели и остальные. Увидев располосованные спины, культы вместо рук и ног, вырванные куски мяса, я отвернулась, чтобы меня не стошнило.

Что-то задело мой локоть; обернувшись, я увидела, что возле меня в воздухе парит фляга. Я схватила ее и покосилась на толпу призраков. Они не двигались; от фляги исходил запах виски. Я бы предпочла воду, но алкоголь, возможно, притупит боль.

— Вот, выпей, — сказала я, прижимая флягу к губам женщины.

Она сделала несколько глотков и потеряла сознание.

Оставив ее на попечение Томаса, я решила освободить мужчин, но вскоре выяснила, что ничего у меня не получится. Если женщина была связана веревками, то все мужчины были прикованы железными цепями. Я бросила взгляд на Томаса. Разговаривать с ним не хотелось, тем более просить о помощи, но выхода у меня не было.

— Ты можешь разомкнуть цепи? — спросила я.

— Попробую.

Он подошел ко мне, и мы вместе попытались разорвать звенья, но ничего не вышло. Наших сил хватило только на то, чтобы приподнять тяжелую цепь, не больше. Видимо, при переходе в параллельный мир мы потеряли слишком много сил. Даже после того, как я развязала веревки, стягивающие руки женщины, у меня было такое ощущение, словно я несколько часов надрывалась на тяжелой работе.

Итак, дела обстояли не лучшим образом. Я не знала, где нахожусь, как буду возвращаться в свое время и когда в темницу нагрянут палачи. В углу мелькнула крыса, и я запустила в нее ковшиком для воды. Очень славно, а если я каким-то образом вернусь в свое время, то окажусь точно в эпицентре грандиозной драки, в которой еще неизвестно, кто победит. Нет, сегодня явно не мой день.

— Это бесполезно, Кэсси, — сказал Томас, провозившись несколько минут. — Я не сильнее этих людей, к тому же у меня быстро убывают силы. Давай спасать женщину, пока можно. Остальным мы уже ничем не поможем.

Я нехотя согласилась. Сегодня, кажется, я работаю спасателем. Я вновь взглянула на армию призраков, терпеливо наблюдающих за мной.

— Э-э... вы не знаете, как отсюда выбраться?

Призраки посмотрели на меня, потом переглянулись. В толпе послышалась возня, затем вперед шагнул юноша лет восемнадцати, одетый примерно как Луи Сезар, только гораздо беднее. На нем была голубая суконная рубашка, в руке — коричневая шляпа с общипанным желтым пером, заткнутым за широкую ленту. Наверное, при жизни он был щеголем, поскольку его шейный платок был украшен кружевами, парик был пышный и длинный, а на туфлях из буйволового кожи красовались огромные желтые банты. Слишком уж ярко для привидения; значит, юноша умер не более года назад.

— *A votre service, mademoiselle*, — произнес он, поклонившись, — впрочем, не так изящно, как Луи Сезар.

Здорово, ну просто здорово. Я бросила взгляд на Томаса; тот держал женщину за руку и щупал ей пульс.

— Ты, случайно, не говоришь по-французски?

Он покачал головой.

— Совсем немного, вряд ли он меня поймет. Меня редко допускают на заседания Сената, — мрачно добавил он.

— С каких это пор в Вегасе говорят по-французски?

Томас нетерпеливо качнул головой.

— Штаб-квартира европейского Сената находится в Париже, Кэсси.

— Я не знала, что ты служишь там.

— Ты вообще много чего не знаешь.

Решив прекратить спор, я взглянула на юношу. Конечно, хорошо, что я нахожусь не в теле Луи Сезара, но сейчас было бы неплохо иметь его знания.

— Мы не говорим по-французски, — сказала я.

Юноша смущенно взглянул на меня, в толпе снова послышалась возня, и вперед вытолкнули еще одного призрака — мужчину средних лет в штанах до колен и голубой матросской куртке. Его лысую голову не украшал парик, выглядел он как человек, много повидавший на своем веку.

— При жизни я был виноторговцем, мадемуазель. Мне часто приходилось бывать в Англии; возможно, я сумею вам помочь?

— Послушайте, я не знаю, как я сюда попала и зачем. И где нахожусь. И что вы от меня хотите. Мне нужна хоть какая-то информация.

Призрак задумался.

— Простите, мадемуазель, но мы несколько озадачены. Вы духи, но не такие, как мы. Скажите, вы ангелы, ниспосланные нам в ответ на наши молитвы?

Я фыркнула. За мою жизнь меня называли разными словами, но еще ни разу не называли ангелом. И Томас был не слишком похож на ангела, разве что падшего.

— Э-э, нет. Не совсем. — Юноша что-то сказал, и у торговца сразу сделался испуганный вид. — Что он сказал?

Торговец замялся.

— Он опасается за жизнь своей возлюбленной. Она может умереть, как умер он, как все мы в этом подземелье страданий. Он сказал, что ему все равно, откуда вы, хоть от самого *le diable*^[14], от самого Сатаны, лишь бы вы даровали нам надежду на отмщение. Простите его, мальчик сам не понимает, что говорит.

Взглянув на гневное лицо юноши, я подумала, что все он прекрасно понимает.

— Мы не демоны. Мы... это трудно объяснить. Мы просто хотим убраться отсюда, пока не пришли тюремщики. Вы не могли бы сказать, что это за место?

— Вы в Каркассоне, мадемуазель, где находятся врата, ведущие в Ад.

— А это где? Во Франции?

Торговец взглянул на меня так, словно я спросила, какой сейчас год, что я, собственно, и собиралась сделать. Все, к черту. На объяснения нет времени.

— Ладно, не обращайтесь внимания. Просто скажите, куда мы можем отнести эту женщину. Ее убьют, если мы ее отсюда не выведем.

— Отсюда никого нельзя вывести. Разве вы пришли не для того, чтобы отомстить за

смерть Франсуазы?

Все это начало мне надоедать. Я не слишком терпеливый человек, особенно если учесть, сколько мне пришлось пережить за последнее время.

— Ваша Франсуаза еще не умерла. Так вы поможете нам?

Видимо, юноша сообразил, в чем дело, поскольку начал что-то быстро говорить торговцу. Пока они спорили, женщина пришла в себя, и я легонько похлопала ее по руке — там, где не было следов от веревок. Она взглянула на меня своими большими глазами, но ничего не сказала. И правильно сделала; сейчас было не время для вопросов.

Наконец торговец повернулся ко мне.

— Даже если мы вам поможем, — укоризненно сказал он, — женщина может умереть, как и все остальные. Вы откажетесь мстить, если она проживет еще несколько дней?

Тут я не выдержала. Какого черта, у меня был тяжелый день, и я не для того забралась в жуткое подземелье, чтобы выслушивать лекции какого-то дурацкого призрака! Для этого у меня есть Билли-Джо.

— Я не ангел смерти, ясно вам это? Я пришла сюда не для того, чтобы мстить! Если вам нужна месть, мстите сами. Так поступают все привидения, между прочим. А теперь — или помогите мне, или убирайтесь с дороги!

Виноторговец рассердился.

— Мы не можем мстить за себя сами, иначе мы бы давно это сделали, — резко сказал он. — Этот замок служит местом пыток вот уже много столетий; кто-то наложил на него чары, которые не дают нам вмешиваться в ход событий. Думаете, мы могли бы спокойно наблюдать, как на наших глазах творится страшная жестокость, будь у нас выбор? Если вы не духи, значит, могущественные колдуны. Помогите нам! Помогите, и мы навеки станем вашими рабами.

С этими словами призрак опустил на одно колено, и вся армия призраков, как один, последовала его примеру. Нет, это уже слишком.

— Э-э... как ваше имя?

— Пьер, мадемуазель.

— О'кей, Пьер. Я не колдунья; я простая ясновидящая. Наверное, вы умеете колдовать лучше, чем я. Я не способна снимать чары, никакие. Я знаю только одно: если мы сейчас же не поможем этой женщине, она умрет.

Торговец слушал меня молча, насупившись, но юноше все это, видимо, надоело. Выскочив вперед, он схватил меня за руку и принялся тянуть, что-то бормоча на своем языке, причем так быстро, что даже если бы я и знала французский, все равно ничего бы не разобрала.

Бросив на юношу неодобрительный взгляд, Пьер все же согласился перевести его слова.

— В замке есть подземный коридор, мадемуазель, который ведет от подножия одной из башен к реке Од. Им всегда пользовались в случае опасности. Этьен покажет вам дорогу.

Я вопросительно взглянула на Томаса.

— Ты сможешь ее нести? — Он кивнул и подхватил женщину на руки и тут же, запнувшись, едва ее не уронил. — В чем дело?

— Она тяжелее, чем я думал, — хмуро ответил Томас. — Нужно торопиться, Кэсси, я теряю силы.

Я кивнула и взялась за ручку двери, ведущей в темницу. Пришлось дернуть несколько раз, прежде чем она открылась. Я могла совершать манипуляции с предметами, но Томас

был прав — нужно было торопиться, поскольку и мои силы находились на исходе. Задыхаясь от напряжения, мы выбрались в коридор; он был пуст. Наверное, тюремщики ушли, чтобы выпить чашечку кофе. Однако я точно знала, что они где-то поблизости и скоро вернуться.

Юный призрак метался туда-сюда, пока мы спускались по лестнице. Было темно, но ярко-желтое перо на его шляпе светило слабым призрачным светом, и мы шли за ним, как за огоньком маленькой свечки. На этот раз я не запнулась и не ушибла палец и все же пожалела, что в свое время не занималась бегом трусцой, потому что спускаться по лестнице — все равно что бежать марафон. Теперь я понимала, почему Билли так злился, когда я просила его что-нибудь принести.

К тому времени, когда лестница закончилась, я была мокрой, как мышь. Я хотела прислониться к стене, но едва в нее не провалилась.

— Далеко еще?

Юноша не ответил, лишь дернул головой, указывая вперед. Я оглянулась — привидений вокруг не было; видимо, их больше интересовала возможность над кем-нибудь поиздеваться, чем спасти чью-то жизнь. Что ж, на то они и привидения.

Наконец мы вышли в коридор; стояла крошечная тьма, и лишь впереди слабо маячило перышко на шляпе нашего проводника. Стало сыро, под ногами захлюпала вода — значит, мы приближались к реке. Казалось, проклятому коридору не будет конца; к волосам женщины прилипла паутина, но у меня не было времени ее стряхивать. Но вот туннель закончился, и мы вышли наружу; на небе тускло сияли месяц и Млечный Путь. Ночь без электрического освещения кажется абсолютно черной, но даже она после ужасного коридора показалась мне светлой.

Томас окончательно выбился из сил, и мне пришлось ему помогать. Взяв женщину под руки, мы почти волоком тащили ее по узким мощеным улочкам. Не слишком удобный способ передвижения для раненого. И все же лучше так, чем быть сожженной заживо.

Ночью окружавшее замок поселение показалось мне скоплением жалких грязных домишек, расположенных по обеим сторонам до того узких улочек, что соседи из разных домов, высунувшись из окна, могли пожать друг другу руки. Мы шарахались в сторону каждый раз, когда рядом ухала сова или лаяла собака, но продолжали идти. Я старалась не смотреть назад, где на фоне темного неба виднелись зловещие очертания огромного мрачного замка. Я верила, что перышко непременно приведет нас к нашей судьбе. Каждый шаг давался с невероятным трудом, и я едва не падала от усталости. Наконец, когда я уже собралась запросить пощады или просто повалиться на землю, впереди мелькнул слабый, едва заметный огонек. Постепенно он стал ярче и вскоре превратился в свечу, горевшую в окне маленького домика. Собрав все силы, я тихонько постучала в дверь. Она открылась, и в глаза хлынул яркий свет. Я быстро зажмурилась, а когда открыла глаза, то увидела встревоженное лицо Луи Сезара.

Я лежала на земле. Через секунду я поняла, что нахожусь в своем времени и своем теле. Будь у меня силы, я бы вскрикнула от радости.

Билли-Джо, склонившись надо мной, с тревогой заглянул мне в глаза.

— Ты почему не сказала, что умеешь откалывать такие штуки? Я застрял! Я же мог погибнуть!

Подниматься не хотелось; даже твердый асфальт казался мне мягче перины.

— Не надо трагедий. Ты все равно мертв.

— Мы так не договаривались!

— Не ори.

Билли-Джо собрался сказать что-то еще, но тут ко мне подошел Луи Сезар.

— Мадемуазель Палмер, как вы? Вы меня слышите?

— Не трогайте меня.

Наконец я решила собраться с духом и сесть; не слишком приятно лежать у всех на виду, зная, что у тебя задралась юбка и все любят на твои розовые трусики; кроме того, мне хотелось отодвинуться от Луи Сезара. Каждый раз, когда мы касались друг друга, я оказывалась в другом времени. Раньше меня об этом предупреждало внутреннее чутье, а теперь я не знала, что для меня страшнее — оказаться рядом с Луи Сезаром или быть схваченной Сенатом. Во всяком случае, перемещаться в другое время мне не захочется еще очень и очень долго.

— Где Томас?

Я все еще сердилась на него, однако мысль о том, что по моей вине он мог погибнуть, была для меня тягостной.

— Он здесь, — ответил Луи Сезар и отодвинулся. Позади него стоял Томас; вид у него был какой-то странный: он смотрел на француза и, казалось, не узнавал его.

— С тобой все в порядке? — спросила я, надеясь, что это так, поскольку понятия не имела о том, где искать его блуждающий дух.

Через какое-то время Томас кивнул, но продолжал молчать. Нехороший признак.

— Сколько пальцев я подняла?

— Ой, ради бога! — сказал Билли и встал между нами, стараясь при этом никого не касаться. — С ним все в порядке. Пришел в себя несколько минут назад, когда ты решила к нам присоединиться. — Он хмыкнул. — Как насчет того, чтобы отправиться в отпуск, когда минует кризис?

Я не ответила.

— Помоги мне встать.

Решив, что я обращаюсь к нему, Томас шагнул ко мне, заставив Билли-Джо метнуться в сторону. Я села и оглянулась по сторонам. Рядом валялось одиннадцать мертвых оборотней, включая Джимми. Увидев его застывшие крысиные глазки, с укором взирающие на меня, я выругалась.

— Черт! Я же хотела с ним поговорить! Вы убили его, когда он собирался рассказать мне об отце! — набросилась я на Приткина, который в ответ лишь театрально воздел руки.

Мои слова не произвели на него никакого впечатления. Маг смотрел куда-то в сторону

и выглядел не слишком хорошо: красное лицо, остановившийся взгляд, вздувшие на шее жилы.

— Я больше не могу его удерживать, — хриплым шепотом сообщил он.

Что он имел в виду, я поняла, когда, присмотревшись, увидела, что нас окружает прозрачная голубая дымка, — мы стояли внутри магического защитного круга. Чтобы защитить нас, Приткин расширил свой собственный круг, который уже начал терять силу и выглядел тонким и слабым. Возможно, Приткин слишком сильно его растянул; личная защита обычно плотно окружает только своего владельца. Рыцарь был прав: еще немного, и его защита рухнет.

— Нужно увести отсюда Кэсси, — сказал Томас, и я заметила, что и он напряжен.

Что-то сильно его беспокоило, и смотрел он не на мага и не куда-то еще. Он смотрел на меня.

Единственный, кто сохранял полное спокойствие, был Луи Сезар.

— Мадемуазель, если вы пришли в себя, могу я просить вас вернуться обратно в МОППМ? Томас вас проводит.

Приткин что-то произнес, и в воздухе на мгновение возник сверкающий магический знак. Он был так близко, что я могла дотронуться до него рукой. Я знала, что делает волшебник: дело в том, что Тони всегда окружал свои подземелья знаками магической защиты, используя для этого заклинания. Удивительно, но магическую защиту он создавал лишь с помощью слов; как-то раз я спросила его, как он это делает, и Тони ответил, что просто использует свою энергию.

Магическую силу можно черпать из разных источников. Говорят, что лесной народец и в меньшей степени ликантропы, или оборотни, получают ее из природы, питаясь энергией нашей планеты, с бешеной скоростью летящей в космическом пространстве. Сила притяжения, солнечный и лунный свет — все можно превратить в энергию, если знаешь, как. Я даже слышала о том, что Земля, наряду с полем гравитационным, обладает магическим полем и что наступит день, когда из него можно будет получать энергию. Это и есть Святой Грааль современной магии, до которого еще не добрался ни один маг, хотя такие попытки ведутся. И пока не решена эта загадка, люди будут получать лишь малую толику магической энергии, беря ее из природы. В настоящее же время большую часть магической силы они получают от самих себя — за исключением черных магов, которые добиваются могущества путем убийства или проникновения в потусторонний мир, за что платят огромную цену.

Одни маги бывают сильнее, другие слабее, но все поголовно используют всякого рода приспособления, усиливающие, по их мнению, магические способности. Большинство носит с собой талисманы, накапливающие, подобно батарейкам, природную энергию, которой затем пользуется маг; в качестве примера можно привести Билли и его ожерелье. Есть маги, которые, устанавливая связь с другими магами, получают энергию друг от друга; скажем, так поступают члены Серебряного круга. Другие призывают на помощь мифические существа, чтобы те поглощали, а затем передавали им свою энергию. Не знаю, каким источником пользовался Приткин, но дела у него шли не слишком удачно. Магическая защита сверкнула и сразу начала гаснуть. Что-то вытягивало из нее силы, причем с большой скоростью.

Я оглянулась по сторонам — ничего странного или необычного. На автостоянке царила тишина, я бы даже сказала, мирная тишина, если не считать двух сожженных автомобилей. Я вопросительно взглянула на Луи Сезара, но он молчал. Ну и ладно.

— Билли! Что здесь происходит?

— С кем вы говорите, мадемуазель? — встрепнулся Луи Сезар, впервые проявив признаки беспокойства. — Наверное, у нее сотрясение мозга, — негромко сказал он Томасу. — Будь с ней осторожнее.

В это время Билли, подлетев к Приткину, завис над ним и вдруг принялся отчаянно жестикулировать — сначала перед его лицом, потом начал делать какие-то знаки мне.

— Билли! Ради бога, что с тобой происходит? Тебя все равно никто не слышит, говори громче!

— Ваш друг не сможет помочь вам, сивилла.

Голос исходил откуда-то сбоку, из темноты. И тут, оглянувшись, я увидела, что к пятерке вампиров, наблюдавших за ходом нашего сражения, присоединился кто-то еще. Его было трудно разглядеть в слабом предутреннем свете, но исходящие от него волны энергии не предвещали ничего хорошего. Я почему-то даже обрадовалась, что не вижу его лица.

— Я его заколдовал. Вам никто не поможет, да это и не нужно. Ничего не бойтесь, сивилла. Идемте со мной. Обещаю, что никто не сделает вам ничего плохого. Мы ценим ваш дар и хотим, чтобы он стал сильнее. Вам больше не придется прятаться по углам и опасаться за свою жизнь. Подойдите ко мне, и я отпущу ваших друзей — если они ваши друзья — с миром.

— Меня зовут Кэсси. Вы меня с кем-то спутали.

Мне не хотелось продолжать эту беседу, но Билли явно пытался мне что-то сказать. Ладно, посмотрим, что будет дальше.

— Я назвал ваш истинный титул, мисс Палмер, хотя имя Кассандра также довольно любопытно. Вам когда-нибудь рассказывали, откуда оно взялось? — Он засмеялся. — Только не говорите, что вас вырастили в полном невежестве. Как непредусмотрительно! Мы этой ошибки не повторим.

— Кассандра — это героиня древнегреческого мифа. Возлюбленная Аполлона.

Мы с Эжени проходили и древнегреческую, и древнеримскую мифологию, поскольку моя нянька считала, что такие вещи должна знать каждая юная леди. Я не жаловалась, мне это даже нравилось. Большую часть тех уроков я давно позабыла, но кто такая Кассандра, знала. Хорошее имя для ясновидящей, между прочим.

— Не совсем так, моя дорогая. — Голос был мягким и звучным и мог бы показаться приятным, если бы не излишняя слащавость; я бы сказала, что он навевал мысли о перезрелом фрукте. — Аполлон, бог прорицателей, полюбил прекрасную земную женщину по имени Кассандра, но она не ответила на его любовь. Женщина притворилась влюбленной только для того, чтобы получить за свою любовь дар прорицания; после этого она сбежала. Конечно, бог нашел ее — как и вы, она не могла прятаться вечно — и отомстил. Ты сохранишь свой дар, сказал он, но будешь предсказывать одни несчастья, и никто не будет тебе верить, пока не станет слишком поздно.

Я невольно поежилась. Эти слова задели меня за живое. Он, видимо, о чем-то догадался, потому что вновь рассмеялся.

— Не волнуйтесь, прелестная Кассандра. Я покажу вам, что и тьма бывает прекрасна.

— Ты можешь объяснить, что происходит? — прошипела я, обращаясь к Билли, чтобы хоть как-то заглушить этот медоточивый голос.

Мне ответил черный маг, который услышал мои слова, хотя и стоял поодаль.

— Защита белого рыцаря слабеет, сивилла. Скоро мы поговорим, стоя лицом к лицу.

Я, между прочим, могла бы прекрасно обойтись и без этого. Я взглянула на Билли-Джо. — Помнишь, что случилось через три дня после того, как я покинула Филли?

Билли тупо уставился на меня, затем затряс головой и замахал руками. Все ясно, вспомнил.

Я знала всего одно, но очень сильное заклятие. В качестве оружия оно не годилось, однако с его помощью можно было вызывать резкий подъем жизненных сил всего организма; правда, при этом расходовалась огромная часть энергии. Рискованный трюк, поскольку к тому времени, когда колдовство переставало действовать, а опасность еще оставалась, ты мог оказаться с ней один на один — слабый, как котенок. Я использовала это заклятие, чтобы не спать три дня подряд, когда сбежала от Тони во второй раз. Как-то раз я испробовала его на одном из магов-изгоев, что ошивались вокруг Тони, и потому знала, что чары будут действовать в течение семидесяти двух часов. В первый раз мне повезло — я уснула в автобусе, и мои преследователи не смогли определить, в которой из десятков выходящих в рейс машин я нахожусь. К тому времени, когда они вышли на мой след, я проснулась, запаниковала и стала менять один автобус за другим, в результате чего все-таки выиграла три дня, правда, каждый раз ускользая от погони в последний момент. Тогда все закончилось благополучно, и все же мне не хотелось повторять этот опыт. Я убегала не раз, и парни быстро научились меня вычислять, так что и на этот раз мне вряд ли удастся застать их врасплох.

В тот раз чары подействовали, но мне это дорого обошлось — я проспала семь дней подряд и потеряла в весе десять фунтов. Наверное, я потеряла бы куда больше — свою жизнь, — если бы не Билли. Он решил: если я могу отдавать ему свою энергию, то почему бы ему не попытаться передать мне свою? Тогда это сработало.

Билли плавал на небольшой высоте, размахивая руками и ухмыляясь. Он явно давал мне понять, что не хочет повышать голос и что выход у нас только один. Я вздохнула.

— Ладно, давай.

В лицо пахнуло теплым ветром, и Билли влетел в меня; на секунду в мозгу появилась картинка: Ирландия, мать Билли умерла, он копает могилу.

— Ты что, с ума сошла? — заворчал он, как только оказался внутри.

— Просто ответь: мы можем укрепить магическую защиту?

— Кто это «мы»?

— Слушай, не валяй дурака; ты прекрасно все понимаешь! Можем или нет?

— Да откуда мне знать? — Билли был явно не в настроении. — Я не знаю ни одного волшебного слова! Если эта штука сработает рикошетом, нам крышка!

— В прошлый раз все обошлось.

— В прошлый раз ты чуть не погибла!

— Надо же, а я и не знала, что тебя это волнует. Ладно, отвечай: да или нет?

— Не знаю, — упрямо повторил он. — Теоретически я должен быть способен перенаправить поток энергии, но...

— Отлично.

Я сконцентрировалась на сверкающем защитном круге, не обращая внимания на Луи Сезара и Томаса, которые в этот момент о чем-то спорили. Нужно сделать все как следует, потому что второго шанса у нас может и не быть. Приткин к этому времени стал уже багровым; на его потемневшем лице блестели белки глаз.

— Стой! Мне нужно подумать! Придержи коней... — начал было Билли, но я его уже не

слушала.

Времени на дискуссии у нас не осталось. Я не умела растягивать защиту, как это делал Приткин; нужно было торопиться: если его защита исчезнет до того, как я установлю свою, нам конец. И я громко произнесла единственное заклятие, которое знала.

Волны энергии ударили в меня с такой силой, что я едва не грохнулась на асфальт. В следующую секунду Билли начертил в воздухе сверкающую золотую руну, которая повисла передо мной, вспыхивая и переливаясь. Однако полюбоваться на нее я не успела, потому что шлепнулась на задницу в тот момент, когда энергия столь же внезапно меня покинула. Только сейчас я живо вспомнила, почему не слишком люблю подобные эксперименты.

Я перекатилась на бок и застонала, стараясь подавить приступ рвоты, и Билли начал передавать мне свою энергию. Раньше во время этого процесса я ничего не чувствовала, однако на этот раз со мной что-то произошло. Почувствовав, как меня начала пронизывать искрящаяся, теплая, чудесная энергия, я резко выпрямилась. Черт! Я же могу на нее подсесть. В мозгу зазвучал веселый смех Билли, и я усмехнулась. Теперь понятно, почему он носился под потолком, как ракета.

— Что ты сделала? — спросил Приткин, ошалело уставившись на меня. — Это ты укрепила мою магическую защиту?

Ничего не понимая, он смотрел на меня, а мы с Билли любовались своей работой. В свете галогенных ламп, висящих над площадкой, сиял чистый голубой купол, такой плотный, что был виден даже обычному человеку, и такой крепкий, что его нельзя было пробить ничем. Очевидно, Приткин, творя заклятие, использовал воду, поскольку стенки купола слегка вибрировали, словно по ним стекала вода.

— Отлично сработано, — сказала я своему помощнику. — У меня даже тошнота прошла.

— Что ты сделала?! — вскричал Приткин, хватая меня за руки, из-за чего моя личная защита слегка заискрилась. Приткин сразу отступил. — Не может быть — у тебя нет такой мощной энергии. Ни один смертный не может этого сделать!

— А может, я ее позаимствовала, энергию?

Приткин прищурился.

— У кого? Или чего? — (Я промолчала.) — Может быть, мне все-таки скажут, что здесь происходит?

Ему не успели ответить, потому что магический купол вдруг начал шипеть и потрескивать. Снаружи появилось нечто вроде черного облака, которое набросилось на купол, по кусочкам отщипывая магическую защиту, словно стая саранчи, опустившаяся на прерию. О'кей, возможно, наши проблемы еще не закончились.

Только одно существо могло мне объяснить, что происходит. Войдя внутрь себя, я отыскала Билли.

— Говори, что это за туча!

— Не могу поверить, что ты это сделала! А знаешь, что произошло бы, не сумей я передать тебе такое огромное количество энергии? Она вернулась бы к нам, и мы бы заживо изжарились!

— Об этом потом, — перебила я. — Быстро говори, что происходит за стенками купола.

— Идет сражение двух магов из разных кругов, а мы оказались как раз между ними. Ну как, устраивает?

— О'кей, теперь вроде понятно.

Услышав какой-то странный звук, я приняла его за скрежет зубов. Никогда не думала, что Билли умеет скрипеть зубами.

— Когда ты вернулась в свое тело, я поплыл за черным магом, но он меня засек и выставил защиту. Больше я такого не сделаю. Но до того как он меня вырубил, я узнал, что Черный круг вступил в союз с Распутиным, а также с другими группировками, которые недовольны нынешним положением вещей. Они поставили на Распутина и не хотят упустить свой жирный кусок. А еще смешнее то, что к ним примкнул Тони. Оказывается, он продавал магов светлым эльфам и прекрасно знает, что если это станет известно в МОППМ, ему еще очень повезет, если его просто проткнут колом.

— Что? Что ты говоришь? — не веря своим ушам, спросила я; то, что эльфы — вовсе не миф, я узнала совсем недавно.

— Это длинная история. Знай одно: Тони отчаянно ищет надежное прикрытие. О его грязном бизнесе узнали темные эльфы, и им это страшно не понравилось. Они не могут допустить, чтобы светлые эльфы превзошли их численностью, а именно это и произойдет, раз уж в дело вмешались маги. И значит, Страной Эльфов будут править светлые.

— Но это же здорово!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Я не слишком хорошо помню уроки своей нянюшки, но тот факт, что эльфами будут править не гоблины, тролли и им подобные, а дети света, может только радовать.

Билли вздохнул.

— Нам с тобой давно нужно было серьезно поговорить. Нет, это не может радовать. Я вообще не люблю эльфов, но темные, по крайней мере, умеют править. Светлые же склонны к анархии; за последние столетия в Стране Эльфов начали расти разброд и шатания. Ты понимаешь, что начнется, если светлые окончательно захватят власть? Тогда их никто не сможет унять. Вот почему сюда прилетела эта полоумная пикси. На то, что людей продают в рабство, ей наплевать, но если это выгодно светлым, пикси пойдут на все, чтобы это остановить. В общем, дело обстоит так: Распутин обещал защитить Тони, если тот убьет тебя. Сделка состоялась.

— Еще бы. — Итак, у меня появился еще один враг. Может, начать составлять список? — А почему Распутин хочет меня убить?

— Он боится тебя, и я не знаю почему. Спроси у мага. Я только знаю, что полчаса назад Распутин позвонил Тони и сообщил, что ты идешь в казино. Вот почему Джимми был все еще жив. Им было не до него — они собирали людей, чтобы окружить здание. Только никто не ожидал, что ты полезешь через главный вход. Они-то стерегли боковые.

«Теперь понятно, почему в коридорах было пусто», — подумала я.

— А мне самой это пришло в голову только в последний момент. Но как Распутин меня нашел?

— Хороший вопрос.

— Почему Тони занялся работорговлей? — спросила я, решив оставить «хороший вопрос» на потом. — Неужели он не боится Мирчу и членов круга? — Продавать в рабство телепатов, колдунов и магов — дело, конечно, прибыльное, но наказание, которое круг установил за такие дела, в свое время охладило пыл многих делег. Я слышала, что даже Тони как-то говорил, что заниматься подобными вещами могут лишь круглые дураки. Почему же он вдруг изменил свое решение? Мирча его убьет.

— Не убьет, если Распутин успеет убить самого Мирчу и всех членов Сената. Тогда

Тони получает место в Сенате, выходит из-под власти своего хозяина и становится вольной птицей. Власть и богатство — обычные мотивы.

— Тони не способен вершить большие дела, он для этого слишком мелок. С трудом держится на третьем уровне, и ты это знаешь.

— Возможно, он рассчитывает на помощь Распутина. А может, просто не хочет. Он уже достаточно стар, чтобы перейти на второй уровень. Может быть, он молчал, боясь, что Мирча что-нибудь заподозрит и начнет за ним следить. Тони не справится с Мирчей без помощи мощного союзника.

— Которого он приобрел.

— Похоже на то. Итак, партнер, что будем делать?

— А что мы имеем?

Билли-Джо театрально вздохнул. Он всегда так вздыхает, когда собирается сказать что-нибудь неприятное.

— Двух черных магов, пять вампиров здесь и пятнадцать вокруг стоянки, из них шестеро — вампиры-хозяева. Да, и еще восемь смертных, вооруженных до зубов.

— Что?!

— А ты как думала? Вегас — одна из крепостей Тони. Кстати, это еще не все — полдюжины смертных и восемь или девять вампиров засели в подвале. Как только они узнают, что тебя нашли, сразу рванут сюда. Так что скоро здесь будет не протолкнуться.

Я с ужасом уставилась на него.

— Нам крышка.

— Принято единогласно. Есть вариант: Томас хватает тебя в охапку и уносит, а Луи Сезар и маг задерживают вампиров, чтобы вы смогли уйти как можно дальше.

— Это же самоубийство!

— Ага, причем верное. Мы окружены, дорогая. Томасу отсюда не выбраться.

— Вот дерьмо. — Я на секунду задумалась. — Как насчет подкрепления?

В этот момент Луи Сезар заорал мне в самое ухо:

— Мадемуазель, вы меня слышите?

Я отскочила в сторону, пока он до меня не дотронулся.

— Что вам нужно? Извините, но я занята.

С удивлением взглянув на меня, он сказал уже несколько спокойнее:

— Вам нужно уходить, мадемуазель. Простите, но мы больше не можем ждать, когда вам станет лучше.

— Я никуда не пойду. Томасу ни за что не уйти от банды, и вы это прекрасно знаете. Два черных рыцаря, шесть вампиров-хозяев и как минимум четырнадцать простых вампиров. Понятно, о чем я?

У Луи Сезара был такой вид, словно он полностью перестал понимать, что происходит.

— Откуда вы это знаете? — растерянно спросил он.

— У нее есть слуга-привидение, он и рассказал, — ответил за меня Приткин, который в это время стоял на коленях, из последних сил поддерживая слабеющую защиту.

— Вы видите Билли? — удивленно спросила я. Дело в том, что видеть призраков могут лишь очень немногие люди.

— Нет, — сквозь стиснутые зубы ответил Приткин. На его скулах играли желваки. — Но мне рассказывали про вашего призрака. — По лицу мага ручьями стекал пот. Приткин бросил на меня отчаянный взгляд. — Послушайте, если у вас в запасе есть что-нибудь еще,

помогите. Я могу лишь замедлить процесс, но не остановить.

Я вздохнула. Почему я подумала, что могу об этом пожалеть?

— Сейчас, одну минуту.

Я вновь вернулась к Билли-Джо. Может, он что-нибудь подскажет? Он подсказал, только мне эта идея не понравилась.

— Войти в тело черного мага я не могу, у него сильная защита. Но ты, когда становишься духом, сильнее меня, потому что живая. И если мы с тобой объединимся...

— Нет, ни за что! Я больше не стану ни в кого входить! А если я так и останусь в чужом теле? Придумай что-нибудь еще.

Очень мне нужно вновь оказаться в теле Луи Сезара! О черном маге я не говорю.

— Не думаю, что ты застрянешь. Он маг. Как только он почувствует, что ты у него внутри, он тебя вытолкнет. А нам только того и надо. Если сможешь отвлечь его хотя бы на пару минут, наши герои справятся с вампирами.

— Трое против двадцати? Ты оптимист.

— Просто тебе не хочется превращаться в духа.

— Чертовски верно подмечено.

— У тебя есть другое предложение?

Я сглотнула. Должен же быть какой-то иной способ! Сенат прислал за мной трех лучших воинов, значит, я ему зачем-то нужна. Поскольку ни о ком из них до сих ни слуху ни духу, непременно должно подойти подкрепление, вот только когда?

— Сколько осталось до рассвета? Может быть, попробуем задержать бандитов до восхода солнца? Потом они побегут прятаться. Я знаю, что Луи Сезар солнца не боится, Томас тоже. Во всяком случае, почти не боится.

Билли-Джо невесело рассмеялся.

— Ты считаешь, что наш маг продержится до рассвета?

Я взглянула на Приткина. Его глаза налились кровью и вылезли из орбит, по щекам текли кровавые слезы. Но я не могла ему помочь. За свою жизнь я повидала много магов и видела, как они творят заклинания, но сама знала всего одно волшебное слово, а у Билли-Джо давно вышел весь запас энергии. И все же, если я быстро что-нибудь не придумаю, моя месть Джимми будет оплачена тремя жизнями.

— О'кей, — судорожно сглотнув, сказала я. — Я готова, Билли.

Я не видела призрака, зато отлично чувствовала его эмоции, а он сомневался.

— Ты уверена? Просто я не хочу, чтобы потом ты терзала меня до конца моих дней, в смысле, если останешься духом навсегда. Я тебя знаю. Ты меня со свету сживешь.

— Ты же говорил, что этого не случится!

— Я сказал, возможно. Я такого еще никогда не делал.

— Но ты говорил, что ничего другого нам не остается. Так что...

Я не успела договорить — Билли-Джо врезался в меня так, как лайнбекер врезается в квотербека^[15]. Он заползал все глубже и глубже, пока мне не начало казаться, что я отдала бы все на свете, чтобы прекратилось это ужасное сдавливание, которое я не могла остановить. Меня словно намертво зажало между паровым катком и скалой. Когда я уже думала, что вот-вот умру, сжатие вдруг прекратилось, и мне показалось, что я парю в воздухе. Это чудесное ощущение длилось не более секунды — внезапно я врезалась во что-то, похожее на кирпичную стену. От невыносимой боли я поначалу решила, что переломала себе все кости, и только потом сообразила, что теперь я бесплотный дух. Рядом раздался

смех.

— О нет, маленькое привидение. Я уже говорил тебе. Теперь ты меня так просто не обманешь. Возвращайся назад, к своей хозяйке, или я отошлю тебя в такое место, где тебе очень не понравится.

Мне стало понятно, во что я врезалась; это была защита мага, которая оказалась прочнее, чем я думала. Я не могла последовать его совету, поскольку не знала, как вернуться назад, и, следовательно, мне оставалось одно — двигаться вперед. Пробраться через магическую защиту стало для меня вопросом жизни и смерти — в буквальном смысле.

Защититься можно всем, что ты в состоянии вообразить: камнем, металлом, водой, даже воздухом. Вопрос только в том, как ты умеешь пользоваться своей энергией. Эжени использовала в качестве защиты туман, что мне казалось причудой, а ей нравилось. Защита мага была прочной, но обычной: как и я, он вообразил стену, с той разницей, что его стена была деревянной, а моя — огненной. Когда я сконцентрировалась, то увидела крепость, окруженную стеной, сложенной из огромных деревьев вроде калифорнийских секвой, таких высоких, что их верхушки терялись где-то в облаках. На самом деле у них не было никаких «верхушек»; я поняла это, продвигаясь вдоль стены, — она везде была одинакова.

Вернувшись назад, в то место, где я «приземлилась», я увидела, что мой импринт врезался в огромные бревна с такой силой, что от них отлетели щепки. Видимо, поэтому маг понял, что я здесь; внезапно у меня появилась одна идея. Я не слышала, чтобы кто-то до меня проделывал такое, но все же стоило попробовать, ведь разве с кем-нибудь когда-нибудь происходило то, что произошло сегодня со мной? И я сконцентрировалась — на своей защите, а не на защите мага.

Обычно я ее не ощущаю. Это сложно объяснить — все равно, что объяснять, как нужно ходить: когда тебе девять месяцев от роду, это трудно, но взрослому ведь не нужно обдумывать, как добраться до противоположного угла комнаты. Внезапно передо мной возникла знакомая огненная завеса, и меня окутало приятное тепло. Я сосредоточилась; и вот из огня медленно выполз маленький язычок пламени, похожий на детскую ручонку, и потянулся к бревенчатой стене. Мгновенно вспыхнуло одно бревно, за ним второе, словно сухое дерево от удара молнии, и вскоре полыхала уже часть стены. Я услышала, как выругался маг, грозя ослепить меня и призывая на мою голову все силы ада. Я не обратила на него внимания. Мне нужно было одно — следить, чтобы не потухал огонь и чтобы он не охватывал новые участки стены. На всю стену у меня бы просто не хватило сил.

Наконец — мне показалось, что прошла целая неделя, — в стене появилась крошечная дырочка. Не дожидаясь, когда она расширится, я с трудом, в кровь обдирая бока, протиснулась сквозь нее. И вдруг дым и огонь пожара разом исчезли. Я стояла на знакомой автостоянке, в лицо дул прохладный ветерок. Вдалеке виднелись Томас, Приткин и Луи Сезар, а рядом с ними, глядя на меня широко раскрытыми глазами, стояло мое тело.

— Все в порядке! — крикнула я Билли-Джо. — Я прошла!

— Тогда прекрати свою чертову атаку! У Приткина сейчас будет удар!

Я смущенно оглянулась.

— А я ничего не делаю! — Вот уж что верно, то верно. Я-то думала, что если прорвусь сквозь защиту мага, то разом решу все проблемы. Однако к этому времени защита мага сжалась до такой степени, что едва прикрывала трех человек и в любую минуту могла исчезнуть совсем. — Что теперь?

Я увидела, как мое тело склонилось над Приткином и что-то прошептало. Он взглянул на меня, и я махнула ему рукой. У него расширились глаза. Затем он что-то сказал.

— Что? Не слышу!

— Браслет! — во всю силу легких завопил моим голосом Билли-Джо. — Он велел снять браслет!

Внезапно в мою сторону метнулась темная тень. Я почувствовала зловещую ауру — этого мне было достаточно. Каким-то образом сообразив, что происходит, ко мне ринулся еще один черный маг.

Я взглянула на свою руку; на левом запястье поблескивал серебряный браслет в виде сцепленных между собой кинжалов. Замочка я не нашла; по-видимому, браслет был вживлен в кожу. На лице мага отразилось отчаяние. Черт с ним, если я не могу стащить браслет, значит, придется вырывать его с мясом. Прицелившись, я вцепилась зубами в то место, где сходились два кинжала, и начала тянуть и рвать. Наконец, когда по руке ручьем хлынула кровь, я сорвала браслет.

Мне не нужно было спрашивать, правильно ли я поступила: как только Приткин с облегченным вздохом рухнул на колени, его приятели-вампиры начали действовать. Луи Сезар метнул нож в ближайшего ко мне вампира и наверняка снес бы ему голову, если бы нож не столкнулся со стальной секирой, которую тот держал в руках. Впрочем, это не спасло ему жизнь. Томас взмахнул рукой, и я наконец увидела, что произошло тогда, в кладовке. Вампир рухнул на колени, захрипел, в его груди забулькало, и оттуда буквально вылетело сердце, которое Томас подхватил на лету, словно бейсбольный мяч.

Второй черный рыцарь находился совсем недалеко от меня. Он поднял руку... и я потеряла способность двигаться. Не успела я по-настоящему испугаться, как из стоящего на стоянке фургона внезапно выскочили три спасенные мною колдуньи из казино и взяли рыцаря в кольцо. Я хотела крикнуть им: «Спасайтесь!» — но рыцарь вдруг зашатался и упал, а я почувствовала, что вновь могу двигаться.

Однако радость моя была недолгой. Внезапно ног коснулось что-то холодное, словно я ступила в ледяную воду. Моя защита зашипела и содрогнулась до самого основания. Если бы я могла сосредоточиться, то увидела бы, как вокруг меня забурлил какой-то поток. Умница маг — он умел создавать защиту не только из одного вещества, но вода загасила мое воображаемое огненное ограждение, и сразу вокруг моих ног обвили тонкие гибкие веточки, покрытые листьями. Отлично. Черный маг, по всей видимости, начал оправляться от первого удара; еще две минуты, и мне не поздоровится.

— Что с тобой? — спросил какой-то вампир, подбегая ко мне. Я узнала его: это был один из парней Тони — высокий, очень светлокожий блондин, которому, как я тогда считала, очень не помешал бы загар; внимательный взгляд парня как-то не вязался с его мертвенно-бледной кожей. — Ты говорил, что можешь его нейтрализовать! Он же нас сейчас в порошок сотрет!

Я взглянула туда, где шла отчаянная драка. Интересно, кто это — «он»? Все они на одно лицо.

Приткин, конечно, большой сукин сын, но и боец он отменный. Белый маг пустил в ход весь свой арсенал: оторвав автоматной очередью голову одному вампиру, он метнул ножи во второго, едва не срезав голову и ему. Должно быть, второй вампир был хозяином, поскольку не упал, а бросился бежать, но ножи догнали его и набросились, как стая смертельно опасных ос. Вампир вертелся и отбивался, истекая кровью, но ножи продолжали свое дело.

Ревя от ярости, вампир все же предпочел быть изрезанным на куски, чем сбежать, чего нельзя было сказать о двух его товарищах, преследуемых гранатами мага. Ну, если Приткин так сражается, будучи еле живым от усталости, то каков же он в бою, когда здоров и полон сил?

Впрочем, Томас от него не отставал: ударами ножа он уже успел свалить двух вампиров, причем так быстро, что я заметила лишь, как в свете фонарей сверкнула сталь. Рядом валялось еще несколько трупов с одинаковыми ранами — дыркой в груди. Тем временем Луи Сезар решил предпринять атаку своими силами. Пока Томас и Приткин сдерживали атакующих, он ринулся на целую группу вампиров, окруживших меня. Один из них, вероятно не знавший о репутации француза, бросился на него — и поплатился за это жизнью. Сверкнула острая рапира, и вампир повис на ней, а Луи Сезар даже не остановился. Он попытался проткнуть ножом черного мага, но нож отскочил, словно наткнулся на броню. Вы бы видели, что в это время вытворяли три колдуньи! Поверженный на землю маг дергал руками и ногами, как перевернутый на спину жук, и отчаянно пытался встать, а женщины, окружив его кольцом, что-то пели.

Увидев, на что способен француз, вампиры бросились врассыпную; я было обрадовалась, но затем произошло нечто странное — внезапно к моему горлу был приставлен окровавленный клинок рапиры. Выражение глаз Луи Сезара ясно говорило о том, что он понятия не имеет, кто стоит перед ним.

— Ваш круг совершил ошибку, бросив нам вызов, — спокойно сказал он, словно мы с ним болтали на вечеринке. — К счастью, мсье, мне не нужно оставлять вас в живых, чтобы вы могли сообщить о начале войны, достаточно просто где-нибудь бросить ваш труп.

— Луи Сезар, нет! — послышался крик за его спиной, и кто-то остановил руку, собравшуюся вонзить рапиру мне в горло. Похоже, Билли-Джо решил оправдать расходы на свое содержание.

— Мадемуазель, вам не стоит на это смотреть. Возвращайтесь к Томасу.

— Томас сейчас немного занят, — ответил Билли, — и я вовсе не Кэсси. Вот она, — сказал он и показал на меня. — Не знаю, что произойдет, если вы убьете тело, в котором сидит ее дух. Может быть, она вернется, а может быть, и нет.

Голос Луи Сезара смягчился.

— Вы бредите, мадемуазель. Очевидно, у вас сотрясение мозга. Подождите немного, и я выведу вас отсюда.

Я сглотнула; Луи Сезар так силен, что проткнет меня, даже если Билли-Джо будет висеть у него на руке. Черный маг, по-видимому, также ударился в панику, из-за чего наша битва умов разгорелась с новой силой. Ледяные волны начали бить меня по коленям.

— Билли! Как мне отсюда выбраться?

Рапира глубже вошла мне в кожу, и по шее потекли струйки крови. Раздался чей-то крик, но я не обратила на него внимания.

— Не знаю! — ответил Билли, повиснув на руке Луи Сезара. По моему лицу струился пот, — Я сам буду сидеть в твоём теле, пока ты не выберешься из тела мага. Твое тело понимает, что без души оно умрет, поэтому меня не отпускает. Я не могу тебе помочь.

— Черт тебя подери, и зачем я тебя послушалась?

— Ты думаешь, мне тут очень весело? Я не хочу навечно остаться в теле женщины! — Он немного помолчал. — Ну, в смысле, не так, как сейчас.

Луи Сезар начал терять терпение. Одним едва заметным движением, отчего рапира

слегка дернулась, он притянул к себе Билли.

— Если хотите, можете закрыть глаза, мадемуазель. Не хочу расстраивать вас еще больше.

— По-вашему, убить — значит расстроить? — выдавил из себя Билли, но француз его уже не слушал, очевидно, причислив к разряду истеричных дамочек. Ничего, если выберусь из этой передраги, покажу Луи Сезару, что такое настоящая истерика.

Внезапно меня осенило.

— Не убивайте меня! Я знаю, где Франсуаза!

Это было все, что я знала о жизни Луи Сезара; тем не менее мои слова возымели действие.

— Ты не спасешь себя глупой ложью, Джонатан. Я наизусть знаю все твои фокусы.

— А как насчет Каркассона? Как насчет камеры пыток? Я — то есть ты — видела, как твою женщину сожгли! Мы говорили о ней всего несколько часов назад!

— Довольно! Умри.

В последний момент Билли-Джо, дернувшись всем телом, ударил по клинку, и рапира, вместо того чтобы вонзиться мне в горло, вошла в плечо. Все равно было чертовски больно. Я заорала и отскочила в сторону, однако рапира оказалась такой длинной, что я продолжала болтаться на ее кончике, словно бабочка на булавке.

И все же помощь пришла — в виде маленького пузырька, оказавшегося у меня в руке. Очевидно, мистер Маг пришел к выводу, что у нас с ним одна и та же проблема. К этому времени ледяная вода доходила мне уже до пояса; не знаю, что случилось бы со мной, если бы она накрыла меня с головой. Все мое внимание было сосредоточено на Луи Сезаре — усилием мысли я швырнула ему склянку.

— Если попытаешься прочесть заклинание, я выпущу из тебя кишки, — предупредил он, не спуская глаз с подлетевшего к нему пузырька.

— Мне не нужны заклинания. Убей меня — и умрешь сам. И она тоже умрет.

Эти слова прозвучали у меня в мозгу, но принадлежали они не мне. Тем не менее Луи Сезар задумался.

Воспользовавшись этим моментом, маг возобновил боевые действия, и вода поднялась мне до самого горла.

— Билли! Он побеждает, что мне делать?

— Я думаю... может быть, пусть побеждает? — неуверенно предложил он.

— Что?

Что он ответил, я не слышала, поскольку над моей головой сомкнулась вода. Но вместо того, чтобы тонуть, я вновь куда-то полетела, после чего приземлилась так, как еще никогда в жизни: меня словно разорвали пополам, причем каждую половину тянули в свою сторону. Я завопила, но тут чья-то рука крепко схватила меня за талию. Кровь в голове пульсировала так, словно собиралась вырваться наружу; я заходила от дикой боли. Казалось, что все мигрени, которые я испытала за свою жизнь, слились воедино и обрушились на меня. Я мечтала о том, чтобы потерять сознание, однако этого не произошло. Я находилась в полном сознании, а мир в диком хороводе кружил вокруг меня, словно безумный карнавал. Наконец я повалилась на асфальт.

— Кэсси, Кэсси! — Передо мной появилось лицо Билли-Джо с широко распахнутыми глазами.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что Билли уже не в моей шкуре, а

вновь принял свой прежний вид — лихого ковбоя, гуляки и любителя женщин. Его мятая рубашка приобрела ярко-красный цвет, а карие глаза были ясными, словно он и не умирал более века тому назад. В тот момент мне даже почудилось, что я могу протянуть руку и потрогать его. Но затем я вспомнила, что эти метаморфозы произошли с Билли благодаря моей энергии. Вот гад. Он же меня чуть не убил! Будь у меня силы, я бы высказала ему все, что о нем думаю. Меня тошнило, я совершенно обессилела, желудок выворачивало наизнанку.

Но тут подошел Луи Сезар и поднял меня на руки так легко, словно я была тряпичной куклой. Я бросила взгляд по сторонам. Как это он поднял меня одной рукой? Разве в другой он не должен держать рапиру? И где черный маг или его труп? Автостоянка была пуста; остались только я, вампир-хозяин и одно довольно пьяное привидение. Стояла тишина.

Вскоре мы присоединились к Томасу и Приткину, причем меня несли на руках, потому что идти я не могла. Томас был занят тем, что накладывал чары на довольно большую группу людей, среди которых находилось и несколько полицейских, видимо, прибежавших на автостоянку на шум драки и выстрелов. А я и не знала, что Томас способен заколдовать сразу нескольких человек. Если подумать, на это вообще никто не способен. Я давно подозревала, что имею дело далеко не с рядовым вампиром. Рядовые вампиры валялись на земле вперемешку с мертвыми оборотнями, у которых была оторвана голова и вырвано сердце.

Приткин методично рассовывал по местам свои ножи и пистолеты, которые, выстроившись перед ним, чинно ждали своей очереди. Убирая в ножны окровавленные ножи, Приткин прищурился и взглянул на меня.

— Ты вошла в тело рыцаря Черного круга, — сказал он, словно я об этом не знала, — и заставила служить себе трех могущественных колдуний. Кто они такие?

Я оглянулась. Колдуний нигде не было видно; на земле лежал только поверженный черный рыцарь, его мертвенно-бледное лицо было повернуто к солнцу. Глаза его были открыты, но вряд ли он что-то видел. Колдуньи убили его, но как? В тот момент мне было все равно.

— Не знаю, — хрипло прокаркала я, ничего удивительного, если учесть, что пришлось пережить моим бедным голосовым связкам.

— Ты не человек.

Приткин произнес это спокойно, словно знал, что сейчас у меня появится еще одна голова.

— Извините, но я вас разочарую — я не демон, — сказала я.

Сколько раз за последнее время мне приходилось повторять эту фразу! Нехороший признак.

— Тогда кто же ты?

Билли-Джо, плавающий рядом, ухмыльнулся и поднял вверх большой палец.

— Мне нужно кое-куда слетать. Пока, увидимся.

Я вздохнула. Начинался рассвет — самое опасное время даже в Вегасе. Почему же я так уверена, что у Билли все получится?

— Я добрая ясновидящая, — устало ответила я, обращаясь к белому магу. — Позолотите ручку, мистер, и я предскажу ваше будущее. Только... — тут я широко зевнула, — вряд ли оно вам понравится.

После этого завернулась в теплое мягкое одеяло и мгновенно уснула.

Проснулась я оттого, что солнце щекотало меня своими маленькими пальчиками, дотянувшись до огромной королевской кровати, на которую меня уложили. Я зевнула и поморщилась. Во рту стоял отвратительный привкус, а глаза так слиплись, что мне пришлось раздирать их чуть ли не руками. Когда мне наконец удалось открыть глаза, я заморгала от удивления. Вампиры не живут в таких комнатах, разве что это были личные апартаменты Луи Сезара. Здесь все было желтого цвета — от оштукатуренных стен до стеганого одеяла и подушек. Море желтого цвета разбавляли лишь небольшой линялый коврик на полу да пара эстампов на индейскую тему; впрочем, и те были едва заметны.

Я села и сразу пожалела об этом. Желудок сводило судорогой, я чувствовала себя так, словно целую неделю болела гриппом, страшно хотелось почистить зубы. Когда комната перестала кружиться, я встала и, пошатываясь, сделала несколько шагов. Выглянув за дверь, я обнаружила две вещи: что вновь нахожусь в здании МОППМ и что у меня гости. Небольшой холл перед моей спальней соединялся с жилой комнатой, куда меня поместили до того, как я сбежала в заведение Данте. Увидев до боли знакомые лица, я мило улыбнулась и прошествовала в комнату, отделанную голубой плиткой. Кто-то — я надеялась, что Раф, — снял с меня мою рвань и завернул в махровый халат, который был мне на три размера велик и несколько сковывал движения. Однако я прошла в ванную, не запутавшись в нем, и захлопнула дверь перед носом у Томаса.

Прежде всего я проверила окно. На этот раз — никакой сердитой рожицы. Вместо Марли окно было запечатано такой сильной защитой, что, даже не концентрируясь, я увидела блестящую серебристую паутину, напрочь заблокировавшую выход. Это не считая вооруженной охраны у дверей ванной. Можно подумать, что они охраняют государственного преступника, а не измученную ясновидящую, которая к тому же чувствует себя как после хорошей попойки. Я задернула занавески. Нет, второй раз через окно мне не уйти.

Я мылась долго; никто меня не торопил. Список моих ран значительно удлинился, и, несмотря на шестичасовой сон, я чувствовала себя совершенно измотанной. Кроме того, я получила подарок. Кто-то намертво пристегнул на мою руку браслет черного мага, предварительно починив его, поскольку кинжалы были вновь прочно сцеплены друг с другом. Очень хорошо, именно этого мне сейчас и не хватало — еще одного дешевого украшения. Я попыталась снять браслет; никакого результата, а кусать свою руку я не собиралась. В тот раз я кусала ее зубами черного мага, теперь же речь шла о моих зубах.

С трудом выбравшись из ванны и чувствуя себя лет на сто, я взглянула в зеркало. Я не слишком тщеславна, но то, что я увидела, повергло меня в шок. Волосы потускнели и висели сосульками, мертвенно-бледное лицо, под глазами темные круги, как у футболиста-профессионала. Вот что значит слишком часто смотреть смерти в глаза.

Отвернувшись от зеркала, я поискала глазами одежду. Нашлись только сапоги — начищенные, они стояли за дверью. Решив, что с махровым халатом они не вяжутся, я оставила их там, где они стояли. За чистое нижнее белье я отдала бы полцарства, но белья я не нашла. В конце концов я решила, что лучше накинуть халат на голое тело, чем нацепить на себя рваные, окровавленные тряпки, некогда бывшие чудесным шелковым бельем. Хорошо, что халат такой большой — под ним ничего не видно. Правда, в нем я казалась

двенадцатилетней девочкой, но, может быть, это будет мне на руку, когда придется предстать перед Сенатом. В первый раз они отнеслись ко мне милостиво. Потом я сбежала и едва не угробила трех человек и себя.

Я сделала глубокий вдох и вошла в комнату.

Там находилось шестеро — включая голема, который стоял в углу. В комнате царил полумрак; жалюзи были опущены, горел тусклый электрический свет.

Луи Сезар, все в тех же облегающих джинсах, стоял, опершись о каминную полку. Томас сидел в красном кожаном кресле, стоящем возле камина. Он и Раф были в черных слаксах и шелковых рубашках, только у Томаса рубашка была черной, под цвет волос, а у Рафа — темно-малиновой. Раф сидел на диванчике рядом с Мирчей, как всегда спокойным и элегантным. Глядя на него, я даже подумала, что, наверное, заснула в ванне и что всего, что случилось у Данте, просто не было. Однако эта счастливая мечта была разбита, когда у двери я увидела Приткина в охотничьем костюме цвета хаки. Он пристально смотрел на меня, словно ожидая того момента, когда наконец-то сможет повесить мою голову рядом с остальными охотничьими трофеями, украсив ее надписью: «Проблема решена». О да, сейчас всем будет куда как весело. Увидев меня, Раф вскочил.

— Mia Stella! Тебе лучше? Мы так беспокоились! — воскликнул он и крепко меня обнял. — Мы с господином Мирчей ходили к Антонио, но тебя там не было. Если бы Луи Сезар и Томас тебя не нашли...

— Они меня нашли, Раф, так что все в порядке.

Он кивнул и хотел усадить меня на диван, но я заупрямилась. Сбежать я все равно не могла, просто мне не хотелось чувствовать себя связанной. Кроме того, мне хотелось быть поближе к тем, кому я могла доверять, — Рафу и Мирче. Усевшись на низенькую оттоманку у ног Томаса, я тщательно запахла халат.

— Прости, но твою одежду пришлось выбросить, — извиняющимся тоном сказал Раф. — Тебе дадут другую.

— О'кей.

Сейчас мне было не до одежды; я ждала, что скажет Сенат.

— Mia stella, — начал Раф и взглянул на Мирчу; тот лишь слегка приподнял бровь. Бедный Раф, вечно ему поручают самую неприятную работу. — Ты не могла бы сказать нам, кто такая Франсуаза?

Я удивленно уставилась на него. Вот уж этого я никак не ожидала!

— Что?

— Вы упомянули ее имя, — сказал Луи Сезар, опустившись на корточки возле меня. Я невольно отпрянула. Хотя он нес меня на руках и ничего не случилось, все равно — зачем искушать судьбу? — Тогда, в казино.

— А как же Тони? Разве вы не хотите поговорить о нем? Он поставляет рабов лесному народу.

— Мы знаем, — ответил Мирча. — Одна из колдуний, которых ты освободила, пришла в наш круг и рассказала, как ее похитили. Мне пришлось присутствовать, поскольку Тони находится у меня в подчинении. Маги... весьма озабочены этой проблемой, как ты понимаешь.

Я смутилась.

— Простите, если я чего-то не понимаю, но почему колдуньи? Разве не проще было бы похищать людей? Женщины, которых я освободила, были не самого низкого ранга, в чем

вскоре удостоверился один черный маг.

— В течение столетий, после того как начали вымирать целые семьи, эльфы придерживались этой стратегии. Разве ты не слышала рассказы о том, как они похищали детей? — спросил Мирча; я кивнула — обычные детские сказки. — Эти дети росли среди эльфов, потом женились или выходили замуж за детей вождей кланов, и все было бы ничего, если бы эльфы не стали замечать, что дети от смешанных союзов обладают гораздо меньшими магическими способностями, чем дети эльфов.

— И тогда они стали похищать колдуний.

— Да, но в тысяча шестьсот двадцать четвертом году между лесным народцем и Серебряным кругом было подписано соглашение, которое запрещало похищать кого бы то ни было.

— Которое теперь начисто забыто.

Мирча улыбнулся.

— Напротив. Светлые эльфы клянутся, что понятия не имеют об этих делах и что занимаются ими темные эльфы, — (Я нахмурилась. Судя по тому, что рассказал мне Билли, все как раз наоборот.) — Темные, разумеется, все отрицают. Но как бы то ни было, это не наше дело. Мы не станем ссориться с эльфами из-за простой алчности одного из нас, что мы и заявили их послу несколько часов назад. Антонио будет наказан, но на этом наша миссия заканчивается.

Меня это не удивило. Вампиры вообще мало интересуются другими существами и идут на переговоры только тогда, когда им самим что-то угрожает.

— Я видела только одну ведьму, — сказала я. — А что случилось с двумя другими?

— Должно быть, это были черные колдуньи, преследуемые кругом за совершенные преступления, — сказал Приткин, пристально глядя на меня. — Иначе они бы так быстро не скрылись. Наша колдунья мало что о них знала, поскольку те все время молчали. Но по ее словам, одна из колдуний тебя узнала и решила помочь в поединке с черным магом. А ты говоришь, что не знаешь их.

— Я их не знаю, — повторила я.

Я могла бы рассказать о Франсуазе; правда, мой рассказ получился бы странным и нелепым. Маги живут дольше, чем простые смертные, но даже если та женщина и была ведьмой, она давно должна была умереть от старости. Не говоря уже о том, как трудно запомнить лицо человека, жившего несколько столетий назад. И все-таки я ее узнала, а вот узнала ли она меня, это вопрос.

— И ты, разумеется, не знаешь некую пикси, которая помогала тебе освободить твоих слуг? Известная личность, между прочим.

Этот допрос уже начал действовать мне на нервы.

— Нет, не знаю. И они вовсе не мои слуги.

— Вы говорили, что видели, как сожгли Франсуазу. — Луи Сезара, по-видимому, занимал только один вопрос.

Я промолчала. Зачем стараться, если мне все равно никто не верит?

— Что случилось с черным магом? Вы его убили? — спросила я.

— Что я вам говорил? Она даже не пытается все отрицать! — сказал Приткин, расхаживая по комнате большими шагами.

Мне не нужно было смотреть на его лицо, чтобы понять, как он взволнован, поскольку моя новая игрушка ударила меня по руке электрическим разрядом. Я не вскрикнула, но

засунула руку глубже в карман халата, чтобы браслет не был виден. Что-то подсказывало мне, что Приткину он не понравится.

Томас поднялся со своего места и встал между нами, чему я была рада — по крайней мере, хоть какой-то барьер между мной и белым магом. Тони всегда говорил, что маги-воины очень опасны, потому что кровожадны и склонны к приступам слепой ярости. Понимая, что имею дело с наемным убийцей, состоящим на службе у могущественного вампира, я посерьезнела.

— Зачем мне все отрицать? Я вошла в его тело и тем спасла вам жизнь.

Конечно, я не ждала слов благодарности, мне было бы достаточно, чтобы он перестал смотреть на меня в упор.

— Я предпочел бы умереть, чем быть спасенным черной магией!

— В следующий раз мы будем иметь это в виду, — заметил Томас.

Я хихикнула. Нет, мне не хотелось никого раздражать, просто я умирала от голода и усталости и в тот момент мне и в самом деле было смешно. Однако Приткин был на этот счет другого мнения.

В дверь постучали.

— А вот и завтрак, — сказал Мирча и встал. — Давайте поедим, и страсти улягутся.

Молодой человек вкатил в комнату тележку, от которой исходил такой запах, что у меня потекли слюнки.

Через несколько минут я за обе щеки уплетала блины, сосиски, жареный картофель и фрукты. Завтрак был сервирован на изящном серебряном подносе, да к тому же на тончайшем китайском фарфоре с льняными салфетками, а чудесный кленовый сироп окончательно улучшил мое мнение о членах Сената. Я как раз наливала себе вторую чашку чая, когда Приткин скорчил гримасу отвращения. Сначала я не поняла, в чем дело; перед ним стоял точно такой же поднос, как и у меня.

— Тебя это ничуть не смущает? — резко спросил он. Только тут я заметила, что он не ест, а смотрит на меня с таким выражением, с каким я смотрела на крыс-оборотней. Я явно была ему противна. Поскольку рот у меня был занят, я только приподняла бровь. Приткин гневно махнул рукой.

— Посмотри вот сюда!

Нацепив на вилку сосиску, я оглянулась. Вампиры тоже ели, но отнюдь не блины. Есть твердую пищу они могут, что не раз демонстрировал Тони, но она не дает им сил. Жизненную энергию они получают другим способом, чем в данный момент и занимались. Очевидно, Луи Сезар был сыт, а может быть, верно рассказывали, что члены Сената столь могущественны, что едят всего один раз в неделю. Что же касается Рафа, Мирчи и Томаса, то они обедали — сатирами-оборотнями из заведения Данте.

Подобные сцены я видела не раз, пока жила у Тони. Пленники, захваченные живьем, отправлялись на съедение. Закон всех вампиров: любой ценой сохранять кровь, даже кровь оборотней. Кровь — величайшая ценность; кровь — это жизнь. Эту мантру я запомнила с детства — в отличие от Приткина.

Единственный, кто привлек мое внимание, был Томас, сосущий кровь из шеи молодого сатира, который показался мне странно знакомым. Я увидела карие глаза и темную шерсть на ляжках и между ног. Сатир был опутан толстыми серебряными цепями. Обычное дело, потому что у вампиров унижение составляет неотъемлемую часть наказания, однако мне показалось, что сейчас это излишне. Не знаю, что чувствовал юный сатир-оборотень —

обычно они недолюбливают серебро, кроме того, сатиры предпочитают ходить голыми, поскольку считают, что одежда — это способ прикрывать физические недостатки. У этого юноши недостатков не было, а его тело реагировало на вампира обычным манером. Очевидно, это происходило у него непроизвольно; его лицо было так искажено страхом, что я не сразу его узнала — моего знакомого официанта из заведения Данте.

Я заволновалась, но не из-за сатира. Пусть получит свою долю наказания; впредь будет знать, что не следует испытывать терпение Сената, который, как известно, третьего шанса не дает. Меня взволновал вид длинных клыков, торчавших изо рта Томаса, и то наслаждение, с которым он поглощал кровь, смакуя ее, как лучшее вино. До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что Томас — вампир.

Но, даже несмотря на отвращение, я не отвела взгляда. Выказывать эмоции, когда вершится наказание, — значит проявлять не только слабость, но и грубость, ведь наказание у вампиров всегда происходит публично и все обязаны на это смотреть. Я искоса взглянула на Мирчу. Он также получал удовольствие от пищи, однако в данную минуту Мирча волновал меня меньше, чем Томас.

— Я думала, ты не пьешь кровь обратной, — сказала я, стараясь говорить как можно равнодушнее. Как-то раз Мирча присутствовал при казни одного оборотня и отказался от чести первым отведать его крови. — Помнится, ты говорил, что она горькая.

— Со временем привыкаешь ко всему, — ответил Мирча, отпуская черного оборотня, которого держал на коленях; тот молча скатился на пол. — Кроме того, мне выбирать не приходится. Сегодня мне понадобится много сил.

Я налила себе еще чая и жадными глазами уставилась на поднос Приткина, затем, не выдержав, спросила:

— Вы будете есть?

Видимо, из-за Билли-Джо и его энергии я чувствовала себя невероятно голодной. Поскольку маг не ответил, продолжая с ужасом смотреть на сатиров, Мирча взял его поднос и передал мне, за что я была ему очень благодарна.

— У Антонио были потом неприятности с оборотнями, когда убили их вожака? — спросил Мирча, словно угадав мои мысли.

Я полила блинчики сиропом и добавила немного масла.

— Не думаю. Во всяком случае, я не слышала. Ты же знаешь, Тони не посвящал меня в свои дела.

Мирча насмешливо взглянул на меня.

— Как и меня, *dulceată. Bogăția strică pe om.*

— Ты же знаешь, Мирча, я не говорю по-румынски.

— Богатство и желания погубили многих.

Я покачала головой. Ради денег Тони ни за что не осмелился бы разгневать Сенат или круг.

— Тони жаждет власти. Деньги ему не нужны.

— Ты мудра не по годам. Тебя этому научили твои привидения?

Я едва не прыснула горячим чаем прямо на Томаса.

— Ха! Не совсем.

Единственное, чему меня научил Билли, это шулерским приемам да нескольким непристойным песенкам.

— Как ты можешь? — спросил Приткин, злобно глядя на меня. — Эта тварь только что

совершила убийство, а ты болтаешь с ней, как ни в чем не бывало! Ты способна поработать души мертвых? Значит, привидение и черные колдуньи — твои рабы? Поэтому тебя не смущает то, что сейчас происходит?

Спорить с магом мне не хотелось, но я была сыта, чувствовала себя намного лучше и потому решила, что ему не помешает кое-что узнать.

— Прежде всего, все оборотни живы — просто они без сознания. Во-вторых, я никогда и никого не «поработала», поскольку знаю, что это невозможно. И в-третьих, призраков оборотней не бывает. Как и вампиров. Не знаю почему.

— Потому, что их души пребывают в аду? — спросил Приткин, не обращая внимания на косые взгляды, которые бросали на него Мирча и Раф. Остальные не реагировали; Томас был занят едой, а Луи Сезар явно страдал от мигрени.

— Когда я увидел, как ты ведешь себя перед Сенатом, то подумал, что ты ищешь смерти. Теперь мне кажется, что я не ошибся.

— Ну, это мы еще посмотрим — найду я смерть или нет.

Я взглянула на Мирчу — тот с блаженным видом о чем-то задумался.

— Я думаю, найдешь, и скорее, чем думаешь, — начал заводиться Приткин.

Тут мне стало ясно, что нам с магом пора объясниться — пока у него не случилась истерика.

— Этот парень, которого вы так жалеете, всего несколько часов назад собирался перестрелять нас всех. Вампиры захватили его в плен, но убивать не собираются; во всяком случае, пока. На первый раз он получит предупреждение, а заодно и наглядный урок — чтобы помнил. Большинству второй урок уже не требуется.

Приткин с отвращением взглянул на меня.

— То есть вампиры — вовсе не монстры и не кровожадные твари? И произошло недоразумение, ты это хочешь сказать?

Мирча еле сдерживал смех. Мои губы также начали растягиваться в улыбку.

— Скажи, Мирча, ты кровожадная тварь?

— Очень кровожадная, *dulceatā*, — весело отозвался он.

И подмигнул мне, но тут ему притащили вторую жертву. На этот раз человека; наверное, кого-то из телохранителей Тони, из тех, кого нанимают ради мускулов, а не ради мозгов. В глазах парня горела нескрываемая ненависть, которую он, очевидно, выражал не только взглядом, но и словами, поскольку, помимо обычных пуг на руках и ногах, у него был заткнут рот. Приткин сжал зубы. Если уж он не может видеть наказания оборотней, то как отнесется к наказанию человека?

Возможно, оттого, что пленник явно не желал смириться со своей судьбой, Мирча, скользнув взглядом по его шее, уставился на торс. Парень был очень красив: темно-рыжие кудри, правильные черты лица, великолепное сложение. Однако внимание Мирчи привлек небольшой шрам под левым соском. Длинные тонкие пальцы вампира скользнули по шраму, словно он пытался что-то вспомнить — или, скорее всего, добавить к одному шраму второй, с другой стороны. Грудь — еще одно любимое место вампиров, откуда они любят сосать кровь; по-видимому, парень это знал, потому что сразу напрягся. Я видела, как над его верхней губой выступил пот и как нервно он сглотнул. Когда же пальцы вампира ласкающим движением сжали комок плоти, скрытый в густых волосах на груди пленника, тот не выдержал и рванулся назад, широко раскрыв глаза от ужаса. Однако все кончилось тем, что Мирча, кивком подозвав Рафа, велел уложить его обратно на диван. На этот раз Раф

навалился на него всем телом, сжав его талию, словно тисками, в то время как Мирча рассматривал распростертое на диване тело, словно читал меню. Парень вскинул на него глаза и вдруг с удивлением заметил меня; казалось, он никак не ожидал увидеть в комнате кого-то еще. Его лицо залилось краской; интересно, сколько он пробыл у Тони? Все, кто у него служил, понятия не имели о том, что значит краснеть от стыда. Но парень сразу забыл обо мне, когда тонкие пальцы вампира внезапно скользнули между его коленей; он не знал, что сопротивление вампиров лишь раззадоривает. Увидев, куда смотрит Мирча, я поняла, что сейчас произойдет.

Вампиры раздвинули ему ноги. Сейчас парень мучился не столько от страха, сколько от стыда, оттого, что лежит в унижительном виде перед незнакомцами, но, увидев сверкающие клыки Мирчи, мгновенно забыл обо всем и, отчаянно дернувшись, попытался скатиться с дивана, однако ему помешали крепко связанные руки и ноги. Мирча вернул его на диван, двигаясь плавно и медленно, словно нарочно демонстрируя, как сильны вампиры. Парень что-то замычал, силясь отпихнуть от себя хищника; теперь даже я видела, как пульсирует бедренная артерия на теле человека.

Когда же сопротивление начало понемногу стихать и парень окончательно выбился из сил, Мирча вонзил свои острые клыки в его шелковистую кожу. Послышался сдавленный крик, глаза парня закатились, а Мирча принялся сосать горячую кровь. Жертва вновь дернулась, но тут на помощь хозяину пришел Раф, который явно не хотел, чтобы что-то мешало обеду.

Приткин болезненно поморщился, когда Раф тоже присосался к бедренной артерии, но вмешиваться не стал. Вампиры имеют право сосать кровь до тех пор, пока это не угрожает жизни их жертвы. Увидев выражение глаз пленника, я подумала, что он, наверное, об этом не знает. Сцена, конечно, не из приятных, и все же мне очень не нравилось выражение гадливости на лице мага. Жертвой вампиров был наемный убийца, с которым они, надо сказать, обошлись еще не слишком жестоко.

— А скольких вы убили сегодня, Приткин? — не выдержала я. — Полдюжины? Или больше? Я не считала.

Маг оцетинился.

— Я убивал в целях самозащиты и чтобы защитить тебя от последствий твоей же собственной глупости! — И он гневно посмотрел на диван, откуда раздавались детские всхлипы несчастного пленника. Когда же тот, изогнувшись всем телом, снова попытался стряхнуть с себя вампиров, чтобы избавиться от жгучей боли в паху, руки мага сами собой сжались в кулаки, — Нелепость какая-то.

Я могла бы сказать ему, что все было бы куда более нелепо, если бы вместо парня наказывали меня, а это непременно случилось бы, если бы этот самый парень, желая получить награду, доставил меня Тони. Но я практик, а не фантазерка.

— Вампирам нужно есть. Вы что, хотите, чтобы они охотились по ночам, как в добрые старые времена?

— Все знают, что они нападают на незащищенных людей! Круг создан для того, чтобы их было кому защищать, а ты, которая считает себя человеком, сидишь и спокойно защищаешь вампиров! Ты омерзительна. Ты хуже вампиров!

Все ясно, Приткин жаждал скандала. Это было видно по тому, как он сжал зубы и расставил ноги. Ему хотелось кого-нибудь ударить, но он боялся и потому изливал гнев в словах. Жаль, что в тот момент я не была настроена на дипломатический лад.

— Я такой же человек, как и вы, Приткин, и я видела, как вы сражались сегодня. Пока в дело не вступили рыцари Черного круга, вы наслаждались возможностью убивать. И не надо молотить чепуху насчет самозащиты! Вы хищник, Приткин, такой же хищник, как те, среди которых я выросла.

Тут я замолчала, потому что пленник улучил момент, чтобы устроить нам небольшое шоу. Вампиры отпрянули и с интересом наблюдали, как по его телу прошла длинная судорога, словно по земле во время землетрясения. Через секунду он изогнулся дугой так, что касался дивана лишь ягодицами и связанными за спиной руками. Затем вновь забился в судорогах, откинул голову и хотел закрыть глаза, но Раф не дал ему это сделать, заставив смотреть на происходящее. Уставившись на Рафа широко раскрытыми глазами, пленник начал извергать сперму, которая потекла по его телу, а оттуда на гладкий деревянный пол.

Этому не видно было конца; тело никак не могло успокоиться, казалось, семяизвержение будет длиться до тех пор, пока не остановится сердце. Наконец парень без сил повалился на диван. Вампиры легонько его подтолкнули, и он тяжело скатился на пол между диваном и кофейным столиком. Ясно, что именно этого они и дожидались — сексуального эффекта, сопровождающего процесс высасывания крови; таким образом, пленника унизили трижды — страхом, болью и вот этим, словно вампиры заранее знали, что больше никогда с ним не встретятся. Увидев лицо парня и его дрожащее тело, я поняла, что так оно и будет.

Маг демонстративно отвернулся, а я чувствовала себя немного виноватой оттого, что не испытывала к парню жалости, но, увидев лицо Приткина, ощутила желание оправдаться.

— Вампиры больше не убивают людей, во всяком случае, если те не нападают первыми. Сенату это не нравится — слишком много шансов, что кто-нибудь увидит и начнет распускать слухи или что какой-нибудь вампир-новичок забудет убрать тело и начнется расследование. Охота на людей была запрещена в тысяча пятьсот восемьдесят третьем году, когда европейский Сенат подписал договор с вашим кругом. Даже Тони не убивает людей.

— Как приятно это слышать, — сказал Мирча, вытирая рот носовым платочком с собственной монограммой. На его костюме не было ни пятнышка — вот что значит практика. Он даже не стал втягивать в себя остатки крови; видимо, уже пресытился. Очевидно, парень продержался дольше, чем рассчитывал вампир.

— Мне известны законы вампиров, — сказал Приткин, с ухмылкой оглядывая комнату. — Но вампиров тысячи по всему миру. И большинство из них пьют кровь почти каждый день. Вот они, враги. Или вы сейчас скажете, что вампиры питаются кровью животных? Это ложь!

— Не надо делать поспешных выводов. — Я заметила, что слова мага не произвели на вампиров никакого впечатления. Может быть, они просто устали, а может, не считали нужным с ним связываться. Или просто знали, что он все равно им не поверит. Возможно, они были правы, и все же мне не хотелось, чтобы последнее слово осталось за магом. — Вампирам нужна кровь, поэтому со своими врагами они поступают так, как вы видели. Но при этом оставляют им жизнь, тем самым даруя второй шанс — в отличие от вашего круга, где, как я слышала, ослушников казнят. Только вампира могут казнить за то, что он защищался.

Приткин не ответил; он с жалостью смотрел на пленника, которому удалось доползти до двери, несмотря на связанные руки и ноги. От потери крови он сильно ослаб, поэтому дважды поскользнулся на полу. Извиваясь, пленник добрался до двери, но наткнулся на

замок. Попробовав открыть его ртом, он развернулся и попытался дотянуться до него связанными руками. Мне стало жаль парня, хотя именно он, возможно, едва не всадил мне пулю в голову. Трудно было поверить, что это жалкое существо с липкими бедрами, кровоточащими шей и пахом еще совсем недавно было хладнокровным дерзким убийцей. Хорошо, что он не смотрел никому в глаза.

Приткин гневно взглянул на меня.

— Так ты утверждаешь, что вампиры наказывают своих жестче, чем чужих? Ложь. Монстры не знают жалости!

Я пожала плечами.

— Можете мне не верить, но это так. Где вы видите здесь вампиров? Если бы они были пленниками, их давно проткнули бы колом.

Это если бы они ответили на все вопросы. Если же нет, у Джека был бы очень тяжелый день.

— Дело вовсе не в жалости, маг Приткин, уверяю вас, — сказал Раф, глядя, как пленник царапает дверь связанными руками, пытаясь ее открыть. — Просто мы не испытываем страха перед людьми.

Приткин что-то раздраженно буркнул, потом решительно зашагал к двери и резким рывком распахнул ее. Пленник вывалился в коридор, где его с удивлением подхватили слуги, чтобы затем прочитать длинную лекцию о правилах поведения. Думаю, что он в ней уже не нуждался.

— И как же они в таком случае питаются? Уж не хотите ли вы сказать, что вампир отпустит свою жертву, даже если его никто не видит?

Приткин явно не собирался отступить. Странно, он ведь прекрасно знал, что и как едят вампиры. Я не видела ни одного мага, который выразил бы удивление, наблюдая, как питается Тони. Это ни для кого не секрет, в том числе и для магов. А Приткин выглядит явно расстроенным. Интересно, чему учат магов-воинов? И кто их там учит?

— Может, покажешь ему? — спросила я, обращаясь к Мирче.

Тот рассмеялся.

— Я бы с удовольствием, *dulceatā*, но я не могу за себя ручаться. Слишком велик соблазн избавить нас от его общества, к тому же консул предупреждала, чтобы ни один волосок не упал с его головы. — Он взглянул на Приткина. — Увы, до сих пор он вел себя безукоризненно.

— Я имела в виду себя.

— Нет. — Это произнес Томас, и я подпрыгнула от удивления. До этого он сидел так тихо, что я забыла о его присутствии. — Ее нельзя подвергать опасности.

— Я думаю, Томас, что это как раз и собирается продемонстрировать наша Кассандра, — заметил Мирча. — Если все сделать как следует, это будет совершенно безопасно. — Он взглянул на меня. — Наверное, тебя часто использовали в качестве донора? Ты знаешь, как это делается?

Я кивнула.

— Ага, не считая одного привидения, которое иногда получало от меня еще и энергию.

Дело в том, что я знала, что отдавать Билли-Джо свою энергию и отдавать вампирам кровь — это примерно одно и то же, только призрак получал жизненную энергию непосредственно из меня, а вампиры — вместе с кровью. Билли в крови не нуждался, поскольку его тело давно покоилось на дне Миссисипи. Он не мог переваривать даже

жидкости.

Мирча приблизился ко мне. Его движения были исполнены такого изящества и грации, что остальные вампиры показались мне неуклюжими тьюфяками. Мирча — вампир старой школы; я знала, что он не сделает мне больно, к тому же он был сыт. Вот кого бы мне хотелось придушить, так это Билли-Джо, если бы этот трус не смылся куда-то. Обычно, отдавая Билли энергию, я быстро восстанавливала силы с помощью пищи и отдыха, а он знал, где предел, за который нельзя переступать; правда, сегодня он перешел все границы.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Приткин, выступая вперед, но Томас загородил ему дорогу.

— Пусти его, Томас, пусть сам все увидит, — сказал Мирча, задумчиво глядя на меня сверху вниз. — Я укушу только один раз. Кассандра уже устала, а нам нужно многое обсудить. Я не хочу, чтобы она уснула. — Он взял меня за подбородок. Его рука была теплой. У старых вампиров температура тела не меняется независимо от того, сыты они или нет. — Тебе не будет больно, — пообещал он.

Я всегда любила Мирчу. Конечно, определенную роль здесь играли его темно-карие глаза и изящная фигура, и все же его внешность имела для меня меньшее значение, чем его честность. Ни разу в жизни я не уличила его во лжи. Да, он умел лгать, когда ему это было нужно — без этого в мире вампиров не проживешь, — но со мной он всегда был предельно честен. Возможно, кому-то это может показаться мелочью, но в системе, где царит обман и двуличие, искренность бесценна.

— Я знаю, — с улыбкой сказала я.

Подойти ко мне Приткин не мог, зато мог кричать.

— Это безумие! Ты позволишь им пить твою кровь? По собственной воле? Ты погибнешь!

За меня ответил Мирча, глядя на меня своими темными глазами. Они были не совсем карими, в них сливалось множество оттенков: и капучино, и корицы, и золота, и даже несколько зеленых крапинок. Эти глаза были прекрасны.

— Если бы мы пили кровь людей, маг Приткин, то как, по-вашему, мы бы избежали появления тысяч и даже миллионов новых вампиров? Ведь для этого достаточно всего трех укусов вампира седьмого уровня или выше. Неужели вы не понимаете, что мы не можем этого допустить? Ни случайно, ни намеренно? В противном случае нас перестали бы считать вымыслом и начали истреблять.

Он замолчал, но ему можно было и не продолжать. Невозможно было поверить, что Приткин не знает о судьбе Дракулы, о том, что и Мирча едва не погиб. Раду, его младший брат, оказался менее везучим. В Париже толпа схватила его на улице и передала в руки инквизиции. Его пытали в течение столетия до тех пор, пока Мирча не разыскал его и не освободил. Но к тому времени Раду уже лишился рассудка. С тех пор его держат под замком.

— Были времена, когда шла постоянная война, — продолжал Мирча, словно угадав мои мысли, — между нами и людьми, между кланами вампиров, между нами и магами и так далее. До тех пор, пока не появился Сенат и не сказал: «Довольно, или вы уничтожите друг друга». Никто из вампиров не хочет возвращаться в те времена, особенно когда речь идет о конфликтах с людьми. Даже если бы мы победили и заполонили всю планету, кто бы нас кормил? — Мирча взглянул на Приткина. — Нам не нужны миллионы вампиров, одичавших, обезумевших, не способных управлять даже собой. Мы пьем кровь, чтобы свершить казнь или хорошенько проучить, как сегодня. Но для обычного питания, — тут он взглянул на

меня, — мы предпочитаем мягкий способ.

Он улыбнулся, и эта улыбка показалась мне солнцем, выглянувшим из-за туч. У меня перехватило дыхание.

— Что вы собираетесь с ней сделать? — спросил Приткин, выглядывая из-за плеча Томаса. — Ничего не понимаю. — В его голосе слышалось разочарование.

Томас подошел к Мирче и отвел его руку от моего лица.

— Оставь ее, — сказал он.

Мирча слегка удивился.

— Она сама мне это предложила, Томас, ты же слышал. В чем дело? Я обещал, что буду нежен.

Томас сверкнул глазами и сжал челюсти. Глаза Мирчи блеснули.

— Прости, я не понял. Неужели тебе жалко всего одного, совсем маленького укуса? — Он нежно погладил меня по щеке, не сводя глаз с Томаса. — Скажи, она в самом деле такая сладкая, как кажется?

Не сводя с Мирчи пристального взгляда, Томас резко отбросил его руку.

Я ждала одного — чтобы все это скорее кончилось; мне требовалось поговорить с магом, но сейчас это было невозможно — все его внимание занимали вампиры.

— Ну так что же? — немного подождав, спросила я.

— Если тебе этого так хочется, я сам тебя укушу, — сказал Томас и наклонился ко мне.

Я отодвинулась.

— Еще чего! С тобой мы не договаривались.

Конечно, я была Томасу многим обязана, но не отдавать же ему свою кровь!

Мирча от души рассмеялся.

— Томас! Неужели ты ей ничего не сказал?

— Что не сказал? — хмуро спросила я.

В глазах Томаса мелькнула боль.

— То, что в течение нескольких месяцев он пил твою кровь, *dulceatā*, и, как бывает в подобных случаях, стал... как бы получше выразиться... собственником.

Я в ужасе взглянула на Томаса.

— Скажи, что это неправда.

Он мог и не отвечать — ответ был написан на его лице. Все завертелось у меня перед глазами. В сообществе вампиров питание подчинено строгим правилам. Нельзя регулярно пить кровь одного и того же смертного, поскольку это развивает у вампира собственнические инстинкты и ведет к возникновению проблем, связанных с ревностью. Но пить кровь без разрешения, забирая ее у ничего не подозревающего человека, — это уже серьезное преступление. И не только потому, что вызывает побочные эффекты в виде сексуальных проявлений, но и является грубейшим нарушением законов вампиров. Томас нарушил множество законов, не говоря уже о том, что вновь меня предал. Выходит, все, что произошло между нами, с его стороны было всего лишь игрой. Я могла простить ему обман, но это — никогда. Я никак не могла поверить, но, глядя на него, поняла, что это правда. Томас облизнул губы.

— Это было не очень часто, Кэсси. Мне нужно было постоянно знать, где ты находишься, а укус позволял мне устанавливать с тобой связь. Благодаря этому ты была в безопасности.

— Какое благородство, — процедила я, чувствуя себя так, словно меня ударили.

Мирча положил мне на плечо руку, и я медленно встала. Его лицо было серьезно, словно он понял, какую мне причинил боль.

— Ты имеешь полное право сердиться на Томаса, dulceată, но сейчас не до этого, поверь. Я сам виноват; не нужно было его дразнить. Прошу, забудь об этом, иначе мы будем препираться весь день.

— Я не собираюсь ни с кем препираться, — сказала я, борясь с отчаянным желанием швырнуть в Томаса чем-нибудь тяжелым. Однако это ничего бы мне не дало, а главное, я не получила бы никакой информации, которая была мне нужна как никогда, нужна даже больше, чем месть. — Ладно, проехали. Велите ему отойти от меня подальше.

— Вот и хорошо. Томас, ты не возражаешь?

Томас хотел что-то сказать, но передумал и отошел от меня на пару шагов. И остановился, упрямо глядя на Мирчу. Конечно, я могла бы заставить его отойти подальше, но тогда он заявил бы, что обязан следить за Приткином. И я промолчала.

Мирча вздохнул и ласково взял меня за подбородок. Затем его пальцы скользнули вниз, к шее, и я почувствовала призывный зов его энергии. Его ласка была нежной и едва ощутимой, но я вздрогнула всем телом, когда по нему прокатилась теплая волна наслаждения, сразу унявшая боль, которую причинил мне Томас. Кожу начало покалывать, и между мной и Мирчей всплыла искрящаяся, восхитительная энергия. Внезапно я поняла, чью защиту взломал Билли-Джо, чью энергию использовал, чтобы участвовать в драке возле казино. Я узнала это чудесное ощущение, так похожее на то, которое появляется после бокала ледяного шампанского, когда начинает кружиться голова, узнала эту дивную смесь желаний, веселья и тепла, захватившую меня целиком. Я знала, что вампир сломал мою защиту, которую сам же и установил, однако в тот момент, купаясь в изумительных ощущениях, я не могла на него сердиться. Это было просто невозможно. Они обрушились на меня, как солнечный свет, и я засмеялась от счастья.

Мирча приступил к делу, когда наши ауры смешались, затем замер. Я же ничего не замечала, потому что замирала от счастья, купаясь в золотистом свете. Мне казалось, что его тонкие пальцы нежно касаются не только моей шеи, что на мне больше нет халата, и теплые руки Мирчи скользят по моему телу. Я хотела сглотнуть, но во рту пересохло, а пульс бешено стучал где-то в самых интимных местах. Внезапно я вспомнила один вечер, когда мы с Мирчей сидели рядышком на диване в кабинете Тони, и он, поглаживая меня по голове, рассказывал сказку. В тот вечер я не отходила от Мирчи ни на шаг, при каждом удобном случае забираясь к нему на колени, но такого ощущения не испытывала. Конечно, тогда мне было всего одиннадцать. Теперь все изменилось.

У Мирчи было какое-то странное, смущенное выражение, словно он видел меня впервые. Пристально взглянув мне в лицо, он взял мою руку и склонился над ней. Я почувствовала легкое прикосновение губ, после чего Мирча отступил на шаг. Хотя это продолжалось не более десяти секунд, у меня сбилось дыхание, я залилась краской и почувствовала сильнейшую обиду, словно у меня отняли самое дорогое, что было в жизни. Я хотела протянуть к нему руки, но вовремя остановилась и так и осталась сидеть, с бьющимся сердцем, не сводя с Мирчи глаз.

Я и забыла, что процесс получения жизненной энергии у вампиров проходит гораздо интимнее, чем у привидений вроде Билли. Странно, что раньше я никогда об этом не задумывалась. Мирча обладал сильнейшей харизмой, которой, кстати, славился весь его род; обладал мощным запасом энергии, позволившим ему получить место в Сенате, и, наконец,

он был просто красив. Я никогда не встречала Дракулу, который умер за много лет до моего рождения, или злосчастного Раду, но, глядя на Мирчу, поняла, почему о нем рассказывают легенды. Встретившись с ним один раз, забыть его уже невозможно.

Я взглянула на Томаса; он с усмешкой смотрел на меня. Что произошло между нами? Этого я уже не помнила. Я посмотрела на себя в зеркало: блуждающий взгляд, порозовевшее лицо, полуоткрытые губы. словно я только что занималась любовью — что, между прочим, было недалеко от истины. Я тряхнула головой, чтобы стереть с лица выражение полнейшего блаженства.

Приткин, как обычно, стоял с унылым видом, словно увиденное доставило ему боль, а не удовольствие.

— Я не верю, что он пил твою кровь. Я не видел никакой крови. У тебя даже кожа не расцарапана.

— Ничего подобного, — возразил Мирча, нервно поправляя воротник — Я пил кровь, только очень осторожно.

Взглянув на Томаса, он хотел что-то сказать, но передумал и, оскалившись, повернулся к Приткину.

— Если хотите, вам все покажет Рафаэль.

Не успела я и глазом моргнуть, как Раф подошел к магу и взял его за руку. Браслет на моей руке дернулся — от мага начали исходить волны энергии.

— Не бойтесь, я не сделаю вам больно, — презрительно сказал Раф. — Все будет точно так же, как у Кэсси. Неужели вы трусливее, чем она?

Приткин его не слушал. Судя по выражению его лица, нам всем следовало немедленно разбежаться, но Раф не испугался. А как же иначе, если он получил приказ хозяина?

— Отойди от меня, вампир, или, клянусь кругом, ты об этом пожалеешь!

Внезапно меня окружили все стихии, какие способно вызвать колдовство. Стеной встали земля и вода, я начала одновременно тонуть и погружаться под землю. Браслет задергался, как зверек, пойманный в капкан. Я хватала ртом воздух, но не могла вздохнуть, рвала ворот халата, но продолжала задыхаться — меня душило нечто нематериальное. Легкие перестали работать, словно забыли, как это делается. Я медленно опустилась на стул, в глазах потемнело. Помню, как успела подумать, что в комнате, полной вампиров, мне суждено умереть от руки человека.

Теплая рука, скользя за ворот, слегка сжала мне шею; что-то кольнуло меня. Удушье исчезло; воздух был густым и тяжелым, но я, по крайней мере, перестала задыхаться.

— Отпусти его, Рафаэль, — резко скомандовал Мирча, и я, вскинув глаза, поняла, что это его рука проникла сквозь защиту мага и спасла меня от удушья.

Раф выполнил приказ и вытер руку о штаны, словно испачкался в какой-то гадости. Маг изо всех сил пытался восстановить свою энергию, но она медленно таяла, как успокаиваются волны, когда стихает ветер.

Мирча кивнул Рафу, тот выглянул за дверь и позвал слуг. Через несколько секунд в комнату втащили еще одного сатира-оборотня. Это был молодой светловолосый самец, который, как и его собратья, выглядел совсем незлобиво. Покрытый светло-коричневым мехом, со светлыми глазами, ростом он был не менее шести футов и хорошо сложен, как все молодые сатиры. Нужно сказать, что внешность для них — дело чести, и если сатир от природы не слишком красив, он работает над собой до тех пор, пока не приведет свое тело в надлежащий вид. Страшнее невзрачной внешности для них только импотенция. Пленный сатир был весьма жалок, но, заметив меня, встрепенулся и, что называется, сделал стойку. Я простила его; сатиры — они и есть сатиры.

— Смотри и учись, маг.

С этими словами Рафаэль вынул нож и провел им по груди оборотня, сделав тонкий и длинный надрез. Тот не издал ни звука, что меня совсем не удивило. Сатиры не отличаются особой храбростью, однако ни за что на свете не станут выказывать слабость в присутствии полуодетой самки.

Раф поднес руку к груди сатира, держа ее примерно на расстоянии фута; и тут все увидели, как капли крови устремились к его ладони, словно притягиваемые невидимыми нитями. И, едва прикоснувшись к ладони, бесследно исчезали.

— Мы можем пить кровь, обходясь без надрезов и ран, — тихо сказал Мирча. — В любое время, у кого угодно, везде. Нам достаточно легкого прикосновения в метро, одного рукопожатия... — тут он бросил взгляд на меня, — или других, более приятных вещей; все сгодится.

Я посмотрела в темные глаза Мирчи, и на секунду у меня вновь сбилось дыхание, только на этот раз я боролась с собственным телом, а не с чьей-то энергией. Никто не умел смотреть на меня так, как Мирча, он словно знал все мои самые сокровенные желания и мечты. Рука, державшая меня за шею, внезапно начала испускать энергию страсти, а не умиротворения. Лицо Мирчи изменилось, и, прежде чем мой разум осмелился назвать его новое выражение чувственным, мое тело уже отозвалось. Чтобы не вскочить и не броситься в его объятия, я крепко ухватилась руками за стул. Черт, вот уж этого я никак не ожидала.

Мирча отступил на шаг, и теплая волна страсти, захлестнувшая меня, начала понемногу слабеть, однако желание осталось. Даже мысль о том, что Мирча, не задумываясь, убил бы меня, если бы получил приказ Сената, меня не беспокоила; я думала о другом: все, что я сейчас испытываю, плод моего воображения или он и в самом деле хочет внушить мне страсть? Я вспомнила первую ночь с Томасом и то, как он хотел меня соблазнить. Смешно подумать, что девчонка, завернутая в полотенце с нелепыми рисунками из мультфильмов, могла

пробудить желание. Неужели и Томас выполнял приказ Сената? А Мирча? Тоже выполняет чей-то приказ?

Я знала, что Томасу не нужно прикасаться ко мне, чтобы пить кровь. Мирча этого не сказал, но для вампира-хозяина вовсе не обязателен тактильный контакт. Пить кровь они могут, даже находясь на другом конце комнаты, вытягивая жизнь мельчайшими порциями, микроскопическими частичками, невидимыми для человека. И если вампир столь же искусен, как Мирча, то на коже не остается ни единой царапины, даже синяка. Правда, взглянув на Приткина, который стоял с выпученными глазами и выражением крайней паники, я поняла, что объяснять ему это сейчас бесполезно. У мага был вид человека, который проснулся и увидел, что со всех сторон окружен чудищами.

Мне хотелось его успокоить, да разве он стал бы меня слушать? Большинство вампиров отказались бы пить его кровь вообще, потому как у них вряд ли что получилось бы — слишком сильна была его защита, установленная на случай любой угрозы. Другое дело простой смертный — тот не почувствовал бы ничего, кроме, может быть, легкой сонливости. Обескровленные трупы вампиры оставляют только в кино или когда преследуют определенную цель. Во всяком случае, Тони поступал именно так.

Луи Сезар, по-видимому, решил, что на сегодня Мирча получил достаточно развлечений.

— Если вы так интересуетесь нашими обычаями, маг Приткин, могу порекомендовать несколько прекрасных трактатов. Правда, сейчас для этого не совсем подходящее время, — сказал он и взглянул на своего коллегу. — Уже вечер, а впереди у нас бурная ночь. Может быть, займемся делом?

Мирча кивнул и изящно развалился на диване, скинув пиджак и швырнув его на кофейный столик. Затем ослабил ворот рубашки, словно ему стало слишком жарко. Его рубашка из тончайшего китайского шелка застегивалась с помощью маленьких палочек, а не пуговиц. Нежный материал поблескивал и струился; хотелось потрогать его руками, чтобы убедиться, так ли он мягок, как кажется. Черный костюм Мирчи был самого простого покроя, но над ним поработала чья-то искусная рука — он был словно простая рама, обрамляющая чудесную картину; вы смотрели и видели не отдельные детали, а все сразу, при этом эффект был поистине потрясающий. Я передернула плечами и поправила свой толстый халат. Мирча прав — в комнате слишком жарко.

Кожа Приткина приобрела оттенок старого гриба. Наверное, что-то начало до него доходить. Маг обернулся к Мирче.

— Значит, таким способом вы можете плодить новых вампиров? И сколько вы уже наплодили?

Я закусила губу. Приткин, конечно же, присутствовал на ланче, где был и Вампир 101. Странно, что Серебряный круг прислал на переговоры с Сенатом столь забывчивого и невнимательного мага. Из рассказов Тони я поняла, что маги-воины делятся на группы, каждая из которых занимается своим видом существ — вампирами, оборотнями, демонами, лесным народцем, а также волшебными тварями вроде драконов. Интересно, на какой группе специализируется Приткин?

Луи Сезар нахмурился — по-видимому, он подумал о том же. Мирча театральным жестом протянул ко мне руку.

— Подойди ко мне, Кассандра, — произнес он громовым голосом. — Я приказываю тебе!

При этом его акцент зазвучал сильнее; теперь Мирча говорил совсем как Бела Лугоши^[16]. Я невольно улыбнулась. У Мирчи несколько своеобразное чувство юмора, но обстановку он все же разрядил.

Я глубже вжалась в мягкое кресло.

— Спасибо за приглашение, но мне и здесь хорошо.

Конечно, диванчик, на котором сидел Мирча, выглядел гораздо удобнее, но я решила остаться там, где сидела. Дело в том, что я знаю, каковы бывают последствия контакта с вампиром и что Мирча уговорит и святого, а мне не нужны были осложнения, особенно с сенатором. Может быть, Мирча искренне ко мне расположен, и все же он сделает то, что прикажет ему консул. Так поступают все вампиры без исключения.

— Видите, друг мой? — насмешливо обратился Мирча к Приткину. — Никакого впечатления. Очевидно, мой призыв не столь силен, как я думал.

— Только укус позволяет нам получить власть над жертвой, — коротко бросил Томас и взглянул на меня. Его глаза были черны как ночь.

Я промолчала. Дело в том, что если бы Мирча меня и укусил, это ничего бы не изменило. Вампиры действительно способны подчинять себе смертных с помощью укусов, обычно довольно и одного, двух — тем более, а после трех он превращается в вампира-раба. Тони, чтобы добиться от меня покорности, кусал меня дважды: один раз, когда я была ребенком, и второй — когда, будучи уже подростком, я в очередной раз сбежала из дома. Однако, бьюсь об заклад, если бы он попытался заставить меня вернуться, у него ничего бы не получилось.

Я считаю, что это объясняется моими частыми контактами с привидениями. Билли-Джо всегда находился рядом со мной, потому что я никогда не снимала ожерелья. А вампиры не могут общаться с призраками, поскольку просто их не видят. Поэтому Билли и служит у меня разведчиком — если повезет, он может подслушивать разговоры вампиров, оставаясь для них невидимым. Возможно, это, а возможно, и какие-то врожденные способности сделали меня невосприимчивой к зову вампиров. Странно, ведь обычно этим отличаются лишь самые могущественные колдуны и маги. А впрочем, в жизни со мной случалось и не такое.

Увидев, с каким вождением смотрит на меня Мирча, я улыбнулась.

— Может быть, сам пересядешь ко мне?

И сразу пожалела о своих словах. Рядом с ним я забуду обо всем на свете, а мне нужна ясная голова. Но я напрасно волновалась. После секундного замешательства Мирча улыбнулся и покачал головой.

— Ты прелестна, *dulceatā*, но я останусь здесь. — И, взглянув на Томаса, добавил: — Вернемся к этому вопросу позже.

Луи Сезар встал передо мной, а Томас отвел Приткина на его прежнее место у двери. Француз выглядел несколько напряженным, что означало — насколько я его знала — крайнюю степень волнения.

— Мадемуазель, минуточку внимания, будьте любезны. Я знаю, у вас был трудный день, и вы устали, но прошу вас, попытайтесь сосредоточиться. — (Я хотела сказать, что до сих пор не я была причиной спора, но промолчала.) — Вам знакомо имя Франсуаза?

Я насторожилась. Итак, мы вернулись туда, откуда начали.

— Да.

— Пожалуйста, объясните, почему вы считали, что это имя сможет меня остановить?

Я взглянула на Томаса; тот коротко кивнул.

— Я рассказал им то, что знаю, однако многого я и сам не понял. Я знаю только, что...

— Ни слова больше! — резко оборвал его Луи Сезар. — Не смейте оказывать на нее давление! — Он обернулся ко мне; его синие глаза приобрели стальной оттенок, как грозовые тучи над океаном. — Прошу вас, мадемуазель.

— Хорошо, но сначала я задам вам пару вопросов, о'кей?

Луи Сезар кивнул, и тогда я рассказала все: и как оказалась в замке, и что там видела.

— Они сожгли ее заживо, а я... мы... ничего не смогли сделать. Мы просто стояли и смотрели. Потом я вернулась в наше время, и вы сказали что-то вроде того, что не стоило мне этого видеть, и назвали ту женщину Франсуазой. Помните?

Луи Сезар слегка позеленел.

— Нет, мадемуазель, я не помню ничего подобного. И Мирча не помнит, и Рафаэль. Когда я промывал вам рану, вы потеряли сознание, а когда очнулись, не понимали, где находитесь. Мы решили, что это у вас от усталости и перенапряжения. Вы ни разу не упомянули женщину по имени Франсуаза. Однажды я был в подземельях Каркассона, это верно, но, насколько я знаю, в ту ночь там никого не убивали. — Он на секунду закрыл глаза. — Там и без того было жутко.

— Мне это не приснилось! — смутившись, сказала я, — Вы говорите, что никогда не слышали этого имени?

— Слышал один раз, — ответил Луи Сезар; его голос звучал спокойно, но в глазах полыхало пламя. — Так звали молодую цыганку, дочь одного из стражников замка. Она работала служанкой, чтобы скопить денег на свадьбу с каким-то молодым человеком.

— И что с ней случилось?

Луи Сезар сник.

— Не знаю. Кажется, ее отец решил, что мы с ней слишком... подружились, и отослал ее подальше от замка. В то время я слыл ветреником, а Франсуаза часто убирала мои комнаты. Но между нами ничего не было! Я никогда не затаскивал женщину в постель, если она того не хотела. К тому же служанка не смогла бы мне отказать, если бы я... предпринял определенные действия. Но Франсуазу я не трогал!

— В таком случае почему ее хотели убить?

Луи Сезар обессиленно опустил на краешек дивана.

— Потому что я любил ее. Я подарил ей ожерелье — так, безделицу, — потому что у нее не было никаких драгоценностей, а такая красавица, как она, должна была их иметь. И два раза я давал ей деньги — опять же весьма незначительную сумму, поскольку в то время и сам был не слишком богат. Я просто хотел помочь ей со свадьбой и хоть как-то отплатить за доброту. Должно быть, кто-то об этом узнал, а может быть, увидел ожерелье и обо всем догадался...

Последние слова Луи Сезар произнес совсем тихо, словно разговаривал сам с собой.

— Не понимаю, зачем кому-то убивать цыганку только потому, что она вам нравилась. Кто же мог вас так ненавидеть?

Он опустил голову, и волосы упали ему на лицо.

— Мой брат. Он годами измывался надо мной, чтобы сломить мою волю.

— Ты не могла бы подробнее описать то видение, Кэсси? — сказал Мирча, серьезно глядя мне в лицо. — Нам важна каждая деталь.

— Не уверена, что смогу, — ответила я. Мне тогда было не до наблюдений. — Помню, что палач произнес какое-то странное имя... сейчас, дайте вспомнить. А, вот — мсье Ле Тур, как-то так.

Луи Сезар дернулся как от удара.

— Это важно? — спросил его Мирча.

— Нет, — покачав головой, ответил Луи Сезар. — Просто... я не слышал его уже много лет. Когда-то так называли меня. В переводе это звучит как «человек из башни»; я тогда был узником. Потом это имя переводилось по-другому; у него вообще было множество значений, — тихо добавил он.

Я взглянула на Мирчу. Он был серьезен и мрачен.

— Расскажи о втором видении, *dulceatā*.

Я кивнула, стараясь не думать о том, насколько же умны и проницательны мои маленькие карты Таро. Вслух я решила ничего не говорить. Луи Сезар сказал, что упоминание этого имени несущественно, и я не хотела разубеждать их.

— Хорошо, но я и в нем мало что поняла. Обычно я вижу то, что уже произошло или должно произойти, но вижу так, словно мне это показывают по телевизору. Я просто смотрю — и все.

— А в тот раз?

Я заерзала в кресле. Если я сама чего-то не понимаю, как я могу это объяснить?

— В тот раз все было... по-другому. Не знаю почему. Может, потому что я была в чужом теле. Такого со мной раньше не случалось.

— Разве раньше ты никогда не входила в чужое тело? — с явным недоверием спросил Приткин. Отвечать ему не хотелось, но надо же мне было знать, что происходит.

— Никогда. Не знаю, как это получилось. Билли-Джо в меня врезался и...

— Билли-Джо — это твой демон-двойник?

— У меня нет двойников! Запомните раз и навсегда: я не ведьма, понятно? И не демон. И не злой дух! Я ясновидящая. Вы знаете, что это такое?

Может быть, потому, что я вышла из себя, а может быть, браслет затаил злобу на своего бывшего хозяина, только внезапно передо мной появились два ножа-близнеца, которые казались такими же прозрачными и нематериальными, как Билли с наступлением рассвета, и разом ринулись на мага. В воздухе что-то сверкнуло — и ножи приступили к делу. Мне не хотелось причинять магу боль или вред, однако браслет, судя по всему, рассудил иначе, поскольку ножи с лёта вонзились волшебнику в грудь. Он вскрикнул, а я машинально подалась назад. Затем ножи вернулись ко мне и спокойно заняли свое место в браслете.

— Простите, — сказала я, глядя на два глубоких пореза на груди мага. — Я не знала, что так получится.

И взглянула на браслет. Я не хотела, чтобы ножи угрожали магу, но они прошли сквозь его защиту так легко, словно ее и не было.

— Откуда он у тебя? — спросил Мирча, с интересом разглядывая браслет.

— Я его... э-э... нашла.

— Этот браслет сражался вместо нее с черным магом! — с ненавистью глядя на меня, хрипло произнес Приткин. — Оружие сил тьмы ненадежно и готово в любой момент переметнуться к тому, кто обладает более мощным источником энергии! — Маг поморщился и вдруг упал на колени. — Она опасна, она само зло!

Из ран на груди Приткина хлынула кровь, словно он и в самом деле был серьезно ранен.

Я с ужасом смотрела на него, не веря своим глазам. Мне он не нравился, но убивать его я не собиралась! Маг рвал на себе рубашку, хватая ртом воздух. Затем потерял сознание, успев что-то глухо пробормотать. Через несколько секунд раны начали медленно затягиваться. Ничего себе человек — выздоровел так же быстро, как вампир.

— Ну что, сивилла, — кривя губы, сказал Приткин, — ты и теперь будешь утверждать, что ты человек? Между тем ты используешь оружие черных магов, которое направляет энергию против того, кто ее отсылает. За тебя сражаются черные ведьмы, а сегодня я видел, как ты совершила такое, что не под силу даже черному магу. Даже рыцари Черного круга не имеют достаточно энергии, чтобы украсть чье-то тело, да еще у мага, окруженного самой надежной защитой!

Приткин ухватился за дверь и с трудом встал на ноги.

— Я не крала...

Он гневно махнул рукой.

— Сегодня я уже видел нечто подобное — существо, которое забирает чужую жизнь, чтобы продлить свою собственную. — Приткин хотел пройти мимо Томаса, но тот загородил ему дорогу. Тогда он стал кричать через плечо Томаса: — Это самая страшная из всех магий, которой владеют лишь самые злобные демоны! Круг был прав, когда посылал меня сюда. Они знали, что я сумею тебя раскусить. Сколько жизней ты уже похитила, сивилла? Сколько убийств совершила, чтобы продлить собственное жалкое существование?

Я резко встала; Луи Сезар не стал меня удерживать.

— Меня зовут Кэсси Палмер! — сказала я. — Если хотите, можете взглянуть на мое свидетельство о рождении. Я не краду ничьи тела. И я не демон, можете вы это понять? — Я взглянула на Мирчу, который наблюдал за этой сценой с видом человека, сидящего в кинозале. — Сколько раз мне это повторять?

Мирча пожал плечами.

— Я всегда это говорил, *dulceatā*, но мне же никто не верит.

Воспользовавшись минутной заминкой, Приткин внезапно пошел в атаку. Откуда ни возьмись, в воздухе появился рой его страшных ножей и стремглав ринулся на меня. Не ожидая ничего подобного, я стояла, как идиотка, разинув рот. Томас действовал с быстротой молнии, но успел перехватить лишь два ножа, в то время как два других, проскочив мимо его рук, летели на меня. У меня не осталось времени ни на раздумья, ни на действия. Я услышала, как загудела моя защита; справится ли она с волшебным оружием? Но прошла секунда — и ножи, резко изменив направление, впились в грудь голема, вибрируя от сильного удара. Ничего не понимая, я смотрела на статую, пока до меня не дошло, что Приткин, видимо, забыл снять с меня свою собственную защиту. Видимо, об этом вспомнил и маг, поскольку, взревев от ярости, начал ее снимать, но тут его перехватил Томас.

Не знаю, приходилось ли Томасу иметь дело с магами-воинами, однако Приткин его переиграл. Мгновенно в воздухе появился летающий пузырек и вылил на голову Томаса какую-то жидкость — красную, как кровь, и едкую, как кислота. Томас не отпускал мага, но жидкость попала ему в глаза, и он сразу ослеп. Приткин сделал жест, словно подзывал кого-то, и тотчас ножи, выбравшись из груди голема, подлетели к магу, после чего один из них вонзился Томасу в ногу, а второй едва не отсек ему левую кисть. Томас упал на колени, и Приткин вырвался из его рук. Отведя удар ножа, брошенного Луи Сезаром, он увернулся от Томаса и направил на меня два пистолета.

Я не размышляла, я действовала; видимо, это меня и спасло. Я взмахнула рукой — и два

призрачных ножа, вылетев из моего браслета, ударили Приткина по рукам и выбили у него пистолеты в тот самый момент, когда он начал стрелять. Пули полетели в глиняную грудь все того же голема. Странное дело — неуклюжая статуя мгновенно пришла в движение. Едва маг произнес заклятие, как статуя перелетела в другой конец комнаты и вступила в бой с Луи Сезаром. Француз вонзал в нее рапиру, но статуя не обращала на это внимания. Уворачиваясь от ударов, Луи Сезар медленно отступал к стене.

Что-то крикнув, Приткин ринулся ко мне, выхватив из-за пояса гранату. Томас, рванувшийся было мне на помощь, застыл на месте, после чего рухнул на пол, где и остался лежать. В следующую секунду я поняла почему — внезапно меня схватила чья-то мощная невидимая рука, намертво зажав мой браслет. Старый трюк черного мага, только на этот раз некому было ему противостоять. Перескочив через Томаса, Приткин пригвоздил к месту Рафа, использовав то же заклинание. В результате комната превратилась в музей застывших фигур; на лице мага появилась злобная ухмылка. На миг наши глаза встретились, и я поняла, что он убьет меня даже ценой собственной жизни.

Однако мы оба забыли о Мирче. Внезапно появившись ниоткуда, он, мелькнув, словно темное облако, схватил мага за пояс, вырвал из его рук гранату и швырнул ее в окно. Пока я соображала, что произошло, Мирча схватил мага за горло, сжал мертвой хваткой и оторвал от пола. В следующую секунду Луи Сезара отбросило к дивану, а голем рассыпался на осколки; по лицу Мирчи было видно, что он в ярости.

Я все еще не могла двигаться, в то время как Раф, каким-то образом сняв с себя заклятие мага, отбивался от двух зависших над ним склянок, используя для этого пиджак Мирчи. Затем комнату потряс взрыв — это за окном взорвалась граната; с потолка дождем посыпалась штукатурка, вдребезги разлетелось окно. Невидимая рука наконец-то ослабила хватку, и я, кашляя, повалилась в кресло, задыхаясь от пыли и почти оглохнув от пронзительного звона в ушах.

Я бросила дикий взгляд на Приткина, но маг был полностью обездвижен. На его арсенал заклятие не подействовало, но тут Луи Сезар что-то тихо запел, и ножи и пистолеты замерли на месте. Раф схватил склянки, висевшие в воздухе перед его лицом, и засунул их в ведро для угля, что стояло возле камина, предварительно выбросив оттуда букет сухоцветов, после чего принялся собирать остальные флаконы, складывая их в ящичек. Я видела, как подпрыгивала его крышка, когда склянки пытались выбраться наружу. Одну из них Раф все-таки проглядел, и та начала потихоньку подкрадываться ко мне, в то время как я тупо смотрела на нее, соображая, что буду делать, когда на меня выльется ее содержимое. Меня спас браслет, оказавшийся лучшим бойцом, чем я. Едва я подняла руку, как из него вылетел крошечный ножик и на лету разбил склянку на тысячу осколков. В воздух поднялось легкое облачко — и склянка исчезла, оставив после себя лишь какой-то странный запах.

— Отзови их, маг, или я покажу тебе, как раньше питались вампиры, — раздался спокойный и властный голос Мирчи.

Однако Приткин оказался либо упрямым, либо дураком. Подхватив с земли автомат, он направил его на меня.

— Давай покажи, но сначала я разделаюсь с вашей шляхой!

Луи Сезар ударил по автомату в тот момент, когда Приткин выстрелил. В камине позади меня образовалась дырка. Немного левее — и я разлетелась бы на куски так же, как и голем. В воздух взлетели осколки кирпича и строительного раствора, некоторые из них заделали меня. Я вскрикнула, и тут в комнате словно поднялся ураган. Вихрем закружились

тучи песка и осколков; с лица Мирчи слетела маска добродушия, и из-под нее показалось лицо разъяренного вампира. Я и раньше видела, как вампиры сбрасывают человеческую маску, но такого — никогда. Мирча был ужасен и в то же время прекрасен — алебастровая кожа, длинные клыки и горящие, как раскаленная лава глаза.

Ветер подхватил Приткина и со всего размаха ударил его о стену; от боли лицо мага перекосилось, но в глазах читалось недоумение — такого он не ожидал. А что он думал? Что члены Сената получают свои титулы за благотворительность? Удивительно, что маг вообще был еще жив.

— Кассандра принадлежит мне, — произнес Мирча таким голосом, от которого могло расплавиться стекло. — Если ты тронешь ее еще хоть раз, я сделаю так, что ты всю оставшуюся жизнь будешь молить о смерти!

— Мирча! — окликнул его Луи Сезар; он не пытался вмешиваться, но его голос прорвался сквозь шум ветра, как горячая вода прорывается сквозь толстый лед. — Пожалуйста, ты же знаешь, какова сейчас ситуация. Мы с ним по-другому поговорим, потом.

Ветер постепенно стих. Когда все успокоилось, я обнаружила, что тихо тряусь от избытка адреналина. Поднявшись, я на трясущихся ногах подошла к Приткину, который по-прежнему стоял, прижатый к стене. По моему лицу стекали ручейки крови, но я не обращала на них внимания. По сравнению с Томасом я еще легко отделалась. Сильно потрепанный, мой бывший сосед по квартире обыскивал мага на предмет оружия. Отрубленная кисть на моих глазах начала прирастать к руке, но лицо Томаса превратилось в сплошное месиво обгорелой плоти; остался здоровым лишь один глаз. Увидев выражение его лица, я содрогнулась — ясно, что маг жив только потому, что Томас еще не придумал, как будет его убивать.

Выражение лица Мирчи также не предвещало ничего хорошего. Мужчина, которого я знала с детства, был всегда спокоен и сдержан, почти мягок, рассказывал занятные истории, любил пошутить, красиво одевался и не отказывался в очередной раз сыграть партию в шашки с влюбленной в него одиннадцатилетней девчонкой. Я не была столь наивна, как Приткин, и знала, что все гораздо сложнее. Мирча вырос в той среде, где убийство и жестокость были обычным делом; его родной отец продал двух своих сыновей в обмен на договор, условия которого не собирался выполнять, а самого Мирчу отдал в руки палачей, и его подвергли бы жестоким пыткам и ужасной смерти, если бы не встреча с цыганкой. Согласитесь, такое прошлое не располагает к всепрощению. И все же... кто знает? Я уже ни в чем не была уверена.

В детстве я никогда не испытывала перед ним страха. Он всегда был со мной искренен, мой добрый Мирча с милыми морщинками в уголках смеющихся карих глаз. При взгляде на него сейчас трудно было поверить, что это тот же самый человек. Неужели он всегда таил в себе ужас, а я этого просто не замечала? Что мне теперь делать? Конечно, Приткин мерзавец, но убивать его я не хотела. Может быть, он безумен, и все же только он может мне объяснить, что со мной происходит, или вывести на того, кто сможет мне это объяснить. Больше спросить мне некого.

— Не убивай его, Мирча.

— Мы не собираемся его убивать, мадемуазель, — сказал Луи Сезар, покосившись на своего коллегу. Томас закончил обыск, решив, что все оружие он уже отобрал. Мой браслет, однако, дал мне понять, что это не так, сделавшись теплым и более тяжелым. Я бы с удовольствием сняла его, но сейчас мне было не до того. — Что же касается сегодняшней

ночи, то мы все равно находимся в состоянии войны с Черным кругом, так зачем нам проблемы еще и со Светлым?

— Проверь еще раз, — сказал Раф. — У него много оружия.

— На то он и воин, — отозвался Мирча. — Ему без оружия нельзя.

— Пока он жив, — добавил Томас, и я заметила в его руке нож.

В следующую секунду Томас метнулся как молния — думаю, он задумал убить Приткина его же собственным оружием, — но Луи Сезар оказался проворнее, схватив руку Томаса в тот момент, когда нож находился на волосок от груди Приткина.

— Томас! Я не позволю тебе развязать войну!

— Если вы и дальше будете привечать у себя эту тварь, — Приткин едва не плюнул в мою сторону, — то все равно развяжете войну, хотите вы того или нет. Меня прислали выяснить, кто она такая и представляет ли для нас угрозу. Я думал, что увижу обычную сивиллу, прорицательницу, но все оказалось гораздо хуже. А то, что знаю я, знает и круг. Если мне не удастся ее убить, вместо меня придут другие, их будут сотни. — Он свирепо взглянул на меня. — Когда-то я с такими сражался. Я знаю, на что они способны, и не позволю вам оставить эту тварь в живых.

С этими словами он рванулся ко мне, но едва не задохнулся — невидимая рука Мирчи держала его крепко, как стальная перчатка. Странно, ибо лицо вампира вновь приняло свое обычное спокойное выражение. В глазах светился лишь легкий интерес, щеки порозовели, на губах играла слабая улыбка. От дикой ярости не осталось и следа. Я поежилась. Такие перемены меня всегда пугают. Я перевела взгляд на мага и впервые подумала о том, что единственный, кто сейчас говорит мне правду, это человек, только что пытавшийся меня убить. Очень мило.

— Я не тварь, — сказала я, встав подальше от мага. — Не знаю, что вы себе вообразили, но я не собираюсь вам угрожать.

Он хрипло рассмеялся.

— Разумеется. Я слишком стар, чтобы мною могла заинтересоваться ламия. Однажды я убил одну, она загубила более двадцати детей, и все для того, чтобы поддерживать свою мерзкую жизнь. Больше я такого не допущу.

подавив гнев, я подошла к окну и заглянула в щелку между черными жалюзи: небо окрасилось в светло-голубые тона, на востоке появилась темно-красная полоса. Возле воронки, образовавшейся после взрыва гранаты, собралась небольшая толпа, но на нас никто не смотрел. Наверное, знали, что мы умеем сами о себе заботиться. Я обернулась к магу, с ненавистью смотревшему на меня.

— А что, если вы ошибаетесь и я вовсе не та, за кого вы меня принимаете? Может быть, лучше это выяснить и уж потом меня убивать?

— Я уже все выяснил. Человек не может делать то, что делала ты. Это невозможно.

— Несколько дней назад я бы с вами поспорила. Теперь не стану.

Трудно было смотреть магу в глаза — такая в них горела ненависть. Тони тоже хотел убить меня, но я уверена, что даже если бы он меня и пойман, он не смотрел бы на меня так. Тони смотрел на меня как на головную боль, на средство закрепить сделку, но только не как на воплощение зла. Зная, что Приткин ошибается, я почему-то почувствовала себя виноватой и от этого страшно разозлилась. Я что, сумасшедшая или самоубийца?

— Вы говорите, что уже имели дело с такими, как я. А как вы их узнаете? Или вы убиваете всех подряд?

— Есть разные способы выявить ламию, — сквозь стиснутые зубы ответил маг, словно даже разговор со мной был для него пыткой. — Только твоим друзьям-вампирам они бы не понравились. Например, святая вода и крест.

Я взглянула на Мирчу; тот закатил глаза. Ну что за чепуху несет Приткин? Начитался Брэма Стокера, что ли? Креста боятся демоны, но не вампиры. На фамильном гербе Мирчи был изображен дракон, символ мужества, обвивающий католический крест. Этот герб висел за его креслом в Сенате; Приткин, очевидно, его не заметил. Я было собралась прочитать ему лекцию на тему о том, что вампиры напрямую связаны с оборотнями и что и то и другое является своего рода заболеванием. Но вряд ли маг поверил бы мне — уверенность, что в каждом вампире сидит демон, основывается на истерии, поднятой вокруг вампиров в эпоху Средневековья. Приткин видел демонов повсюду; кстати сказать, весь его голливудский арсенал против них бессилён — вампиры боятся только солнечного света, да и то лишь самые юные, осинового кола и чеснока, причем последний служит просто некоей защитой. Чеснок, развешанный над дверью, вампиру не страшен; например, Тони обожает чеснок — когда кладет его в салат и добавляет немного оливкового масла.

Мирча усмехнулся.

— А я-то думал, что больше всего на свете ненавижу плохое вино и плохо сшитую одежду. Ну что ж, *dulceat*, думаю, у нас найдется крест. И, если я не ошибаюсь, Раф поймал несколько склянок со святой водой и держит их в ящике.

Раф выступил вперед, держа ящик на вытянутых руках. Внутри что-то постукивало, словно рвалось наружу; мы с сомнением взглянули на ящик.

— Я не согласен, — сказал Томас. — Консул приказала мне охранять Кэсси. А что, если маг лжет и в этих склянках — кислота или взрывчатка? Ему нельзя доверять.

— Никогда не верь магу, — согласился с ним Раф, очевидно, повторяя чьи-то слова.

— Я сам проверю, — сказал Луи Сезар и, вытащив из ящика первую склянку, поднес ее к носу Приткина. — Сейчас я вылью жидкость тебе на руку, — сказал он. — Так что если это не вода, тебе лучше сказать об этом сейчас.

Приткин не ответил, продолжая пристально следить за мной, словно вампиры его больше не интересовали. И зря, между прочим. Наверное, он их плохо знал, иначе понял бы, что если его не убили, это еще не значит, что ему ничто не угрожает; вампиры знают много способов разделаться с врагом. Приткин не сводил с меня пылающих злобой глаз и потому не заметил, как несколько капель жидкости упали ему на руку. Мы замерли, но ничего не случилось. Луи Сезар взял меня за руку, но Томас остановил его. Француз сверкнул глазами.

— Осторожнее, Томас, — тихо сказал он. — На этот раз твоим телом никто не владеет.

Томас промолчал.

— А вдруг это яд? Приткин мог принять противоядие или решил умереть вместе с ней. Я не позволю ей рисковать.

— Беру ответственность на себя. Я сам отвечу перед консулом.

— Консул меня не интересуется.

— А я? Не советую тебе сбрасывать меня со счетов.

В воздухе начали образовываться волны сверкающей энергии, отчего у меня по рукам побежали мурашки, а браслет заплясал как безумный.

— Перестаньте! — сказал Мирча и махнул рукой; энергия потихоньку улеглась. Мирча забрал у француза склянку и понюхал. — Это вода, Томас, простая вода. — С этими словами он протянул склянку мне.

Я доверяла Мирче, к тому же браслет не проявлял признаков беспокойства.

— Очень хорошо.

— Нет! — крикнул Томас, бросаясь ко мне, но Луи Сезар схватил его за руку.

Я взглянула на Приткина, который жадно глядел на меня.

— Ну, до дна, — сказала я и выпила жидкость. Мирча оказался прав — это была вода, немного соленая, но все же вода. Приткин смотрел на меня, ожидая, когда я начну дымиться. — Ну что, довольны? Или мне повесить на шею еще пару крестов?

— Кто ты? — прошептал он.

Я вернулась к своему креслу, но, увидев, что оно покрыто толстым слоем пыли, уселась на диван, стряхнув с него осколки оконного стекла. Приткину давно пора все понять, поскольку возня с ним уже начала действовать мне на нервы.

— Знаете что? Вы мне до смерти надоели, — честно призналась я, глядя на мага.

— Ты не изменилась, *dulceatā*, — со смехом сказал Мирча.

Приткин взглянул на меня; ярость в его глазах начала гаснуть.

— Ничего не понимаю, — сказал он. — Если ты демон, то не должна пить святую воду. Но ведь ты и не человек, если способна совершать то, что я видел.

Мирча устроился на диване, предварительно вытерев его носовым платком. Затем ласково провел рукой по моей ноге. Это было очень приятно.

— В свое время, маг Приткин, меня учили: «Никогда не говори „никогда“». — Он лукаво взглянул на меня. — Обожаю делать то, чего не может быть.

Луи Сезар вопросительно взглянул на меня, и я кивнула.

— Да, я помню. Если хотя бы минуту меня перестанут пытаться убить, я расскажу вам о Франсуазе.

И я кратко рассказала о своем втором путешествии, стараясь не упускать ни одной подробности; правда, я не стала сообщать о том, что по Вегасу бродит ведьма, родившаяся в семнадцатом веке. Как-то не хочется оказаться запертой в комнате с мягкими стенками.

— Томас рассказывал примерно то же самое, — сказал Луи Сезар, когда я закончила свой рассказ. — Но лично я не помню ничего подобного.

— А это означает следующее, — сказал Мирча и начал загибать пальцы. — Либо Томас и Кассандра лгут по неизвестной причине, либо у них были галлюцинации, либо они говорят правду. Мне кажется, что они не лгут. — Он взглянул на Луи Сезара, и тот кивнул. — Но как могут два человека иметь одни и те же галлюцинации, да еще участвовать в таких событиях, о которых раньше ничего не знали?

— Таким образом, вывод один, — облегченно вздохнув, сказал Луи Сезар. — И этот вывод состоит в том...

— ...что они изменили ход истории, — закончил вместо него Мирча.

— Это невозможно, — решительно заявила я. — Я только вижу прошлое и не могу его изменить.

— Пифия теряет силу, — пробормотал Приткин, словно не слыша моих слов. — Но нет. Это невозможно. — Теперь он напоминал маленького смущенного мальчика. — Пифия не может входить в чужое тело, она лишена такой способности.

— Оставим это, — сказал Луи Сезар, всматриваясь в лицо мага. — А не могла Пифия передать свою энергию Кассандре, чтобы она свободно перемещалась во времени и пространстве?

Приткин растерянно взглянул на него.

— Мне нужно посоветоваться с кругом, — дрожащим голосом сказал он. — Я не был к этому готов. Мне говорили, что она обычная мошенница У Пифии есть наследница. Ее силе не должна перейти к этой... девушке.

— Какая сила? — спросила я, решив ковать железо, пока оно горячо.

Нужно было поскорее все выяснить, не то маг снова примется вопить, что я демон.

— Не скажу, — твердо ответил Приткин, качая головой. — Я не имею права этого говорить.

— Ты говорил об этом весь вечер, — сказал Томас и так тряхнул мага за плечо, что тот упал бы, если бы не энергия Мирчи. — А теперь, когда нам нужна твоя помощь, ты отказываешься?

Кисть Томаса почти зажила, на ней виднелся лишь глубокий красный шрам; однако его лицо осталось прежним. Как и характер.

— Я... это очень опасно. Я не могу говорить о таких вещах, не имея на то разрешения.

— Ты говорил, что они знают то, что знаешь ты, — прорычал Томас. — Давай входи с ними в контакт и получай разрешение.

Приткин испуганно оглянулся по сторонам, словно искал помощи. Все молчали.

— Хорошо, я попытаюсь, — сказал он. — Но они захотят меня увидеть. И ее тоже. Такие вопросы быстро не решаются.

— Сколько вам нужно времени? — спросил Луи Сезар, подходя к Томасу.

Вдвоем они выглядели довольно устрашающе. Как, впрочем, и поодиночке.

Приткин решил скрыть свой страх под напускной грубостью. Зря он так сделал. Он явно был не готов иметь дело с вампирами-сенаторами.

— Не знаю. Может быть, несколько дней.

Внезапно голубые глаза Луи Сезара вспыхнули серебристо-серым цветом ртути, а зрачки так расширились, что закрыли белки. Я затаила дыхание, и не я одна. В комнате наступила мертвая тишина; слышалось лишь тяжелое дыхание мага, словно он дышал в микрофон. Мирча отпустил его, и маг упал бы на землю, если бы Луи Сезар не схватил его за рубашку и не швырнул к стене.

Видя, как француз сражается в казино, я думала, что он хороший воин, и только. За свою жизнь я повидала много отличных бойцов и не считала, что даже самая длинная и острая рапира может заменить хороший пистолет. А все потому, что я слишком много времени провела у Тони. Я знала, почему до смерти его боюсь, — он был для меня тем

входом, через который я попадала в мир свихнувшихся привидений и жутких подземелий, но у других людей не было моих проблем, и я не понимала, почему его так боятся. Со своими голубыми глазами и ямочками на щеках Тони выглядел таким благодушным добряком. Потом мне стало ясно, что кроется за его внешностью; Тони был словно торнадо — издалека он выглядит красиво, но затем с дикой яростью обрушивается на город и разносит его в клочья. Я даже подумала: а вдруг именно Тони решил задержать двадцать своих парней, чтобы Томас успел увести меня из казино Данте?

— У нас нет нескольких дней, — прошипел Томас, и лицо Приткина покрылось смертельной бледностью.

Тут заговорил Мирча, и от его голоса, мягкого и спокойного, все немного оттаяли, как тает снег от потока теплой воды. Я почувствовала, как мое сердце начинает биться ровнее и как успокаивается дыхание.

— Может быть, маг Приткин желает связаться с кругом в другом месте? Мне кажется, он уже сообщил нам все, что нужно, — путем определенных намеков. — Мирча улыбнулся. — Вы могли бы спросить, зачем за нашей Кэсси круг послал вас, знаменитого охотника на демонов? Всем известно, что у вас репутация человека — как бы это выразиться? — чрезвычайно честного и прямолинейного. Будь я более подозрительным, я бы предположил, что вас послали для того, чтобы по возможности запутать ситуацию и, убрав Кэсси, устранить опасного конкурента.

Лицо Приткина начало багроветь, принимая кирпичный оттенок. Оставалось надеяться, что его сердце выдержит непомерную нагрузку. В голову закралась мысль о том, что если сейчас с ним случится сердечный приступ, кое-кому в круге придется давать объяснения.

— Вы никуда не уйдете! — заявили мы с Луи Сезаром в один голос.

Вежливо отойдя в сторону, Луи Сезар позволил мне говорить с магом; глаза вампира все еще поблескивали стальным блеском, и мне не хотелось его раздражать. Тем не менее я решительно подошла к магу и встала перед ним. Мы смотрели друг другу в глаза.

— Вы никуда не уйдете, пока не ответите на мои вопросы, — повторила я. — Кто такая Пифия? Почему вы называете меня сивиллой и о какой власти идет речь?

Приткин даже не стал спорить — видимо, к этому времени его боевой задор улетучился.

— Пифией звали одну прорицательницу, которая жила в Дельфах, в храме Аполлона, — хрипло проговорил маг. — На протяжении двух тысяч лет главная жрица этого храма считалась главной прорицательницей; к ней обращались за советом могущественные короли и императоры. Когда Древняя Греция распалась, исчезли и жрицы, но имя Пифия дожило до наших дней, став нарицательным. Так называют самую мудрую из прорицательниц, великую помощницу нашего круга. Она — наш главный советник, ибо существа из параллельного мира не могут обладать ее даром.

— А какое отношение это имеет ко мне?

— Когда приходит время выбирать новую Пифию, мы назначаем ее преемницу, которую называем сивиллой, то есть прорицательницей. С раннего детства ее учат понимать, что такое ее дар и как с ним обращаться. Нынешняя Пифия давно состарилась, и ее власть над даром слабеет. Мы нашли преемницу, но шесть месяцев назад она была похищена Распутиным и Черным кругом. Власть Пифии передается от одной прорицательницы к другой вот уже две тысячи лет, и эта традиция не прерывалась ни разу. Но теперь я опасюсь самого худшего. Наследница может быть убита. Иначе каким образом к тебе перешла часть ее дара? К тебе, простой девчонке без специальной подготовки, не

ведаящей о своем высоком предназначении?

Услышав слово «дар», я встрепенулась и с ужасом уставилась на мага.

— Какой еще дар? Что это значит? — Мой голос сорвался на визг, и я замолчала, чтобы немного успокоиться. — Ни за что. Передайте вашему кругу, что мне эта работа не нужна.

— Это не работа. Это обязанность. У наследницы нет права выбора.

— А мне плевать! Ищите свою сивиллу и назначайте ее главной прорицательницей. — Я с болью взглянула на Томаса. — Что вы сделали с его лицом? Почему оно не заживает?

— Это была драконья кровь, *mia stella*, — ответил Раф. — Не беспокойся, со временем все пройдет.

Томас с удивлением взглянул на меня, словно не ожидал, что меня будет волновать его внешность, и я отвернулась. Поймав на себе задумчивый взгляд Мирчи, я постаралась придать своему лицу равнодушное выражение. Пусть думают, что хотят. На месте Томаса мог быть кто угодно — меня заботила бы судьба любого, кто пытался меня спасти.

— Мы искали наследницу, — устало проговорил Приткин. — Последние полгода мы только этим и занимались. Пифия очень стара и давно должна была передать свою власть. Ее здоровье слабеет, и вместе с ним слабеет ее власть над даром. Мы не хуже тебя понимаем, что нужно торопиться, однако наши поиски ни к чему не привели.

— Тогда назначьте кого-нибудь другого, — беспечно предложила я.

— Я уже говорил: наследницу не назначают, она появляется сама. Дар переходит к тому, к кому хочет, кто этого наиболее достоин — так сказано в древней рукописи. Это не подлежит обсуждению. Ты молода и неопытна, тогда как нашу сивиллу обучали годами. Она — избранная, она прошла отличную подготовку. Мы никак не ожидали, что у нее появится соперница...

— Но как вы узнали обо мне? — быстро спросила я.

Маг ответил мне высокомерным взглядом.

— Этим позором отмечен весь твой род. Твоя мать была такой же, как ты. Ты очень на нее похожа.

— Постойте. Вы знали мою мать? Откуда?

На вид магу было лет тридцать пять, может быть, и того меньше. Значит, процесс старения у него шел не так, как у обычных людей, если только он не вступил в круг в пятнадцать лет.

— Она тоже была наследницей, — дрожа от гнева, сказал Приткин, — Она должна была оставаться чистой и невинной и прекрасно это знала. Но что она сделала? Завела роман с твоим отцом, слугой вампира! И что хуже всего, скрывала это от круга до тех пор, пока не узнала, что беременна, после чего они вместе сбежали. Кто знает, что случилось бы тогда с властью над даром, если бы мы наполнили ею сей нечистый сосуд?

— Нечистый сосуд? Это вы о моей матери?

— Она оказалась недостойна чести стать наследницей Пифии! Я рад, что мы вовремя ее нашли.

— Выходит, наследницей может быть только девственница?

— Именно. — Маг презрительно усмехнулся. — Вот еще одна причина, по которой ты нам не подходишь.

Я не стала с ним спорить, хотя готова была держать пари, что по части чистоты и невинности могла бы дать наследнице сто очков вперед. Дело в том, что Эжени стерегла меня, как коршун, а когда ее со мной не было, я занималась тем, что спасала свою жизнь. Я

никому не доверяла, тем более мужчинам. Помогло и то, что большинство вампиров из окружения Тони были ненамного симпатичнее Альфонса, так что влюбиться мне было не в кого. Наибольший соблазн я испытывала в присутствии Томаса, подосланного ко мне Сенатом да еще пьющего мою кровь, и Мирчи, который, скорее всего, собирался использовать меня в каких-то своих тайных целях. Не разбираюсь я в мужчинах, вот что.

— Давайте начистоту. Вы решили, что я демон, поскольку я обладаю какой-то властью, о которой не просила и о которой ничего не знаю. Потом приклеиваете мне ярлык падшей сивиллы и даже шлюхи. Я чего-то не понимаю или вы меня просто не любите?

Мирча рассмеялся, и даже Луи Сезар слегка скривил губы в улыбке. Томас либо не понял шутки, либо был не в настроении. Приткин, разумеется, разозлился.

— Все, что ты говоришь, лишь подтверждает мое предположение. Если бы ты стала Пифией, это была бы катастрофа.

— По-видимому, дару все равно.

— Для этого и существует круг — разрешать подобные ситуации! — Он бросил на меня такой яростный взгляд, что я невольно попятилась. — Ты когда-нибудь задумывалась над тем, почему мать назвала тебя Кассандрой? Так у нас называют падшую сивиллу, то есть сивиллу, использующую свой дар во зло. Сивиллу, связавшуюся с Черным кругом, способную подчинять себе черных ведьм и колдунов, как демон, овладевать человеческой душой и легко управлять оружием темных сил. Нельзя допустить, чтобы великий дар перешел к такой, как ты!

— А если он все-таки перейдет?

— Нет, ни за что!

Итак, список желающих моей смерти пополнился еще одним именем.

— Не бойся, Сенат будет тебя защищать, — заверил меня Луи Сезар.

Я обратила на него усталый взор.

— Еще бы. До тех пор, пока я выполняю его приказы.

Мирча усмехнулся, глядя на выражение лица Луи Сезара.

— Она выросла среди нас. Неужели ты думал, что она не поймет, в чем дело? Убери мага, — приказал он Рафу. — Мы поговорим с Кассандрой наедине, без свидетелей.

Приткина выволокли из комнаты, чему я была только рада. Если я больше никогда в жизни не встречу мага-воина, то буду считать себя счастливицей. Мне предстояло выяснить, что захочет от меня Сенат в обмен на свою помощь.

— Мы никогда не отдадим вас кругу, мадемуазель, — сказал Луи Сезар, блеснув глазами, которые вновь сделались голубыми. Я изумленно уставилась на него. Он в самом деле столь наивен или просто изображает из себя маленького мальчика?

— Однако мы не сможем тебя защитить, если дуэль выиграет Черный круг, — добавил Мирча. — Тогда всем будет заправлять Распутин, и мне бы не хотелось, чтобы ты оказалась в его власти. Даже Серебряный круг может тебя казнить, если ты окажешься в его руках, а о том, что сделает с тобой Черный круг, я и думать не хочу. В твоих интересах, чтобы мы победили, Кассандра.

Мы взглянули друг другу в глаза; мы отлично друг друга понимали. Ах этот просвещенный эгоизм: основа моего старого мира. Как все-таки приятно вернуться в доброе старое время! В этом весь Мирча: ни одного высокопарного слова, только дело.

— Это ты учил Тони, или как?

Мирча рассмеялся, Луи Сезар бросил на него тревожный взгляд.

— Мадемуазель, — сказал он, — до сего дня я не верил, что кто-либо может делать то, что делали вы. Однако теперь у меня вновь появилась надежда. Пифия — главный судия всех разногласий сообщества магов, наш Верховный суд, если хотите. Если она потеряет силу, конфликт между светлыми эльфами и Серебрянным кругом может привести к войне, какая уже идет между нами и Черным кругом. Наш мир дал трещину.

Луи Сезар покосился на дверь.

— Заклятие прочное, не бойся, — успокоил его Мирча. — Приткин не сможет ничего услышать. Рассказывай.

Луи Сезар взглянул на меня, и я ощутила, как моей кожи коснулась волна энергии, словно скользнув по ней. Я быстро сняла с руки браслет и сунула его в карман, пока он не начал откалывать свои номера. Как-то не хотелось выяснять, что произойдет, если он нападет на Луи Сезара.

— Мы считаем, что противник консула, господин Распутин, использует похищенную сивиллу в своей борьбе за власть. В течение месяцев сенаторы подвергались нападениям со стороны своих собственных вассалов. В некоторых случаях это были те, кто прослужил своим хозяевам не одну сотню лет, кого считали абсолютно надежным. Нападения происходили неожиданно и без всякого предупреждения. Стражники, напавшие на тебя в Сенате, были одними из них. Их не остановила даже энергия консула. Теперь мы понимаем почему.

Наверное, у меня стало туго с головой.

— О'кей, почему? — спросила я.

Раф подошел ко мне и опустился на колени. Я провела рукой по его кудрявой голове, и мне стало легче. Он ничем не мог мне помочь, и все же было приятно чувствовать, что он рядом.

— Разве ты не видишь, *mia stella*? Исчезнувшая сивилла, должно быть, перемещалась во времени так же, как ты, и прерывала связь между хозяевами и слугами. Мы давно подозревали, что Пифия пытается научиться перемещаться во всех направлениях, а не только в одном, как все мы. Вполне возможно, что сивилла накапливает силы, как и ты. Только свою силу она будет использовать во зло.

— Постойте, — сказала я, чувствуя, как заныло у меня сердце. — Вы мне столько всего наговорили, что я даже не знаю, с чего начать. Как можно прервать связь хозяина и слуги? И как насчет того, что я вовсе не наследница Пифии? Приткин дал это понять весьма четко.

— Нет, — возразил Луи Сезар, — он лишь дал понять, что не желает, чтобы власть перешла к тебе. Вместе с тем он опасается, что это уже произошло, по крайней мере, частично, иначе он не пытался бы тебя убить. Прости меня. Если бы мы раньше догадались, зачем он приехал, то давно его бы прогнали. Мы надеялись, что он подтвердит наши подозрения.

— Что он и сделал, — заметил Мирча. — Приткин этого не сказал, но его реакция показывает, что часть энергии Пифии действительно передалась Кэсси, а также — что весьма возможно — и наследнице.

Я покачала головой.

— Но Приткин уверял, что Пифия не способна владеть чужой душой, значит, этого не может и наследница. И если это так, то ее возможности весьма ограничены. Запасы энергии расходуются быстро, очень быстро. Особенно если ты не просто стоишь на месте. Когда я... э-э... находилась в теле Луи Сезара, у меня не было этой проблемы, но если

наследница не сможет использовать источник энергии человека, она долго не протянет.

— А ей это и не нужно, — задумчиво сказал Мирча. — Процесс создания нового вампира — тонкая штука. Любое отклонение может привести к ужасным последствиям.

Я об этом уже слышала. Жуткие истории. В лучшем случае новый вампир так и не появлялся. Он или она в течение трех дней оставался мертвым, и на том все кончалось. Зато в худшем случае появлялись вампиры, у которых напрочь отсутствовали мозги, то есть вставала некая бесформенная масса, которую называли призраком, но на самом деле это было животное, жившее исключительно для того, чтобы добывать себе пищу. И поскольку оно было лишено разума, то не признавало власти своего хозяина. После этого оставалось одно — уничтожить тварь, пока она не начала массового истребления людей.

— А что может создать за один час тот, у кого больше нет энергии? Разве что привидение, — сказала я, взглянув на Томаса. — Столько мы с тобой пробыли в подземелье?

— Может быть, немного дольше, но мы израсходовали много энергии, иначе мы бы там задержались.

— Ага, только я не знаю, как вклиниться в энергетический поток вампира, создающего нового раба, даже если бы я и была призраком. Как же это получается у сивиллы?

— Распутин говорит ей, что нужно делать, — напомнил мне Луи Сезар. — А также снабжает подробнейшими инструкциями и, возможно, помощниками.

— Это не так уж и трудно, — добавил Мирча. — Обращаемый индивидуум должен быть чист, то есть за последние годы не подвергаться нападению вампира, находиться в спокойном расположении духа и быть здоровым или, по крайней мере, не иметь тяжелых заболеваний. Если спустя несколько столетий одно из этих условий будет нарушено, то какой-нибудь сильный вампир-хозяин вроде Распутина сможет преодолеть ослабленную связь и даже ее устранить. — Он немного подумал. — Нарушение первого условия кажется мне маловероятным, поскольку новые вампиры просто не встанут, а Распутину это ни к чему, он возьмет себе новых слуг. Кроме того, хозяин сразу обнаружит чужой укус и захочет избавиться от таких слуг.

— А что должна будет делать сивилла?

Мирча пожал плечами.

— Есть много вариантов. Например, травить их ядом медленного действия. Они умрут, не успев понять, что сильно ослаблены, а яд прекратит свое действие, как только они восстанут из могил. Однако их связь с хозяином будет уже значительно слабее. Или же им дадут какое-нибудь сильнодействующее лекарство, которое после обращения превратит их в трусов-невротиков, каковыми они и останутся.

— Но как можно давать лекарство призракам? — спросила я. — И где сивилла возьмет яд?

— Там, где его обычно держат. Черный круг существует почти столько же, сколько и Серебряный — примерно с середины третьего тысячелетия до нашей эры, — и яд всегда был его любимым оружием. Черные рыцари легко получают то, что им нужно.

— Но почему они поверили Распутину?

Если этот вампир так силен, трудно поверить, что он сын простого русского крестьянина, родившийся в середине девятнадцатого века. Скорее всего, Распутин — это псевдоним, который некто взял себе, убив человека по имени Распутин, а потом с помощью колдовства заставил всех поверить в выдуманную им историю. Однако вряд ли он находился в замке Каркассон, когда там оказалась я. Сомневаюсь, чтобы Сенат пропустил такого

старого вампира.

— Потому что он связан с их современными двойниками, которые подсказывают, что нужно говорить, — пояснил Мирча. — Сивиллу могли отправить к черным магам с посланием, в котором их просят о помощи. Серебряный круг — наш давний союзник, а темные силы только и мечтают о том, чтобы нас поссорить.

Голова у меня шла кругом. Неужели Черный круг способен отсылать своих рыцарей в далекое будущее? Впрочем, это не моя проблема.

— А что же вы хотите от меня? Найти сивиллу и устроить с ней поединок по армрестлингу? Может быть, вам лучше заняться предстоящей дуэлью?

— Мы занимаемся, — мрачно ответил Луи Сезар. — Менее чем через двенадцать часов я должен встретиться с Распутиным и убить его. И я это сделаю, если еще буду здесь.

— Вы намереваетесь куда-то уехать?

Я хотела пошутить, но он не понял шутки.

— Возможно. Распутин согласился на дуэль, думая, что будет сражаться с Мэй Лин. Все посчитали, что, когда он узнает, что его противником буду я, он отступит. Но он не отступил, хотя и знает, что меня ему не одолеть.

Как он все-таки тщеславен, этот Луи Сезар, подумала я, но промолчала.

— Но Распутин не сможет воздействовать на вас энергией, — вместо этого сказала я. — Вы вампир первого уровня, а он недостаточно силен, чтобы противостоять вам. Даже если бы он ослабил вашу связь с бывшим хозяином, это ничего бы не изменило. Тактика, которую он использует в отношении других вампиров, с вами не пройдет.

— Верно, но, проникнув в прошлое, он сможет сделать так, что я не стану вампиром. Понимаете? Меня вообще не будет.

Я немного подумала, стоит ли упоминать об очевидном. Потом решила рискнуть.

— Не хочу вас обижать, — осторожно начала я, — несомненно, ваша рапира — прекрасное оружие, но вам не кажется, что консул могла бы выбрать кого-нибудь другого? Она возглавляет Сенат уже две тысячи лет и должна хорошо знать людей.

— Согласен — К счастью, Луи Сезар не обиделся. — Если я откажусь от поединка, она назначит кого-нибудь другого.

— Тогда в чем проблема?

— Проблема в том, — сказал Мирча, — что Распутин не проиграл ни одной дуэли. У консула большой список претендентов, однако никто не может быть уверен, что справится с таким ловким магом, как Распутин. Луи Сезар выиграл больше боев, чем все претенденты, вместе взятые. Он должен участвовать в дуэли и должен победить.

— А в чем будет состоять моя роль? — спросила я, испытывая нехорошее предчувствие.

— Нам нужно следить за тем, *dulceatā*, чтобы Распутин не изменил время. Мы хотим, чтобы ты проникла в прошлое и не позволила ему помешать обращению будущего победителя.

— Как она это сделает? — спросил Томас, опередив меня. — Как помешает произнести слова проклятия?

Луи Сезар взглянул на Томаса как на сумасшедшего.

— Какого проклятия?

— Разве не из-за него ты стал вампиром?

— Ты прекрасно знаешь, что нет!

В этот момент в окне мелькнуло серое облачко; это был Билли-Джо.

— Я что-нибудь пропустил? — спросил он.

— Вы оба сошли с ума, — заявила я. — Жаль нарушать чьи-то планы, но я вовсе не собиралась умирать ни ради консула, ни ради кого бы то ни было. — На что это вы намекаете? Да, я забрала Томаса с собой. Да, это произошло по ошибке, но если и Черный круг знает, как это делать, то давно этим пользуется. Кто-то специально заставил цыганку повстречать Луи Сезара, но это была не я. Вы что, не понимаете, что, путешествуя во времени, я могу столкнуться с Распутиным, а я вовсе не дуэлянтка!

— О чем речь? — повторил Билли, но я не обратила на него внимания.

— Ты забрала с собой Томаса, когда переселилась в его тело. Сивилла этого не умеет. Это сказал нам Приткин, *dulceatā*.

— Приткин — идиот, — отрезала я. — Мы не знаем, каким образом получилось так, что Томас последовал за мной в прошлое. Возможно, все произошло из-за того, что я к нему прикоснулась. А что, если это умеет и сивилла?

Билли завис перед моим лицом, и на комнату словно накинута прозрачное покрывало.

— Нужно поговорить, Кэсс. Ты не представляешь, что я обнаружил у Данте!

Я приподняла бровь, но промолчала. Мне не хотелось волновать вампиров. Мы с Билли поговорим позднее.

— Консул назначила меня вторым дуэлянтом, после Луи Сезара, — глянув на меня, сказал Томас. — Я справлюсь с Распутиным.

Я просияла. Все, что угодно, лишь бы мне не пришлось встретиться лицом к лицу с этим сумасшедшим монахом.

К сожалению, Мирча не был столь уверен в Томасе.

— Извини, мой друг; я не сомневаюсь в твоих способностях, но как умеет драться Распутин, я видел, а ты — нет. А там, где речь идет о моей жизни, я предпочитаю надежность.

Билли отлетел в сторону и подбоченился.

— Ну ладно, теперь говорить буду я, а ты слушай. Я забрался в голову той ведьмы, которую ты освободила; потом она сбежала вместе с пикси. Так вот, выяснилось, что Тони и Черный круг продавали колдуний эльфам, а знаешь, где они их доставали? В смысле, белые рыцари тотчас бы заметили, если бы пропало сразу несколько колдуний.

Я посмотрела на Билли. Говорить с ним сейчас было примерно то же самое, что сидеть с открытым ртом в зубокабинном кресле и слушать болтовню гигиениста. В любом случае отвечать Билли я не могла.

— Я убью Распутина, — твердо заявил Томас, но Луи Сезар лишь фыркнул, словно чихнул кот, и что-то буркнул по-французски.

— Сто лет назад ты меня не убил. Не думаю, что с тех пор ты стал сильнее.

— Просто тебе тогда повезло! Этого бы не случилось, если бы была еще одна дуэль.

— Мне не нужна дуэль, — сердито сказал Луи Сезар. — Ты и так мой.

Я заморгала в растерянности. Может быть, я что-то пропустила, пытаюсь участвовать сразу в двух беседах? У хозяина и слуги связь сильнее, чем та, что была между Томасом и Луи Сезаром. Черт, да если бы Тони попытался убить Мирчу, он не стал бы с ним разговаривать.

— Разве твоего хозяина зовут не Алехандро? — спросила я Томаса.

— Бывшего хозяина. Меня обратил один из его слуг, но вскоре после этого Алехандро его убил и на его место взял меня. В то время он уничтожил одну империю в испанских

владениях Нового Света и нуждался в воинах. Мы победили, и он создал новый Сенат, однако его тактика не изменилась. До сих пор любое возражение он воспринимает как вызов, любую просьбу быть милосерднее — как угрозу. Когда я стал достаточно сильным, я бросил ему вызов, и у меня бы все получилось, если бы не вмешательство извне.

Я с удивлением взглянула на Луи Сезара.

— Вы дрались?

Француз кивнул.

— Томас захотел возглавить Сенат Латинской Америки. Их консул попросил меня драться вместо него, и я согласился. Томас проиграл.

Последние слова он произнес, слегка пожимая плечами, словно ничего иного и быть не могло. Жаль, что Луи Сезар не проиграл ни одного поединка, — это пошло бы ему на пользу. Наверное, трудно справляться со столь непомерно раздутым эго. Хотя, с другой стороны, если бы он тогда проиграл, то сейчас был бы мертв, а вместе с ним и все мы. Пожалуй, быть чуточку надменным не так уж и плохо. К тому же теперь понятно, почему так ослабла связь. Слуги получают силу от побед хозяина; самые тесные узы — кровные.

— Ты бросил вызов? — встрепенувшись, спросила я. — Но для этого ты должен был быть хозяином первого уровня! — Я знала, что Томас силен, но чтобы настолько... И значит, Луи Сезар сделал своим рабом вампира первого уровня. Никогда бы не подумала!

— Томасу более пятисот лет, мадемуазель. Его матерью была жена вождя племени инков, — небрежно пояснил Луи Сезар. — Потом пришли европейцы; она попала в плен к испанцам, была изнасилована кем-то из людей Писарро, и в результате на свет появился Томас. Он рос в то время, когда эпидемия оспы уносила одного за другим индейских вождей; когда эпидемия улеглась, выяснилось, что инками некому управлять. Томас собрал остатки нескольких племен и попытался дать отпор испанцам; так он попал в поле зрения Алехандро. Хотя он и бастард.

Томас глухо зарычал, и Луи Сезар, бросив на него взгляд, сказал:

— Я использую технический термин, Томас, поскольку я и сам бастард, ты же знаешь.

— Я этого никогда не забуду.

На этот раз волны энергии схлестнулись сильнее; как назло, я оказалась посередине. Мне показалось, что на меня обрушились два потока воды.

— Хватит! Перестаньте! — завопила я.

— Прошу прощения, мадемуазель, — сказал Луи Сезар и слегка поклонился. — Вы правы. Своего слугу я накажу позже.

Томас ответил ему высокомерным взглядом.

— Ага, попробуй.

— Томас! — в один голос воскликнули мы с Мирчей.

— Осторожнее, Томас, — угрожающе произнес Луи Сезар. — Ты же не хочешь, чтобы наказание было еще более... суровым?

— Ты ребенок по сравнению со мной! Я был уже хозяином, когда ты еще не был обращен!

— Вот как? — произнес Луи Сезар, и в его глазах блеснула сталь.

Билли помахал бледной рукой перед моим лицом.

— Ты меня слушаешь или нет? Последние новости!

— Потом, — отмахнулась я, но он не отставал.

— Это потрясающе, Кэсс! Черный круг похищал колдуний тайно, выбирая тех, кому

было суждено умереть молодыми — из-за несчастного случая, в застенках инквизиции или еще как-то. Они похищали ведьму в последний момент и переправляли ее эльфам, не беспокоясь о том, что ее могут хватиться. Кто станет разыскивать человека, попавшего в лапы инквизиции? Сама понимаешь, оттуда мало кто выходил. Чистая работа, и договор соблюден.

— Но как они узнавали? Как можно узнать, что кто-то скоро умрет? Если только...

В это время Мирча бросил на меня какой-то странный взгляд; я ответила ему невинной улыбкой. Нет, это ошибка. Даже вампир-хозяин не может увидеть призрака.

— Ведьму, которую ты освободила, в ту же ночь похитила группа черных магов, — продолжал рассказывать Билли. — Цыгане всегда держались подальше от обоих кругов, так что черные не боялись, что белые рыцари поднимут тревогу.

Я нахмурилась. Мне все еще было непонятно, как колдунья оказалась в нашем веке, если ее похитили люди из ее времени, но кого я могла об этом спросить?

Тем временем Мирча продолжал гасить вспыхнувшее было пламя.

— Позвольте напомнить, что, пока вы тут цапаетесь, время уходит и вместе с ним уходят ваши шансы на победу. Хватит ссориться, ссора может подождать, а вот наше дело — нет.

— Но мадемуазель не хочет нам помочь, — сказал Луи Сезар, проведя рукой по волосам. Наверное, этот жест означает у него волнение. Я заметила, что его рыжие локоны стали темнее. Что это — игра света или результат сотен лет, проведенных без солнца? — Этого я и боялся. Заставить ее мы не можем.

Мы с Мирчей переглянулись.

— Он это серьезно? — не удержавшись, спросила я.

Мирча вздохнул.

— Он всегда был такой; это его единственный недостаток.

Он улыбнулся, а я сразу вспомнила Тони — он улыбался точно так же; обычно эта улыбка означала: «Хватит болтать, пора переходить к делу». И тут я вспомнила, какие поручения Сената выполняет Мирча. Он — дипломат, отвечающий за все переговоры. Ходили слухи, что свою должность он получил благодаря своему происхождению — его семью уважали во всем мире. Вероятно, во время переговоров было приятно оказаться рядом со столь известной личностью, как бывает с обычным человеком, которого сажают рядом с кинозвездой, однако на Мирчу это не производило ни малейшего впечатления и уж никак не отражалось на результате переговоров. Нет, Мирча получил этот пост исключительно благодаря своему уму и порядочности и был одним из лучших представителей Сената за всю его длинную историю. А уж меня он знал как облупленную.

— Что ты хочешь за свою помощь, *dulceat*? — спросил он. — Безопасность, деньги... голову Антонио на серебряном блюде?

— Последнее звучит заманчиво. Но мне этого недостаточно.

И мы, забыв обо всем, приступили к делу, то бишь к торгам. Стоит ли говорить, что в случае отказа Мирча меня убил бы? И сделал бы это, ведь у него не было выбора. Откажись он меня убивать, Сенат нашел бы ему замену, и другой действовал бы, не раздумывая. Примерно так же, как Джек. Конечно, мне не нравилось мое будущее поручение, однако по сравнению с вечером, проведенным в компании Джека, это было все равно что съездить на пикник. Но и упускать свою выгоду я не собиралась. В конце концов, мы живем в условиях рынка. А кого еще можно просить о помощи, как не меня?

Мирча задумался: может быть, стоит разыграть приступ ярости? Ведь я запросила жизнь одного из его старейших вассалов. Я закатила глаза.

— Не волнуйся. Голова Тони — не самая большая цена, и ты это прекрасно знаешь. Он предал тебя, ты все равно обязан его убить.

Мирча улыбнулся.

— Верно. Но ведь тогда и твоя проблема будет решена?

— Но для тебя это сущая безделица. Разве твоя жизнь ничего не стоит?

— Что еще тебе нужно, моя прекрасная Кассандра?

Он шагнул вперед, и его глаза сверкнули. Я поставила между нами стул.

— И не пытайся.

Он усмехнулся.

— В таком случае назови свою цену.

— Вы хотите, чтобы я вам помогла? Расскажи, что случилось с моим отцом.

Раф испуганно пискнул и широко раскрытыми глазами уставился на Мирчу. Тот вздохнул и покачал головой. Мне было жаль Рафа: ну не умеет он скрывать свои чувства. Я начала обыгрывать его в карты, когда мне было восемь лет; с тех пор он не стал играть лучше. Заметив хмурый взгляд Мирчи, он сжался, но дело было сделано. Разумеется, Мирча попытался увильнуть, а как же иначе?

— С твоим отцом, *dulceatā*? Он погиб при взрыве. Ты поэтому хочешь отомстить Антонио?

— А что тогда говорил Джимми? Он сказал, что знает, где мой отец.

Мирча пожал плечами.

— Ну, раз Джимми сам занимался твоим отцом и знает все, что с ним произошло, то почему ты его об этом не спросила, *dulceatā*?

— Потому что не успела — Приткин проделал в нем дыру.

Мирча улыбнулся, и я вновь вспомнила Тони.

— Это и есть твоя цена?

Я взглянула на Рафа, он смотрел на меня. Затем собрался что-то сказать, но на его плечо легла рука Мирчи.

— Нет-нет, Рафаэль. Не стоит давать Кассандре информацию, которую она еще не заработала. — Он улыбнулся. — Значит, договорились?

Я взглянула на Билли, который плавал под потолком, нетерпеливо поглядывая на меня. Поскольку он молчал, я решила, что его новости не слишком важные и, следовательно, не могут повлиять на мой выбор. Увидев мое сердитое лицо, Билли моментально испарился. Как всегда. Прежде чем соглашаться на условия Мирчи, я хотела кое-что выяснить, но что я могла сделать? Трудно поднимать цену, когда ты заранее со всем согласен и покупателю это известно. У меня не было выбора, поэтому можно сказать, что Мирча даже проявил щедрость, предложив мне самой назвать цену. Зная, что поручение я все равно выполню, он решил позаботиться о моем душевном настрое — все-таки дела пойдут лучше, если я буду спокойна. А может быть, он просто меня любит. Нет, думать об этом опасно.

— О'кей. Договорились. Рассказывай.

— Погоди немного, *dulceatā*. Во-первых, следует известить консула. Томас, ты не будешь столь любезен? Она, возможно, даст дополнительные инструкции. — На лице Томаса появилось упрямое выражение. — Даю слово, что мыждемся твоего возвращения. Ты ведь отправишься вместе с Кэсси?

— Да, — ответил Томас, с вызовом глядя на меня, но я молчала.

Если мне предстоит встреча с Распутиным, пусть уж рядом будет тот, кто показал, что умеет постоять не только за себя. Даже если все полетит к черту — встречать смерть лучше в компании. Томас хотел что-то сказать, но замолчал, когда Мирча взял меня за плечо.

— Ну, Томас? — с нетерпением произнес Луи Сезар.

Бросив на него гневный взгляд, Томас вышел, с силой захлопнув за собой дверь.

— Кроме того, нам понадобятся «слезы», так, на всякий случай, верно, Луи Сезар?

Тот кивнул и вышел вслед за Томасом.

— Какие еще слезы?

— Ничего страшного, уверяю тебя, — ободряюще улыбнулся Мирча. — «Слезы Аполлона» — это один древний напиток. Его используют для вхождения в транс. Абсолютно безвреден.

— Зачем он мне? Раньше я им не пользовалась.

— И быстро теряла энергию. Он поможет тебе, Кассандра. Помни, мне жизненно необходимо, чтобы все прошло хорошо. Я не лгу, поверь.

Этим словам я верила больше, чем целому потоку заверений в искренней любви и заботе о моем благоденствии; я коротко кивнула. Я выпью эти чертовы «слезы», я сделаю все, что от меня потребуют.

Мирча взглянул на Рафаэля.

— Будь любезен, посмотри — одежду принесли? Кэсси, наверное, надоел тяжелый халат. — Он загадочно улыбнулся. — Пользуйся моментом, дорогая.

Раф немного замялся; было видно, что он не хочет оставлять меня наедине с Мирчей, однако он послушался и пошел выполнять приказание. Заперев за ним дверь, Мирча обернулся ко мне; взгляд его был серьезен.

— А теперь приступим к настоящим переговорам, моя Кассандра.

Я бросила на Мирчу настороженный взгляд.

— Я не твоя Кассандра.

Он начал расстегивать рубашку.

— Дай мне немного времени, *dulceatā*, и мы это выясним.

С этими словами он сбросил рубашку и швырнул ее на диван. Под ней был голый торс.

— Что ты делаешь? — спросила я, выпрямившись в кресле.

Сердце бешено застучало, хотя Мирча не сделал ничего особенного. Однако он загоразивал дверь, и в его лице читалось напряжение.

Теперь Мирча снимал свои тщательно начищенные туфли.

— Жаль, что у нас так мало времени, *dulceatā*. Я уже давно мечтаю придать новый оттенок нашим отношениям, однако такого хода событий не предвидел. Впрочем, — он снял носки и положил их рядом с туфлями, — я уже понял, что когда имеешь дело с тобой, нужно быть готовым к неожиданностям.

То же самое я могла бы сказать и о нем.

— Перестань, Мирча. Лучше объясни, что ты собираешься делать.

Молча глядя на меня, он расстегнул ремень брюк.

— Полагаю, тебе не хотелось бы попасть в руки рыцарей Черного крута?

— Не хотелось бы. А зачем ты раздеваешься?

Вместо ответа Мирча крадучись — другого слова не подобрать — подошел ко мне и упал на колени. В его взгляде читалась мольба.

— Думай об этом как о спасении, *dulceatā*. Я твой рыцарь, который явился, чтобы избавить тебя от опасности.

Я чуть не прыснула.

— Не слышала ничего смешнее.

Мирча сделал вид, что страшно рассердился. Я невольно улыбнулась.

— Ты ранишь меня в самое сердце! Уверю тебя, что когда-то, в старые времена, как принято говорить, я был рыцарем.

Я задумалась; в общем-то, он прав. Настоящие рыцари в тяжелых блестящих доспехах были совсем не такими, как изображаются в легендах. Большинство из них занимались в основном выжиманием денег из крестьян, а не спасением прекрасных дам.

— О'кей. А кто ты сейчас?

Мирча не ответил, но его глаза приобрели темно-янтарный цвет. Такими они были, когда он в ярости набросился на Приткина, но ведь сейчас он был спокоен! Мирча медленно вытащил из своих длинных темных локонов платиновую заколку.

— Круг требует тебя, *dulceatā*, и мы не можем им отказать — таковы условия договора. Будь ты простой смертной, твой вампир-хозяин просто заявил бы на тебя права, и на том все бы закончилось, но ты — великая прорицательница. Приближенные Пифии строго следят за такими людьми.

Его волосы темной волной рассыпались по плечам. Резкий контраст между темными как ночь локонами и белоснежной кожей завораживал.

Заметив, что я им любуюсь, Мирча понизил голос до шепота.

— Когда-то тебе очень нравились мои волосы, dulceatā, помнишь? Будучи ребенком, ты любила заплетать их в косы. Среди свиты Антонио я расхаживал разряженный, как кукла. — Он взял мои руки и положил их себе на плечи. Прикосновение его кудрей было подобно прикосновению шелка; не знаю, что мне нравилось больше — чувствовать под руками нежный шелк его волос или его твердые плечи. — Мне нравилось играть с тобой, дорогая. — Он поцеловал мою руку. — Мне и сейчас нравится, когда ты прикасаешься ко мне.

Я слегка приоткрыла свою магическую защиту, чтобы выяснить, не пытается ли Мирча, как совсем недавно Томас, оказать на меня воздействие, однако его энергия была спокойна. Ощущения полного счастья и блаженства, как в прошлый раз, сейчас не было. Думаю, что Мирче это было и не нужно. Он ласково потерся щекой о мою руку; я знала, что сейчас он чувствует все, даже биение моего пульса. Я сглотнула.

— Чего ты хочешь, Мирча? — спросила я, плохо соображая, что делаю.

Его руки скользнули по моему халату и крепко сжали мне талию. Не знаю, когда он успел развязать пояс, но халат слегка распахнулся, обнажив полоску тела от шеи до живота. Я хотела запахнуться, но Мирча удержал мою руку, прижав ее к губам, затем нежно провел по ней языком, словно пробуя кожу на вкус. От внезапно захлестнувшего желания у меня перехватило дыхание.

— Мирча...

— Ты знаешь, какой у тебя вкус, моя Кассандра? — тихо спросил он. — Такого я еще не испытывал. Ты пьянишь, как старое вино. — В тишине комнаты слышалось его тяжелое дыхание. — Ты даже представить себе не можешь, как опьяняет меня твой запах, — говорил он, легонько водя пальцем по моим ребрам. Не слишком сексуальное прикосновение, и все же я затаила дыхание. — Как мне хорошо с тобой.

— Мирча, пожалуйста.

— Все, что хочешь, — прошептал великий дипломат, почти прижав губы к моим губам. От их мягкого прикосновения я задрожала. Кажется, он что-то говорил о настоящих переговорах. Где же условия сделки? — Ты получишь все, что у меня есть. — Он провёл пальцем по моему телу от шеи до живота. У меня по коже побежали мурашки.

Чтобы сбросить с себя ощущение полнейшего блаженства, я попыталась рассердиться.

— Хватит, Мирча! Ты же знаешь, я ненавижу подобные игры!

— Это не игра, — ответил он, раздвигая мне ноги. Халат пополз вверх, но я не могла его одернуть, поскольку мне мешал стоящий на коленях Мирча. Я хотела оттолкнуть его, но это было все равно, что оттолкнуть гранитную статую, — Ты хочешь, чтобы я тебя уговаривал? — спросил он, глядя на меня сверкающими глазами.

— Нет, я...

Я беспомощно оглянулась, ища глазами Билли, но он куда-то смылся. Вот черт!

— Хорошо, буду уговаривать, — пробормотал Мирча; он был так близко, что я чувствовала его запах. От него пахло не дорогими духами, как я ожидала, а чистотой и свежестью, как пахнет воздух после дождя. — Я буду умолять... — продолжал Мирча, лаская мои икры, — с большой охотой... — его руки поднялись до моих колен, — с радостью... — тут он прикоснулся к моим бедрам и начал водить по ним ладонями, — и страстью... — его руки замерли на бедрах, слегка их сжав, — если тебе это нравится.

Он прижался лицом к моему животу, и мои руки, словно двигаясь сами по себе, начали гладить его кудри. Я положила ладони ему на плечи, и тогда он начал целовать мое тело, медленно поднимаясь вверх, к шее. Я тряхнула головой, пытаюсь прийти в себя, но его губы

прижались к моим, и от этого поцелуя меня словно пронзила молния. Затем Мирча вновь принялся целовать меня, медленно продвигаясь в обратном направлении. Меня обдало холодным ветром, когда он полностью распахнул мой халат, голова немного прояснилась, однако трудно думать в тот момент, когда тебя охватывает наслаждение.

— Ты прекрасна, *dulceatã*, — бормотал Мирча, жадно лаская мое тело, — такая нежная, такая красивая...

Его руки были столь горячи, что могли оставить на теле ожог. От его дыхания, коснувшегося моего соска, я вздрогнула, как от удара током, а прикосновение языка, когда Мирча начал целовать мою грудь, погрузило в блаженство, граничащее с болью.

— Мирча, пожалуйста... объясни, что происходит? В ответ он легко подхватил меня на руки и понес в спальню. Махнул рукой — и шторы на окне плотно задернулись сами собой. Бережно уложив меня на кровать, Мирча начал расстегивать брюки.

— Серебряный круг требует, чтобы мы отдали тебя, Кэсси. Антонио говорил им, что ты погибла вместе с родителями, но несколько лет назад, когда ты впервые начала использовать свою энергию по-настоящему, они об этом узнали. В свое время именно их защиту передала тебе мать; с тех пор они тебя ищут. Пока ты остаешься обычной ясновидящей, они имеют право забрать тебя; так они поступают со всеми колдунами-людьми. Оспорить их притязания — значит оказаться на грани войны. — Ну все, — сказал Мирча, сбрасывая брюки, — почти ничего не осталось.

При виде Мирчи в черных шелковых плавках я сильно смутилась, кроме того, мозг упорно сверлила мысль о том, что мою судьбу решает самое могущественное сообщество магов на земле, которое, судя по всему, меня еще и ненавидит.

— Не понимаю, — сказала я.

Мирча осторожно забрался на кровать, и я быстро отодвинулась как можно дальше. Улыбнувшись, он игриво потянул за краешек халата, в который я плотно завернулась.

— Ты прекрасна в любом наряде, *dulceatã*, но я предпочел бы обойтись без халата. Если бы я знал, что все пойдет по такому сценарию, я бы нарядил тебя во что-нибудь более подходящее. — Он нежно погладил меня по ногам. — Обещаю исправить свою оплошность при первой возможности.

— Мирча! Ответь мне! — сказала я, отодвигаясь. Он сел, печально глядя на меня.

— И откуда я заранее знал, что с тобой будет непросто? — со вздохом сказал он. — *Dulceatã*, это должен быть один из нас. Мне показалось, что лучше всего ты реагируешь на меня, но если ты предпочитаешь кого-то другого... конечно, мне это будет неприятно, но что поделаешь, придется согласиться.

— О чем это ты? — спросила я, сердясь, что он продолжает меня игнорировать.

— Томас не просто охранял тебя, Кэсси. Да, охрана была его главной задачей, но вместе с тем ему было велено позаботиться о том, чтобы в случае чего притязания круга могли быть оспорены. — Мирча приподнял бровь. — Кажется, я начинаю понимать, почему Томас не справился.

— Я... что ты делаешь?

Отбросив назад густые локоны, Мирча начал гладить свой торс. Красивый мужчина, ничего не скажешь — гладкая безволосая грудь, выпуклые мышцы, тонкая талия. Его руки скользнули от сосков к плоскому животу, а оттуда — к единственной одежде, которая еще оставалась на его теле. Там они задержались, затем дразнящим движением скользнули вниз, к темным волосам, которые начинались под пупком, и исчезли под черным шелком.

Странно было видеть темные волосы и розовые соски на фоне светлой кожи его торса.

— Что делаю, dulceatā? — с невинным видом спросил Мирча. — Пытаюсь тебя соблазнить.

Внезапно он взял меня за руки и начал поглаживать их большими пальцами.

— Хочу сделать тебе одно предложение. Я буду отвечать на твои вопросы, но с одним условием: один ответ — одна ласка, какую ты сама позволишь. Согласна?

— Что? Не могу поверить, что ты это сказал!

Мирча усмехнулся.

— Ты не оставляешь мне выбора, Кэсси, — с озорной улыбкой сказал он. — Ты смотришь, ты желаешь, но при этом не позволяешь к себе притронуться. А я хочу тебя, очень хочу. — Его руки вновь скользнули к черным плавкам. Увидев, что я продолжаю лишь молча глазеть, он вздохнул. — Но мои чары на тебя, как видно, не действуют, поэтому я предлагаю сделку. И в качестве залога отвечу на твой первый вопрос. Круг имеет право распоряжаться тобой, пока ты обычная сивилла; иное дело, если ты станешь Пифией. Тогда ты выходишь из-под их контроля, Кэсси, даже, можно сказать, становишься их повелительницей. Приткин солгал. Избранная сивилла, наследница Пифии, должна оставаться невинной лишь в годы своей юности; наверное, для того, чтобы не подпасть под чье-либо влияние. Однако она не должна оставаться таковой вечно. Древние источники сходятся на одном: в Дельфах главной жрицей выбирали именно взрослую и опытную женщину, поскольку, как выяснилось, у невинных девушек энергия слабее. — Мирча вновь улыбнулся и прижал мои руки к своей плоти, которая ощутимо напряглась. — Никто не знает, почему так происходит, но энергия не перейдет к девственнице, Кэсси.

Я молча таращилась на него.

— Ты шутишь.

Теперь понятно, почему все вокруг, кроме Рафа, одевались так, словно собрались на фотосессию для журнала «Плейгёрл».

Мирча не ответил, но его опытные руки начали поглаживать мои колени; наверное, догадался, как это на меня действует.

— Мы хотели, чтобы все прошло как можно спокойнее, поэтому послали к тебе Томаса, против которого — как бы это выразиться? — не может устоять ни одна женщина. Но ты оттолкнула его, несмотря на все его старания. — Мирча коротко рассмеялся. — Мне кажется, ты задела его гордость, dulceatā. Не думаю, что до этого ему кто-то отказывал.

— Он мог бы применить силу, — сглотнув, сказала я.

Мирча посерьезнел.

— Да, — легко согласился он, — и тогда я вырезал бы его сердце, как сказал ему перед тем, как отправить к тебе. — Его руки скользнули вверх, к моим бедрам, и сжали их. — Ты моя, Кэсси. Я отправился бы к тебе вместо Томаса, если б знал, как сильно нас будет тянуть друг к другу. Однако должен признаться — до сего дня я не смотрел на тебя как на женщину. К тому же не знал, как ты отнесешься к столь откровенному интересу со стороны «дяди Мирчи».

— Я никогда не называла тебя дядей.

И никогда не считала дядей. Одиннадцать лет — совсем юный возраст, однако и в этом возрасте можно пережить сильное увлечение, а я пережила его по полной программе. Казалось, с тех пор ничто не изменилось, по крайней мере, для меня. Я ни секунды не сомневалась, что Мирча не испытывает ко мне никаких чувств, просто я была им нужна, и

потому он изображал страсть. Больно было думать, что и Томас действовал по приказу консула и того же Мирчи, но меня это не удивляло. Так уж сложилась моя жизнь — везде и всегда меня старались использовать в своих целях.

— О чем еще солгал Приткин?

Мирча хмыкнул.

— Это допрос, *dulceatā*?

Я нервно сглотнула, когда его руки начали нежно ласкать мои бедра. Заметив мое замешательство, он вздохнул.

— Не бойся меня, Кэсси. Клянусь, ты не почувствуешь ничего, кроме наслаждения.

— Ты ответишь на мой вопрос?

— Разве я когда-нибудь не сдержал своего обещания?

Я кивнула, и Мирча улыбнулся. Затем уселся на пятки и сказал:

— Да, насчет Приткина. — Он немного подумал. — Честно говоря, *dulceatā*, он не лгал, а скорее уклонялся от ответа. Он не лгал, когда говорил, что, если сивилла становится на путь зла или погибает, власть переходит к кому-нибудь другому. Однако он лгал, когда отрицал — весьма неубедительно, — что она выберет тебя, когда ты станешь... соответствовать.

— За что круг меня так ненавидит?

В комнате зазвенел веселый смех Мирчи.

— Они тебя ненавидят, потому что боятся. Никто не смеет приказывать Пифии. Круг обязан защищать ее и выполнять ее приказы; но впервые за всю историю появилась девушка, обладающая этой властью с рождения, даже не пройдя специального обучения. Ты не станешь игрушкой в их руках, как были до тебя все остальные. Ты будешь использовать силу по собственному усмотрению, то есть выйдешь из-под контроля рыцарей.

С этими словами он снял с себя плавки и отбросил их в сторону. Проводив их глазами, я отвела от Мирчи взгляд.

— Я знаю, что сказал тебе черный маг, Кэсси. Он сказал тебе правду, но, как водится, не всю. Мифическая Кассандра была единственной прорицательницей, которая никому не подчинялась. Она сбежала даже от Аполлона, и все для того, чтобы никто не смел ею командовать. Круг боится, что ты оправдаешь свое имя.

— Ты хочешь сказать, что за мною охотится целая армия Приткинов? — с ужасом спросила я.

Хватит с меня четверки вампиров-хозяев, причем один из них — знаменитый дуэлянт, который к тому же чуть меня не убил.

— Ну, не совсем так. Если ты будешь достаточно послушной, они попытаются перетянуть тебя на свою сторону. Приткин не лгал, когда говорил, что Пифия умирает и больше не в состоянии контролировать свой дар. Круг потерял наследницу и теперь обязан либо ее вернуть, либо найти ей замену. Но перед ними стоит дилемма — они не хотят, чтобы власть перешла к тебе, но кто знает, к кому она перейдет, если тебя устроят? Возможно, к их адепту, а возможно, что и к какой-нибудь самозванке, о которой им ничего не известно. Если пропавшая сивилла вернется или если ты окажешься несговорчивой, тебя могут убить — или попытаться установить над тобой контроль. В любом случае, *dulceatā*, тебе лучше оставаться с нами.

Сомнительное удовольствие, но если все члены круга похожи на Приткина, вряд ли мне захочется иметь с ними дело.

— Что ты хочешь этим сказать? Мы занимаемся любовью, и вдруг — блямс! — я становлюсь Пифией?

Мирча весело рассмеялся.

— Это уже другой вопрос, и ты должна за него заплатить.

— Чего ты хочешь? — спросила я, твердо глядя ему в глаза.

Он мягко улыбнулся.

— Многого, Кассандра, но сейчас я ограничусь одним — посмотри на меня.

— Я смотрю.

Ответом мне было молчание. Я вздохнула. Вообще-то я не стыдлива. Рафаэль часто приводил к себе голых натурщиков, к тому же нагота нередко является у вампиров наказанием, и я привыкла видеть голых людей. Но Мирча не был каким-то там незнакомцем, это был тот самый Мирча, что внезапно из недостижимой мечты превратился в самую что ни на есть реальность. Я не боялась смотреть на него, как он подумал, просто я изо всех сил сдерживалась, чтобы не броситься в его объятия, поскольку мне нужно было получить ответы на все вопросы, так что созерцать его роскошное тело, до которого я не смела дотронуться, было для меня, если хотите, настоящей пыткой.

Я облизнула губы и покорилась неизбежному. Мой взгляд скользнул по его тонкому лицу, великолепно очерченным губам, прямым сильным плечам, по груди, животу и вниз — к темным волосам, которые еще недавно так притягивали мой взор. Тело Мирчи было прекрасно — словно ожила одна из тех мраморных статуй, что создавали великие греческие скульпторы. У Мирчи все было красиво, как все красиво и пропорционально у обнаженного греческого бога. Его член находился в полуприподнятом положении, но под моим взглядом он начал увеличиваться в размерах. Мирча был великолепен.

Я слышала его прерывистое дыхание.

— Как ты можешь доводить меня до такого состояния одним только взглядом? Дотронься до меня, *dulceatā*, или позволь мне дотронуться до тебя, пока я не сошел с ума.

Что ж, возможно, я ошиблась — хоть Мирча и соблазнял меня по приказу консула, ему это явно нравилось. Это придало мне смелости.

— Ответь на мой вопрос, — решительно заявила я, хотя мой голос был больше похож на шепот.

Он со стоном перекатился на живот, явив моему взору тугие ягодицы и крепкие плечи.

— Повтори, о чем ты спрашивала. У меня рассеялось внимание.

— Если я тебе отдамся, то стану Пифией?

— Этого я не знаю, и никто не знает. Сила перейдет либо к тебе, либо к исчезнувшей сивилле. Мы пока что держим тебя про запас, так сказать. Если Пифия умрет, а ты еще будешь девственницей, власть перейдет к твоей конкурентке.

— Ну и что? Если то, что я уже испытала, и есть часть ее власти, то остального мне не надо, большое спасибо.

— И помочь своему отцу тебе тоже не надо?

Я захлопала глазами. Как я могла об этом забыть? Что-то у меня с головой, не иначе.

— Ты обещал, что расскажешь о нем! Отец не входил в нашу сделку.

Мирча взглянул на меня; темные волосы падали ему на лоб.

— В тебе нет жалости, *dulceatā*. Кстати, ты не заплатила за последний вопрос.

— Расскажи об отце, и я, возможно, заплачу.

Мирча скатился с кровати и принялся ходить по комнате. Он не просто ходил, он

крался, как огромная лесная кошка.

— Очень хорошо, — сказал он и обернулся ко мне; в его глазах вспыхнул золотистый свет — Если ты настаиваешь, давай обсудим. Я не хотел тебе этого говорить, но ты меня вынудила. Роджер мертв, как тебе уже говорили. Мертв, но он не ушел.

— Ты хочешь сказать, что он стал призраком? — спросила я и покачала головой. — Это невозможно. Я бы сразу узнала. Он пришел бы ко мне — я жила у Тони несколько лет. Найти меня было несложно.

Мирча подошел ко мне, но я предостерегающе подняла руку.

— Роджер работал на Антонио и был его любимцем. Тони страшно расстроило его предательство; я имею в виду тот факт, что Роджер отказался выполнить приказ Тони — отдать тебя. Антонио не мог оставить Роджера в живых — это означало бы потерять лицо, но он не хотел и терять своего человека, вернее, его дар. Твое умение связываться с миром призраков у тебя от отца — он умел превращать призраков в своих слуг.

— Я никого не превращаю в слуг.

Мирча нетерпеливо махнул рукой.

— Называй, как хочешь. Достаточно сказать, что Антонио пользовался этим время от времени. Ты мудро поступила, что скрыла от него свои способности, dulceatā. Как-то раз я спросил его, есть у тебя этот дар или нет. Он ответил, что нет.

— Эжени велела мне это скрывать. — Только теперь я поняла почему. Конечно, иногда призраки бывают полезны, особенно если нужно пообщаться с умершими родственниками. Кроме того, это отличные шпионы, поскольку вампиры их не видят. Черт, да призрака можно было послать даже в Сенат! — А что было потом?

— Узнав, что ты унаследовала их дар, твои родители сбежали, чтобы не отдавать тебя Тони. Послав за ними в погоню лучших сыщиков, он связался с черными магами и подговорил их устроить твоему отцу ловушку — схватить его душу, когда она будет покидать тело. Им это удалось. Когда я узнал, что случилось с Роджером, то приказал Антонио немедленно его отпустить, но он все сделал для того, чтобы меня не послушаться, и подверг Роджера вечному наказанию в назидание остальным, хотя, как выяснилось, оставшись в одиночестве, твой отец утратил дар управлять призраками.

— Но Тони отпустил его! Ты же велел его отпустить!

— Антонио клялся, что это невозможно, и даже попросил меня привести любого мага, какого я захочу, чтобы тот попытался открыть ловушку. Я так и сделал. — Мирча смотрел на меня с жалостью. — Я нанял лучшего мага, Кэсси, потому что любил твоего отца. Но маг, который был членом круга, сказал, что таких заклятий он не встречал ни разу в жизни и что его энергии недостаточно, чтобы его снять. В результате дух твоего отца по сей день находится у Антонио.

Я онемела. Мне не хотелось в это верить, но я знала, на что способен Тони.

— Но ведь есть же какой-то способ снять заклятие!

— Это мог бы сделать Серебряный круг. Это пытался сделать мой помощник. Даже если бы заклятие было наложено кем-то из Черного круга, Серебряный все равно сильнее. Но они отказались, потому что презирали твоего отца за то, что он работал на нас, а также за то, что увез от них твою мать. Они не стали бы ему помогать, даже если бы об этом их просила консул, а вот если попросит сама Пифия...

— Тогда они не откажут?

Мирча сел рядом со мной. Я не сводила с него глаз.

— Возможно, хотя я в этом и сомневаюсь. Если власть перейдет к тебе, Кассандра, им придется проглотить свою гордость и добиваться твоего расположения. Когда выяснится, как это можно сделать, они освободят Роджера, хочется им того или нет.

Внезапно я оказалась на спине, и Мирча, став на колени, навис надо мной.

— А теперь, *dulceatā*, ты мне кое-что должна.

У меня осталось множество вопросов, но все они как-то разом забылись вместе со способностью говорить. Усадив меня, Мирча сорвал с меня халат и зашвырнул его в угол, словно халат его чем-то оскорбил, после чего принялся нежно поглаживать мои руки от кистей к плечам. Затем осторожно вновь уложил меня на спину, окинув взглядом мое тело с ног до головы. От его горящего взора мои соски сжались, тело напряглось.

Затем Мирча начал гладить его руками. Начав со щиколоток, он медленно продвигался вверх, лаская и дразня мою плоть. К тому времени, когда он добрался до колен, я извивалась, когда он начал ласкать мои бедра, я застонала, а когда сжал ладонями груди, у меня перехватило дыхание. Затем его руки скользнули по моей шее, по лицу, коснулись губ и запутались в волосах. Мне казалось, что мое тело горит в огне, но, судя по тому, как покраснелось перламутрово-бледное лицо Мирчи, он был возбужден не меньше, чем я.

Несколько раз сглотнув, он хрипло произнес:

— Если у тебя остались вопросы, Кэсси, говори скорее!

Я не была уверена, что смогу что-то придумать, но мне нужно было его отвлечь, поскольку еще немного — и я стала бы приемлемой кандидаткой в Пифии.

— Как вы меня нашли? — Он уже раздвинул мне ноги. Опасность надвигалась, а я вовсе не была к этому готова. — Мирча!

— Клянусь, что отвечу на твой вопрос, Кэсси, — ответил он, сверкнув янтарно-желтыми глазами, — потом.

— Нет! Так мы не договаривались.

С приглушенным стоном он повалился мне на ноги; его волосы упали мне на живот. Немного постояв на коленях, он, дыша тяжело и неровно, поднял голову. Его щеки пылали, темные глаза сверкали, но его больше не лихорадило. Голос Мирчи стал ниже, а акцент сильнее, когда он заговорил.

— Консул давно подозревала, чем занимается Распутин у нас под носом. Нападения начались сразу после того, как круг попросил МОППМ помочь найти пропавшую сивиллу, и тогда консул совершила один из своих знаменитых неожиданных ходов. Но что мы могли сделать? Только помогать поискам и надеяться, что сивилла найдется. Истинные сивиллы встречаются крайне редко, и мы считали, что другой, способной противостоять Распутину нам не найти. Вместе с тем мы продолжали держать в поле зрения тех, кто обладал даром, на тот случай, если сивилла умрет. У меня свой бизнес в Атланте, Кэсси. Я знал, где ты находишься, и, кроме того, ты была в списке тех, за кем мы следили.

Его взгляд остановился на моем лоне, я покраснела и хотела отбросить его руки, но он лишь крепче сжал меня и прижался губами к пульсирующей артерии. Я не чувствовала его клыков, но от прикосновения его губ в моем теле словно разлилось жидкое тепло, быстро превращаясь в бурный поток.

— Мирча, пожалуйста...

Сама не знаю, о чем я просила, но он лишь улыбнулся.

— Не бойся, я отвечу по полной, — сказал он и глубоко вздохнул. — А потом мы по полной насладимся друг другом. — Я изогнулась всем телом, и он закрыл глаза. — Кэсси,

пожалуйста, лежи спокойно. Вибрация... доставляет мне неудобство, а я должен собраться с силами.

— Я не говорила, что отдамся тебе, если ты ответишь на все вопросы! Это нечестно.

Мирча вздернул бровь.

— Прости меня, dulceatā, но как по-твоему, чем мы сейчас занимаемся?

— Ты понимаешь, что я имела в виду. — Я вздохнула, пытаюсь не обращать внимания на отчаянные мольбы своего тела. — Никакого сношения.

Мирча провел языком по моему колену, потом выше и остановился там, где я страстно, отчаянно желала, чтобы он остался. Подняв голову, он заглянул мне в глаза, но его дыхание продолжало обжигать мои самые интимные места. По моему телу пробежала дрожь, и Мирча крепче обхватил мои бедра.

— Ты хочешь меня так же сильно, как я тебя, dulceatā, так зачем отказываешься от наслаждения?

— Ты знаешь зачем. Дело не в наслаждении, а в том, что мне предстоит стать тем, кем я вовсе не хочу быть.

А ведь верно. Единственная причина, по которой я еще не отдалась Мирче, состояла в том, что я не хотела терять свободу; заниматься сексом в моем случае означало расстаться с ней надолго, возможно навсегда. Короче, куда ни кинь, всюду клин. Возможно, Сенат будет относиться ко мне лучше, чем круг, а Приткина Мирча превратит в тюремщика, но все равно это будет тюрьма. А вот если я не стану Пифией, то обо мне все скоро забудут.

— Но если сейчас ты не ответишь на зов природы, то как же потом убедишь круг освободить отца?

Я вздохнула. Выражаясь словами Шекспира, в этом и заключалась превратность судьбы. Я не хотела быть Пифией. Мою мать убили, а мне предлагают — если, конечно, оставят в живых — жить в золотой клетке. Приткин прав: я к этому не готова. Кто знает, смогу ли я делать предсказания? Мне не нужна сила, которая ко мне перешла, я не знаю, что с ней делать. Но с другой стороны, если я откажусь, как потом спасу отца? Я знаю, как мстителен Тони, который прекрасно понимает, что, держа в плену отца, мучает не только его, но и меня, и потому ни за что не согласится его отпустить.

— Я не отказываю тебе, Мирча, — честно призналась я. — Просто мне нужно немного времени. Потерпи.

Он поцеловал меня под пупком.

— Это нетрудно, Кэсси. Прикастаться к тебе — уже наслаждение.

— Тогда ответь на мой вопрос.

Он с удивлением взглянул на меня, затем рассмеялся.

— Если бы раньше кто-нибудь сказал, что я буду заниматься подобными вещами, я бы от души повеселился. Ничего, в следующий раз буду умнее.

Он начал гладить мне живот, и от его прикосновений по моему телу пробежала восхитительная горячая волна. Я вновь изогнулась всем телом; Мирче это понравилось.

— Моя прекрасная, страстная, dulceatā.

— Я не твоя.

Мирча хмыкнул.

— Напротив, ты всегда была моей. Уверяю тебя, я провел несколько лет в доме Антонио вовсе не потому, что обожал его общество.

Увидев мое изумленное лицо, он от души рассмеялся.

— Я услышал о твоём даре и приехал, чтобы взглянуть на тебя. Я знал, что талантливая ясновидящая будет прекрасным дополнением к моей свите, однако нужно было все проверить лично, прежде чем вступать в переговоры с Антонио. Едва увидев тебя, я понял, что, возможно, передо мной стоит будущая Пифия, однако нужно было все же подождать, пока ты вырастешь.

Он взглянул куда-то вдаль и вздохнул.

— Я совершил ошибку, не забрав тебя к себе, но я боялся, что не смогу уберечь тебя от внимания круга. Я приказал Антонио держать тебя при себе и скрывать твоё происхождение. Я собирался забрать тебя, когда ты станешь взрослой, но дела, как ты знаешь, приняли иной оборот.

— Подожди. Ты знал, что моих родителей хотят убить?

— Я узнал об этом, когда все было кончено. Честно говоря, тогда я не придавал этому большого значения. — Заметив, что я нахмурилась, он вздохнул. — А ты бы хотела, чтобы я солгал? В то время я еще не знал тебя, Кэсси, к тому же я не имею права вмешиваться в дела Антонио и его слуг. Он может поступать с ними, как хочет. Мне сказали, что в машине была еще и какая-то женщина, но поскольку у нее была фамилия мужа, я не связал ее с тобой. Прости меня, но хотя твой отец и был любимцем Антонио, это еще ничего не значит. Его жена — это одно, наследница Пифии — совсем другое.

— А я? Когда ты узнал, что у них есть ребенок?

Если сейчас он скажет, что сам передал беспомощного младенца в жирные руки Тони, я его возненавижу.

— Только через несколько лет, — серьезно ответил Мирча. — Во время разговора с Рафаэлем. Антонио прислал его ко мне с каким-то поручением, вот тогда он мне все и рассказал. Разумеется, я немедленно отправился с тобой знакомиться.

Я верила ему, и не потому, что мне просто этого хотелось. Мирча защитил бы моих родителей, если бы они прибежали к нему и попросили помощи. Он ни за что не позволил бы уничтожить такое ценное имущество, каким была для него моя мать. Гораздо проще было спасти ее и тем самым сделать Пифию и магов своими вечными должниками.

— Как меня нашел Тони?

Мирча усмехнулся.

— Действительно, как? Да через меня! Я ведь думал о твоей безопасности, а не о твоих планах в отношении моего бедного незащитного слуги. О том, что ты сделала с Антонио, писала чуть не вся пресса мира. Мои люди немедленно бросились тебя искать, а заодно и следить за слугами Антонио на тот случай, если они найдут тебя и случайно забудут об этом сообщить. Но нам повезло. Один из наших как-то задержался в Атланте из-за нелетной погоды, пошел побродить по городу и увидел тебя. Ты сидела в ночном клубе и гадала; тут он тебя и узнал, хотя последний раз видел, когда ты была маленькой девочкой. Он сообщил об этом своему хозяину, а тот продал информацию Антонио. К счастью, я опередил его — благодаря отлично налаженной службе разведки Сената.

— Марлоу.

— Совершенно верно, — сказал со смехом Мирча. — Этот человек творит чудеса, хотя отыскать тебя оказалось дьявольски трудным делом. Между прочим, он хочет с тобой повидаться. Говорит, что у тебя такой же изворотливый ум, как и у него, — редкий комплимент, учти это, *dulceatā*. Мы нашли тебя меньше года назад, но потом решили, что будет лучше просто следить за тобой, чтобы круг ничего не узнал и не принялся кричать о

нарушении договора — чем они сейчас, кстати, и занимаются. Консул выдерживает их натиск, но продлится это недолго. Мы не можем сражаться и с Черным, и с Серебряным кругом, Кэсси. Ты меня понимаешь?

— Да, — ответила я, вспомнив, сколько раз едва не получила сердечный приступ от страха, что буду схвачена людьми Тони; а теперь оказывается, что за мной следили люди Мирчи. — Мне было бы гораздо спокойнее, если бы ты пришел ко мне и все объяснил. — Мирча молча взглянул на меня; мы оба знали: ни один вампир-хозяин, тем более сенатор, не станет обсуждать свои дела со слугой. Дело слуги — слушаться; когда придет время, он все узнает, — Но как ты узнал, что Тони меня нашел? Тебе сказали твои люди?

Мирча печально улыбнулся.

— Нет, здесь нам повезло. Антонио приказал своему человеку всадить в тебя пару пуль, но Рафаэль об этом узнал и позвонил мне. Я велел ему прийти сюда. Антонио давно беспокоил меня, но разделаться с вампиром третьего уровня, даже если он чей-то слуга, не так-то просто. Другое дело, если бы он открыто ослушался меня и попытался тебя убить — тогда я совершенно законно убил бы его за непослушание. Я сообщил о тебе Сенату, и тот приказал Томасу быть рядом с тобой, поскольку, как тебе известно, сивилла-наследница исчезла. На случай каких-либо затруднений я приказал своим помощникам в Атланте следить за вами обоими, но они тебя упустили. Когда они подъехали к твоему офису, тебя уже не было.

— Но есть же телефоны, Мирча!

— Я пытался дозвониться до тебя, дорогая; я звонил тебе и домой, и на работу, но ты не отвечала. Честно говоря, ты нас сильно напугала. Мои люди оказались вовлечены в драку с четырьмя вампирами Распутина, которых он прислал за тобой. Не успели они разделаться с вампирами, как на вас с Томасом напали боевики Антонио. К счастью, ты справилась с ними и без нас.

Я пришла в замешательство.

— Ты хочешь сказать, что в ту ночь меня преследовали девять вампиров? — спросила я, сама не веря, что мне удалось выжить. Вампиры-хозяева погибали и от меньшего числа убийц. — Но, если Тони и Распутин союзники, зачем присылать за мной две разные группы боевиков?

Мирча улыбнулся.

— Я думаю, ты и сама понимаешь. Если говорить кратко, то Антонио, как только ты нашлась, послал за тобой пять вампиров девятого или десятого уровня. А Распутин, дабы укрепить тылы, добавил еще четырех хозяев. Думаю, он гораздо умнее Антонио. Он догадывался, что Сенат приставил к тебе охрану, и потому решил действовать наверняка. Ты единственная, кто может противостоять силе его энергии, дорогая, и он это знает.

У меня голова шла кругом.

— Выходит, когда я сбежала, боевики Тони ворвались в клуб, а люди Распутина — в мой офис? Кто же тогда оставил мне сообщение?

— Какое сообщение?

Я покачала головой. Как-то слишком сложно все получается.

— Да ладно, забудь. Значит, ты хочешь сказать, что теперь за мной охотятся все?

Мирча не ответил; опустив голову, он нежно провел языком по моему бедру. Его язык был горячим, а руки — мягкими, как бархат.

— Не знаю, как все, дорогая, но я точно за тобой охочусь. А теперь довольно

разговоров. — Он озорно улыбнулся. — Пришло время платить по полной.

Я попыталась быстро придумать новый вопрос, но это оказалось довольно сложным делом, особенно после того, как Мирча, сжав мои ягодицы, слегка меня приподнял. Наконец его язык достиг цели, и у меня сбилось дыхание. Мирча водил языком медленно, изучая и запоминая мое тело, и вдруг погрузил его на всю длину. Я вскрикнула и выгнулась дугой, не в силах что-то предпринять и чувствуя, как внутри меня возникает что-то огромное, но едва я подумала, что больше этого не вынесу, Мирча поднял голову.

Я хотела закричать от разочарования, но его губы прижались к моим губам, и я забыла обо всем на свете. Я провела руками по его спине, ребрам и крепким ягодицам. Он задрожал; ощущать на себе тяжесть его горячего тела было невыразимо прекрасно. Больше всего на свете мне хотелось почувствовать его внутри себя, хотелось так, как никогда в жизни. Однако, ощутив у себя между ног нечто горячее и твердое, я уперлась руками в грудь Мирчи.

— Нет, Мирча, ты же обещал.

Он хрипло засмеялся и поцеловал меня в шею.

— Я буду хорошим мальчиком, дорогая.

Не успела я сказать, что как раз это меня и тревожит, как то горячее и твердое полностью вошло в меня, осторожно, ничего не нарушая. Я была вся в поту, я умирала от желания; все это больше не казалось мне игрой. И тут я подумала, что пришло время вернуть Мирче должок.

Просунув руку между нашими телами, я схватила его член. Он оказался большим и толстым; Мирча сразу напрягся. Я слегка сжала пальцы, удивляясь нежности кожи, и Мирча закатил глаза. Сжимая горячую бархатистую плоть, я чувствовала себя невероятно сильной. Вспомнив, что делала с Луи Сезаром женщина в моем видении, я попыталась это повторить. Несколько ласкающих движений, и Мирча, издав приглушенный крик, содрогнулся с ног до головы. Сначала я подумала, что сделала ему больно, но член лишь увеличился в размерах. Усмехнувшись и глядя Мирче в лицо, я провела пальцем по кончику. На этот раз Мирча вскрикнул во весь голос и уставился на меня широко раскрытыми глазами.

— Кэсси, где... — он облизнул губы, — ты этому научилась?

Я засмеялась.

— Если я расскажу, ты не поверишь. — Я толкнула его в плечо. — Ляг на спину.

Он молча повиновался, и я легла на него, не разжимая рук и вместе с тем стараясь не причинить ему боли, помня, насколько чувствительна эта часть тела.

Сделав рукой то же самое, что он делал со мной языком, я нашла, что его тело восхитительно. Я много раз видела голых мужчин, однако впервые в жизни прикасалась к мужским интимным местам; сознание того, что это Мирча, заставляло мою кровь пульсировать с бешеной скоростью.

Кожа на яичках оказалась невероятно нежной на ощупь; я поглаживала их до тех пор, пока Мирча не застонал и не начал метаться. Все это мне ужасно нравилось — приятно было видеть, как Мирча стал совершенно беспомощным, как растрепались его всегда тщательно причесанные локоны, как покрылось потом лицо. Забавно было видеть, как он широко раскинул ноги, предоставив мне делать с ним все, что я захочу. Его беспомощность

возбуждала и придавала смелости. Не могу сказать, что я располагаю богатым репертуаром по части ласк, но память у меня хорошая, и я начала вспоминать все самое интересное, что проделывала с Луи Сезаром французенка. Усевшись у Мирчи между ног, я провела руками по его напряженным мышцам. Он потянулся ко мне, но я оттолкнула его руки.

— Подожди.

Он подчинился, хотя по его глазам было видно, что он явно не привык выполнять приказы. Я вновь взяла в руку член, который внезапно оказался у меня перед глазами. Мирча закрыл глаза, и на его лице появилось выражение полной растерянности. Я принялась поглаживать плоть, не понимая, откуда в глазах Мирчи такая боль, поскольку я вовсе не делала ему больно. «Кэсси...» Его голос сорвался. Я наклонилась и начала медленно водить языком по его напряженной плоти. Она была приятна на вкус — слегка солоновата, с привкусом дыма. Мне понравился и запах: от нее слегка пахло мускусом. У меня закружилась голова. Не имея опыта в подобных делах, я все же решила начать с кончика и продвигаться вверх. Я уже начала приводить план в действие, как Мирча вдруг дернулся, и я разжала руку.

— Кэсси, не надо. Я не могу себя контролировать, когда ты...

— Я сказала, лежи тихо, — прикрикнула я.

Мне было необходимо сосредоточиться, а для этого он должен был лежать спокойно и молчать. На лице Мирчи читалось полнейшее изумление.

— Я был уверен, что ты в этом ничего не смыслишь, — начал он, приподнявшись на локтях.

— Вот именно, не смыслю, — строго ответила я. — Так что лежи смирно, а то будет больно.

Он повалился на спину и закрыл лицо рукой. Что-то пробормотал по-румынски, но я не обращала на него внимания. Он знал, что я не понимаю его языка, а я, если бы не была поглощена процессом, могла бы и обидеться. Итак, я вернулась к тому, что заставляло Мирчу стонать. Когда я принялась работать губами и языком, Мирча лежал уже спокойнее, только его тело чуть подрагивало. Кончик мне понравился больше всего, хотя его вкус показался несколько горьковатым. Стоило посмотреть, как, вцепившись руками в края кровати, Мирча изо всех сил старался подавить стон. Тогда я решила выяснить, что же заставит великого Мирчу полностью потерять над собой власть.

Забрав в рот побольше плоти, я как бы случайно слегка сжала зубы — и вот тогда у Мирчи вырвался громкий крик. Уяснив, что крик означает полнейшее блаженство, я начала чередовать легкие укусы с поглаживанием языком, и вскоре Мирча уже не кричал, а тихо подвывал, словно не сознавая, что делает. Спустя несколько минут, когда я спустилась ниже, к яичкам, я обнаружила, что Мирча по-настоящему ослаб. Должно быть, это было самое чувствительное место, а может быть, напряжение оказалось слишком велико. Не успела я понять, что происходит, как он схватил меня за бедра и усадил на себя так, чтобы мы могли соединиться. Это было так невероятно хорошо, так верно и правильно, что я едва не ответила на его зов. Но тут во мне заговорил разум, я вспомнила о цене и откинулась назад.

От резкого движения я потеряла равновесие и скатилась с кровати. Через секунду надо мной возникло недоуменное лицо Мирчи, который, свесившись с матраса, уставился на меня, распростертую на прикроватном коврикe. Я закрылась халатом, и глаза Мирчи потемнели.

— Я своими руками разорву этот чертов халат! — гневно заявил он.

Его голос был хриплым, глаза дико сверкали. Я быстро обернулась в халат, как в одеяло. Он, конечно, не шел ни в какое сравнение с горячим телом Мирчи, но думать все-таки легче, когда на тебе есть одежда. У меня прерывалось дыхание, кружилась голова, я хотела Мирчу, и все же я отодвигалась от него до тех пор, пока не уперлась в окно.

— Мы в расчете, Мирча, — сказала я.

Он сел. Видимо, он совсем забылся, поскольку его набухшая плоть сразу напомнила о себе. Мирча поморщился, но продолжал смотреть на меня горящими глазами, в которых металась янтарные, коричневые и багровые отблески. Его потемневшие глаза были так прекрасны, что мне захотелось подбежать к нему и броситься в его объятия. Я ухватилась за подоконник и почувствовала, как обожгла меня магическая защита. И все же она была холодной по сравнению с моей кожей, пылавшей, как в огне.

Мирча провел рукой по лицу; его рука дрожала. Затем взглянул на меня.

— Кэсси, пожалуйста, не делай этого. Я тебе все объяснил, ты знаешь, что стоит на кону. Я хотел, чтобы тебе было хорошо и чтобы потом ты меня не ненавидела. Мы обязаны это сделать. Ты же не тот глупый маг, который ничего о нас не знает. Пожалуйста, не усложняй дело. Тебе понравится.

— А если я скажу «нет»? — Внезапно наступила тишина. В комнате плавали волны энергии, как плавают над пустыней потоки горячего воздуха. — Ты возьмешь меня силой?

Мирча сглотнул и целую минуту неотрывно смотрел на коврик. Когда же он вскинул на меня глаза они вновь приобрели свой обычный темно-карий цвет.

— Давай говорить начистоту. Я мог бы затуманить твое сознание и заставить тебя делать то, что нужно мне. Но если бы я так поступил, то навсегда утратил бы твое доверие. Я слишком хорошо тебя знаю; я знаю, как ты относишься к предательству. Ты не можешь простить лишь измены, а я не хочу становиться твоим врагом.

— Значит, я могу идти? — спросила я, заранее зная ответ.

— Ты сама все понимаешь, — со вздохом сказал Мирча; внезапно его лицо как-то осунулось. — Если этого не сделаю я, консул назначит кого-нибудь другого. Я знаю, что одно время тебя тянуло к Томасу, но я также знаю, как он тебя обидел. Он предал тебя, хотя и действовал по приказу, которого не смел ослушаться, и я не думаю, что ты его простила.

Я прижала руки к груди.

— Да.

Было время, когда я верила Томасу, желала его и, может быть, была в него влюблена. Но то был мужчина моих грез, а не реальный человек. Теперь он казался мне чужаком. Я не хотела к нему прикасаться. Кроме того, он посмел воздействовать на мой разум. Пусть по приказу Сената, но ведь если тот прикажет ему вновь, Томас послушается.

— А может быть, тебе нравится Луи Сезар? Он красив. Хочешь его?

Мирча говорил каким-то странным голосом, и я подумала, что, наверное, отдать меня Луи Сезару было для него еще горше, чем Томасу. Наверное, потому, что француз был таким же полноправным членом Сената, как и он, Мирча. Неужели он действительно думает, что я очертя голову прицеплюсь к первому, с кем пересплю, и, забыв обо всем, полечу за ним в Европу? Если так, то Мирча меня совсем не знает.

— Нет.

Зачем мне человек, одно прикосновение к которому вызывает у меня кошмарные галлюцинации?

— Ну а Рафаэль? Конечно, он относится к тебе как к дочери, но если ты пожелаешь, он

все делает.

Я покачала головой. Кто угодно, только не Рафаэль. Ну как можно заниматься любовью с человеком, который смотрит на это как на работу?

— Так я и думал, — сказал Мирча. — В общем, положение таково: если ты отвергнешь нас, консул назначит одного из своих слуг, и я не уверен, что он тебе понравится. Выбора у тебя нет. Ты слишком для нас важна. Власть не должна перейти к кому-то другому только потому, что у меня не было времени как следует за тобой поухаживать. Я вскинула бровь.

— А что ты за это получишь, Мирча? Безопасность? Или почести? Неужели и ты просто меня используешь?

Мирча протяжно вздохнул.

— Пифия никому не подчиняется, Кэсси. Если власть перейдет к тебе, я не смогу тебя контролировать. Я всегда это знал.

— Тогда зачем ты меня охранял все эти годы? И зачем охраняешь сейчас?

Мирча прав: я ничего не смыслю в политике вампиров. Мирча защищал и оберегал меня, но явно не только для того, чтобы держать при себе ясновидящую. Особенно если учесть, что, став Пифией, я выйду из-под его контроля. Он явно чего-то недоговаривает.

— Ты знаешь, что значит потерять семью, *dulceată*, — устало ответил Мирча; в его глазах читалась боль. — У меня остался один Раду, а он... сама знаешь.

— Да.

— Я никогда тебе этого не говорил, потому что ты была слишком мала, но дело в том, что он по-прежнему страдает. Каждую ночь, проснувшись, он переживает случившееся вновь и вновь. Они сломали его, *dulceată*, сломали его разум, тело и душу. Даже сейчас, когда его палачи давно умерли, он кричит, словно чувствует на себе удары хлыста и раскаленного железа. Каждую ночь его пытаются вновь и вновь, и так без конца. — В глазах Мирчи стояла такая печаль, что я поняла: страдает не только Раду. — Много раз я хотел его убить, чтобы прекратить мучения, но у меня не хватает духа. Раду — это все, что у меня есть. Я уже перестал надеяться, что когда-нибудь он очнется от своих кошмаров.

— Прости меня, Мирча, — сказала я, подавив в себе желание подойти к нему и погладить его густые кудри. Нельзя, слишком рано. Опыт научил меня, что сначала следует выслушать историю до конца и уж потом выражать сочувствие.

— Ты побывала в Каркассоне.

Я на секунду замешкалась.

— А ты освободил Раду из Бастилии?

— Да, в тысяча семьсот шестьдесят девятом году. Но за сто лет до этого он находился в Каркассоне, где его пытали. — Слово «Каркассон» он произносил с невыразимым отвращением. — Ты знаешь, как именуется один из титулов Пифии? — (Я покачала головой.) — Ее называют Страж Времени. Ты мой единственный шанс, Кэсси. Если Пифия умрет, а ты еще не станешь тем сосудом, что примет в себя ее силу, я потеряю единственное окно во времени, какое у меня есть.

Ситуация прояснялась.

— Консул обещала, что предоставит тебе шанс помочь Раду. Вот чем тебя наградят за твою маленькую услугу.

Он склонил голову.

— Она разрешила мне войти в третью группу. Я пойду с тобой. Пока вы с Томасом будете спасать Луи Сезара, я попытаюсь освободить брата.

Глаза Мирчи были серьезны, но я знала: даже если он не станет принуждать меня сам, он будет стоять в стороне и смотреть, как это делает другой. Конечно, ему будет очень неприятно, но ради брата он пойдет на все. Как мне хотелось его ненавидеть! Но я не могла. Интересно, а что чувствовала бы я, если бы годами вынуждена была смотреть, как страдает мой безумный брат, и знать, что ничем не могу ему помочь? Но даже не это было главным; дело в другом — Мирча не лгал. Он прав: я прошу все, что угодно, только не ложь.

— Откуда ты знаешь, что мы туда отправимся? — Если сейчас он скажет правду, я должна буду ответить услугой за услугу. — Я больше не испытываю страха перед Луи Сезаром, как прежде. А когда он взял меня на руки, чтобы вынести из казино, у меня не было видений. Насколько я понимаю, энергия уже передана, иначе я бы вновь где-нибудь оказалась.

— Мы считаем, что Распутин попытается покончить с ним именно в ту ночь, в которой ты побывала уже дважды, поскольку именно тогда Луи Сезар и был обращен. Тебе известно, что обратил его мой брат?

— Но Томас говорил, что его кто-то проклял.

Мирча покачал головой.

— Не знаю, откуда он это взял, Кэсси. Наверное, решил так потому, что у Луи Сезара никогда не было хозяина. Как и я, он сам пробивал себе дорогу. Поскольку мой брат сидел в темнице, появление Луи Сезара было зарегистрировано значительно позже реальной даты. К тому времени, когда на него мог заявить права хозяин, он был уже достаточно силен. Первый укус Раду сделал в ту ночь, когда тюремщики вышли, чтобы оставить их вдвоем и тем самым помучить француза. Потом Раду кусал его еще дважды, после чего Луи Сезар стал вампиром. Может быть, Раду хотел завести себе слугу, который смог бы его освободить?

— И что было потом?

Мирча взглянул на меня с удивлением.

— Ты не знаешь, кем был Луи Сезар?

Я покачала головой, и он улыбнулся.

— Пусть сам тебе объяснит. Достаточно сказать, что он долго находился в заточении, а к тому времени, когда его выпустили, Раду перевели в другое место, и Луи Сезар не смог его найти. Как бы то ни было, Распутину достаточно сделать одно: проткнуть Луи Сезара колом до того, как Раду укусит его в третий раз, то есть убить его, пока он еще человек и незащищен, и таким образом устранить опаснейшего противника.

— А почему он не стал убивать его еще в колыбели или в детстве? Это ведь гораздо проще.

Мирча тряхнул головой.

— Мы считаем, что твой дар показывает тебе, в чем состоит проблема, когда кто-нибудь пытается проникнуть в прошлое и что-то изменить. Иначе зачем ты возвращаешься туда вновь и вновь? Записи, касающиеся прежней жизни Луи Сезара, довольно скудны. Распутин может отыскать его только после того, как Луи Сезар будет обращен. Об этом имеется официальная запись, где также указывается, почему у него нет вампира-хозяина. Распутин не станет рисковать и будет искать Луи Сезара там, где он точно должен быть. Я знаю, где держали Раду. Освободить его — дело нескольких минут.

— А ты знаешь точно, когда он потерял рассудок? Рядом с замком находится город, Мирча. Я не хочу, чтобы на его жителей набросился безумный убийца.

— Я уже говорил с Луи Сезаром, — быстро заговорил Мирча. — Когда Раду его

обратил, он был еще здоров. Помоги мне, dulceată. Обычно пытки прекращаются вместе со смертью или — в редких случаях — после вынесения оправдательного приговора, но только не для Раду. Его будут пытать вечно, поскольку палачи не верят, что кто-нибудь его выкупит. Но и убивать его они не станут, ибо его мучения — отличный урок для тех, кого нужно как следует запугать — В глазах Мирчи читались невыразимая боль и отчаяние — У него нет пути к спасению! Ты видела то подземелье. Неужели тебе совсем не жаль Раду? Неужели его жизнь не стоит твоей добродетели?

Меня волновала не моя добродетель, а моя свобода. Однако я была не настолько глупа, чтобы торговаться по этому поводу. Вряд ли консул отказалась бы от попыток завладеть мною, а став Пифией, я смогла бы не только избежать манипулирования со стороны Сената и обоих кругов, но и, возможно, спасти отца. Конечно, до этого было еще очень и очень далеко, но иного выхода у меня не было. Я глубоко вздохнула, повернулась к Мирче и сбросила халат.

Мирча внимательно смотрел на меня. Положив одну руку ему на плечо, другой я провела по его лицу.

— Ты ответил на все мои вопросы. Не хочешь получить за это награду?

Он привлек меня к себе и начал что-то говорить, мешая слова благодарности и любви. По моим щекам потекли слезы, когда он принялся осыпать поцелуями мою шею, грудь и все тело. Затем бережно уложил на кровать. Скоро мне уже хотелось плакать и умолять его, чтобы там, где находился его язык, было что-то другое, что могло бы унять желание, ставшее таким сильным, что граничило с болью. Словно прочитав мои мысли, Мирча просунул туда палец; мне стало немного легче, но все же я хотела не этого.

— Мирча!

Он не ответил, но внутри меня оказались два пальца, и я сжала их, отчаянно желая большего. Его пальцы облегчили мне боль и так усилили наслаждение, что, не выдержав, я издала пронзительный полукрик-полустон, извиваясь всем телом. Внутри росло какое-то напряжение; мне казалось, что еще немного, и я потеряю сознание, не вынеся острого наслаждения. Затем все внезапно прекратилось, и я затихла, испытывая невероятное, ни с чем не сравнимое наслаждение, которое горячими волнами прокатывалось по моему телу. Помню, как я крикнула: «Мирча!» — затем мир взорвался... и вдруг я услышала легкий шум ветра.

Через секунду до меня дошло, что это вовсе не ветер.

— Э-э... Кэсси. Слушай, я понимаю, что сейчас не время и все такое...

Сначала я ничего не поняла; затем до меня начало медленно доходить, что это голос Билли.

— Билли. Немедленно, сейчас же... убирайся вон!

Мирча крепко сжимал меня в руках, что-то бормоча по-румынски, пока у меня не закончился оргазм.

— Сейчас уйду, честное слово, но нам нужно поговорить. Кое-что случилось. Плохие новости.

Я застонала и попыталась вытолкнуть Билли из головы, но он вернулся и завис над голым плечом Мирчи.

Мирча осторожно лег на меня.

— Я подготовил тебя, Кэсси. Я сделал все, что в моих силах, — хрипло сказал он, — но тебе будет немного больно. Понимаешь, он у меня немного... великоват, но ты не бойся, я

осторожно.

Мне захотелось крикнуть, чтобы он перестал болтать и делал свое дело, а больно мне будет или нет, мне наплевать.

Билли взглянул на потное лицо Мирчи и закатил глаза.

— Видела бы ты меня в такие минуты. Графиня говорила, что у меня самый большой...

— Билли!

— ...талант в этих делах. Она такого никогда не видела. А у этого так себе... не впечатляет.

— Заткнись и убирайся вон!

Не обратив внимания на мои слова, Билли подлетел к Мирче и, обдав его ледяным дыханием, решительно заявил:

— Никуда я не пойду, особенно сейчас.

Мирча вскрикнул и обернулся.

— Ты что, рехнулся? — прикрикнула я на Билли. Вместо ответа тот снова подул на Мирчу холодным ветром. Лично на меня холод, который излучают призраки, почти не действует, но я — это я, а вот другие реагируют иначе. Мирча повел себя так, словно попал в снежный ураган, — его кожа покрылась мурашками, в мокрых волосах заблестели кристаллики льда; словом, получилось так, что, когда наше дело находилось на грани завершения, нас окатили холодной водой.

Едва я собралась объяснить Билли, что его ждет, как за дверь послышался встревоженный голос Рафа:

— Хозяин! Простите, что беспокою, но Распутин приближается! Он уже здесь!

Открыв дверь, Раф застыл на пороге, глядя в пол. За ним стоял Томас. Я быстро натянула на себя одеяло, но он на меня даже не взглянул.

Мирча медленно приходил в себя; наконец он кивнул.

— Сколько у нас времени?

— Не знаю. — В глазах Рафа читался ужас. Я еще никогда не видела, как заламывают руки, но Раф, по-видимому, это и делал. — Луи Сезар вышел ему навстречу, но этого русского *testa di merda*^[17] сопровождает целая армия оборотней и черных магов! И в ней столько вампиров-хозяев, что нас могут вытащить на солнце!

— Сенат готовится к обороне, но нас значительно меньше, — добавил Томас. — Никто не ожидал, что штурм начнется накануне дуэли. Я могу отнести Кэсси вниз, в подземелье; оно должно выдержать, по крайней мере, в течение какого-то времени.

Не обратив на него внимания, Мирча поднял меня на руки вместе с одеялом и голый вышел за дверь.

— Мирча, — прошептала я, глядя в его мрачное лицо, и провела рукой по его влажным волосам. — Что происходит?

Он взглянул на меня, когда мы начали подниматься по лестнице, ведущей в зал заседаний Сената. На этот раз все железные светильники были развернуты и острые ножи-подставки были нацелены не в пол, а на нас. Я подумала, что это, наверное, вовсе не светильники; оставалось надеяться, что нас они считают своими.

— Не бойся, дорогая, — на ходу говорил мне Мирча. — Им не преодолеть внутреннюю защиту. К тому же у нас есть преимущество. Если Распутин не явится на дуэль и начнет штурм, сенаторы объявят его вне закона, и тогда ему конец.

— А что толку, если к этому времени нас уже не будет в живых?

— Скорее! — крикнул Томас и распахнул перед нами тяжелую дверь; откуда-то издалека послышался грохот взрыва. — Они прорвали внешнюю защиту!

Мимо нас в ту сторону, откуда раздался взрыв, пробежали несколько мужчин и женщин. На них было столько амуниции, что Приткин по сравнению с ними казался голым. По волнам энергии, исходившим от них, я поняла, что это маги-воины. Ну что ж, немного времени у нас есть.

— Ничего не бойся, Кэсси. Я сумею тебя защитить.

Я не ответила. Конечно, Мирча будет меня защищать, но ведь Распутин — сумасшедший, а сумасшедшие дерутся, не разбирая, что и как, тут и до увечья недалеко.

Приткин замыкал шествие, когда мы начали спускаться. Мы переглянулись.

— Что происходит? Что вы задумали? — спросил он.

Ему никто не ответил. Ступеньки дрожали под нашими шагами, светильники над головой опасно раскачивались.

— Vaffanculo^[18]! Вторая линия разрушена! — закричал Раф.

Я не знала, что это означает, но, взглянув в лицо Мирчи, поняла, что дела плохи.

— Это невозможно. Они не могли прорваться так быстро!

Мирча прижат мою голову к своей груди, и лестница внезапно закончилась. Мне показалось, что какую-то часть пути мы пролетели по воздуху. В зал заседаний Сената мы вбежали в тот момент, когда наверху вновь прогремел взрыв и на нас посыпались горящие куски лестницы. Одна пылающая щепка просвистела в миллиметре от моего лица; Мирча махнул рукой — и тяжелая железная дверь, через которую мы вошли, с лязгом захлопнулась. Раф испуганно оглянулся.

— Этого не может быть! — простонал он.

— Ты нужен наверху, необходимо восстановить защиту, — быстро сказал Томас Мирче. — Давай мне Кэсси!

Он хотел забрать меня, но Мирча молча отстранился и одним движением пересек зал. В стене появилась еще одна дверь — в том месте, где раньше были только гладкие камни. Я могла бы и не удивляться: зал строили колдуны, поэтому здесь наверняка было больше потайных дверей, чем видимых. Защита зала была превосходна — ни единой щели; теперь понятно, почему Джек так внезапно возник за моей спиной.

Послышался еще один оглушительный взрыв, и тяжелая железная дверь прогнулась и разошлась, словно была сделана из бумага. В образовавшийся проем влетел черный маг — и был мгновенно пронзен двумя пиками, взявшимися неизвестно откуда. Взглянув вверх, я увидела, что висевшие под потолком люстры также претерпели изменения, как и настенные светильники в коридоре. Сотни острейших пик вибрировали, издавая глухой угрожающий лязг, словно в унисон топали тысячи ног. Пики явно сгорали от нетерпения в ожидании еще одного противника.

Когда Мирча открыл очередную защиту, мы вбежали в длинный коридор. На его стенах горели светильники. Обычно электричество взаимодействует с линиями магической защиты, поэтому в воздухе слышалось легкое потрескивание. Мы прошли через три двери, окруженные такой плотной защитой, что я едва не вскрикнула от боли — мне показалось, что в кожу впились маленькие цепкие ручки. Последняя защита оказалась самой опасной. Ее сопротивление было столь сильным, что я начала терять надежду на спасение. Но Мирча

что-то резко скомандовал, и плотное заграждение открылось.

Мы оказались в маленькой комнате, от которой в разных направлениях отходили четыре коридора Мирча остановился так внезапно, что Томас едва на него не налетел.

— Мирча! Куда теперь?

— Как им удалось так быстро прорваться? — вновь спросил Мирча, и мне показалось, что он обращается ко мне.

Я подняла глаза — и не узнала Томаса. Передо мной было лицо незнакомого мужчины — худощавое, тонкое и прекрасное, словно отчеканенное на старинной монете. В его чертах ясно угадывались индейские предки; Томас больше не был тем мягким и нежным юношей, которого я знача прежде.

— Потом обсудим! Скажи, куда идти, Мирча!

Мирча улыбнулся, все так же глядя на меня.

— Кажется, я сваял дурака, Кассандра.

Я смущенно взглянула на мужчин. В комнате повисло напряжение. Это почувствовала и магическая защита: с каждой минутой воздух становился все плотнее.

— Давай же, Мирча! — повторил Томас. Сейчас не время умирать.

— Ну не скажи, — вкрадчиво ответил Мирча. — Кому-то умереть придется.

— О чем это вы? — с тревогой спросила я и хотела прыгнуть на землю, но Мирча крепче прижат меня к себе.

Мне ответил Раф; голос его звучал резко.

— Мне кажется, Томас переметнулся на другую сторону, *mia stella* Что тебе обещали за измену, *bastardo*^[19]?

Томас усмехнулся; странно было видеть усмешку на этом каменном лице.

— А вы думали, я буду вечно ходить в цепях? Я хочу стать консулом! Я должен был возглавить Сенат Латинской Америки, если бы не вмешалась эта тварь! Я не позволю делать себя игрушкой в руках сопливого младенца!

— Ну хватит, хватит, — произнес Билли-Джо, витая над головой Томаса. — Теперь понятно, как черным магам удалось разрушить защиту. Томас предупредил, что их ждет. Наверное, ему до черта надоело прислуживать этому французскому парню. — Он оглянулся на меня. — Я сейчас вернусь.

— Еще немного, и они будут здесь, — сказал Томас, обращаясь к Мирче. — Не будь дураком, помоги нам, и тебя вознаградят. Даю слово!

— Кому нужно слово предателя? — отозвался Раф.

Я хотела попросить его не вмешиваться, но промолчала. Выражение лица Томаса напоминало лицо Тони, когда он находился в ярости, а в такие моменты с ним лучше было не связываться.

— Зачем тебе Кассандра? — спросил Мирча.

Глаза Томаса сверкнули.

— Мне ее обещали как часть награды. Не бойся, с ней ничего не случится.

Мирча презрительно рассмеялся.

— Кассандра может стать Пифией. Неплохой приз, Томас. Ты и в самом деле считаешь, что твой хозяин разрешит тебе владеть ею?

— У меня нет хозяина! — крикнул Томас, и я почувствовала, как в магическую защиту Мирчи ударил плотный сгусток энергии. Она содрогнулась, но выдержала. У меня

закружилась голова, зато Раф с криком повалился на пол.

— Раф! Мирча,пусти меня! — попросила я, но он не обратил на меня внимания.

Кажется, они с Томасом забыли обо всем на свете.

— Если Распутин убьет Луи Сезара не в честном поединке, ты ничего не выиграешь. Ты сам это понимаешь, Томас. Что ты задумал?

— Распутин будет драться с Мэй Лин, а не с Луи Сезаром. Он победит, и сенаторам придется признать его власть. Француз сумел вывернуться, когда мы с Кэсси спасали ту девицу, но скоро это уже не будет иметь значения.

— Что? — вскинулась я.

Зато Мирча, кажется, все понял.

— Ты себя выдал, когда сказал, что Луи Сезар был проклят. Но он не был проклят, и ты должен был это знать, потому что служил у него. Когда вы с Кэсси попали в прошлое, Луи Сезар еще не был обращен. Его прокляла цыганка, чью дочь он погубил. Ты ведь так думал?

Тут до меня начало что-то доходить.

— Ты шутишь, — сказала я Мирче, но он лишь бросил на меня предостерегающий взгляд, и я моментально заткнулась.

— Она была единственной дочерью, — сказал Томас, словно не заметив меня. — Король приказал убивать ее медленно и мучительно, чтобы как следует помучить своего брата, но родственники цыганки об этом не знали. Они считали, что Луи Сезар ее соблазнил, а потом убил, когда она ему надоела. Ее бабка была могущественной колдуньей и прокляла его, сделав вампиром.

Раф с трудом поднялся на ноги и хотел что-то сказать, но я отчаянно затрясла головой. Лучше не напоминать Томасу, что он в комнате не один.

Но он не замечал ничего вокруг.

— Когда я увидел, что Кэсси перенесла нас в то время, когда Луи Сезар был еще человеком, то понял, что у меня появился шанс обрести свободу. Я решил, что если мы освободим девицу, проклятия не будет, и Луи Сезар умрет, прожив столько, сколько живут люди. Конечно, он причинил мне много страданий, но в тот момент это было неважно. Пусть умирает, решил я, как все обычные люди; зря я так поступил, нужно было быть тверже. Не знаю, каким образом он все же стал вампиром, да и какое это имеет значение? — Он взглянул на меня. — Ты вернешь меня в то время, Кэсси, и я уже не повторю своей ошибки. Ты сможешь мне войти в его тело, чтобы я смог убить его.

Я молча уставилась на него. Неужели он и в самом деле считает, что я отвечу: «Да ради бога, какие проблемы?» Видимо, Томас такой же безумец, как и Распутин.

Но едва я открыла рот, как передо мной возник Билли-Джо.

— Кэсси! Они уже в зале заседаний. Если вы что-нибудь придумали, пора действовать.

— Что мы можем придумать? Мне нужно дотронуться до Луи Сезара, а его нет.

— Тогда придумай что-нибудь другое. Защита Сената ломается так, словно ее создавал какой-нибудь новичок, а все эти штучки в первом зале никого не обманут; маги знают, где ты, и будут здесь с минуты на минуту.

— Зачем вам нужна Кассандра? — спросил Мирча так спокойно, словно они с Томасом беседовали за чашкой чая. — Что вы можете ей предложить такого, чего нет у нас?

Томас взглянул на Рафа.

— Ну, скажем, жизнь старого друга. Кэсси, я гарантирую Рафу жизнь, если ты нам сможешь. Если же нет... Тони просил меня доставить ему Рафа. Он лично хочет

посчитаться с ним за то, что тот был информатором Мирчи. Ты понимаешь, что это значит?

— Я не понимаю другого, — ответила я. — Мы много месяцев жили с тобой в одной квартире. Если ты собирался меня предать, то почему делаешь это только сейчас? Почему, Томас?

— Я тебя не предавал! — горячо возразил он. — Подумай сама. Мирча едва тебя не погубил, а ты ему доверяешь. Разве он спасал тебя все это время? Разве он был рядом, когда на тебя напали? Я спасал тебя, а не он! Это я понял, что Распутин — наш единственный выход. — Томас бросил на меня умоляющий взгляд. — Неужели ты не понимаешь? Если Луи Сезар погибнет, я смогу бросить вызов Алехандро и уж на этот раз не проиграю! Служа хозяину, я растрачиваю много энергии, из-за этого мне не хватает сил сделать то, что я задумал. Но когда француза не станет, я избавлюсь от этого груза и спасу свой народ. И тебе больше никогда не придется опасаться за свою жизнь. Став консулом, я смогу больше, чем просто обещать защиту. Я смогу ее обеспечить!

— Ты говорил с Распутиным? Когда?

— После твоего первого видения, когда убедился, что ты можешь перемещаться в прошлое. Я позвонил Тони и сказал, что могу выдать тебя, но только Распутину. Он обещал сохранить тебе жизнь в обмен на мою помощь. Поскольку его интересы совпадали с моими, я согласился.

— Раф сказал тебе, что я отправилась искать Джимми, и ты сообщил об этом Тони, — сказала я, сама не веря своим словам.

Лицо Томаса немного смягчилось.

— Я должен был это сделать, Кэсси. Если бы не наша сделка, они все равно нашли бы тебя и убили.

— Меня едва не убили из-за тебя, Томас! Они устроили на нас засаду.

Он покачал головой.

— Я был там и не позволил бы тебя убить. Тебе ничто не угрожаю — мне нужен был Луи Сезар. Мэй Лин для Распутина не противник.

— Томас! — вскрикнула я, не в силах выносить его глупость. Ну как можно прожить половину тысячелетия и остаться таким тупицей? — Распутину я не нужна! Разве ты не знаешь? У него уже есть сивилла, которая ему служит. Распутину нужно одно — чтобы я умерла!

— Замечательно, мисс Палмер. — С этими словами в комнату вошел Приткин, держа в руках по пистолету. А я про него и забыла. И остальные, кажется, тоже. Не сводя глаз с Томаса маг сказал, обращаясь ко мне: — Похоже, мы стали союзниками — пока. Я его задержу, а вы все уходите, и побыстрее. Сюда идут десять черных рыцарей. Я устроил им несколько ловушек, но надолго они их не задержат. Через несколько минут маги будут здесь.

— Наша защита сдержит кого угодно! — гордо заявил Раф. — Предатель не мог выдать им пароли внутренней защиты; он их просто не знает.

Приткин ухмыльнулся.

— Можешь мне не верить, вампир, но мы вскрывали и не такие защиты. Если ваша сивилла немедленно что-то не предпримет, то умрет, и тогда Сенат будет вынужден взять ту сивиллу, что служит темным силам. — Продолжая следить за Томасом, он сказал мне: — Сделай что-нибудь, и побыстрее.

— Я не знаю, что сделать и как!

В отчаянии я провела рукой по волосам, словно хотела вырвать клочок... и вдруг пальцы

наткнулись на что-то твердое. Это была заколка, которую мне подарил Луи Сезар. Каким-то образом она до сих пор держалась в моих волосах. Я сконцентрировалась... и почувствовала легкое головокружение, слабый отголосок той дезориентации, которая обычно предшествует видениям. Заколка принадлежала Луи Сезару, он прикасался к ней, поэтому она могла бы послужить тем фокусом, на который я направила бы свою энергию. Но то ли я была слишком слаба, то ли заколка находилась у Луи Сезара недолго, только ничего у меня не вышло. Я нуждалась в помощи.

— Билли! Мне нужен напиток под названием «Слезы Аполлона».

— О'кей, а где его взять? Я взглянула на Мирчу.

— «Слезы»! Как он выглядит и где находится?

— Во внутреннем святилище. Маленькая хрустальная бутылочка с голубой пробкой. Но если мы туда войдем, Томас узнает дорогу. Эти четыре коридора — наша последняя защита. Три из них фальшивые и ведут к смерти. Четвертый выходит в комнату консула. Если она погибнет, наше дело проиграно.

Билли плавал над нами.

— Там только один настоящий проход, Кэсс. Остатные — волшебные штучки-дрючки. Я сейчас вернусь.

— Кэсси, не делай этого! — воскликнул Томас, гневно глядя на Мирчу. — Он никогда тебя не отпустит! Если тебе действительно нужна свобода, помоги мне. — Я покачала головой, и на его лице отразилось отчаяние. — Пожалуйста, Кэсси, не отказывай мне! Ты не понимаешь, Алехандро — это чудовище! Я умолял Луи Сезара отпустить меня, рассказывал, какие жестокости творит Алехандро и что он еще сделает, если его не остановить, но он меня не слушал.

— Я не верю, что он не захочет тебе помочь. Я могла бы...

— Кэсси! Если я не смог уговорить его за целый век, неужели ты думаешь, что он станет слушать тебя? Алехандро держит его в своих руках. У него есть то, что очень нужно Луи Сезару, поэтому он и выполняет все его приказы. Этого момента я ждал много лет, у меня нет иного пути. Алехандро должен умереть, и вместе с ним умрет его помощник.

Взглянув в горевшие лихорадочным блеском глаза Томаса, я поняла, что он не лжет. Может быть, он и в самом деле хочет стать консулом, но не менее этого он жаждет смерти Алехандро. Наверное, этого парня есть за что ненавидеть. Но кто я такая, чтобы решать?

— Я не стану торговать человеческими жизнями, Томас. Я не могу позволить тебе убить Луи Сезара. Я не господь бог, как и ты.

Томас махнул рукой в сторону Мирчи.

— Как ты не понимаешь, что он тебя использует? Если бы не твой дар, он даже не взглянул бы в твою сторону!

— А ты? Зачем тебе нужна я? Чтобы стать консулом?

Томас улыбнулся, и его лицо приняло мальчишеское выражение. Я снова видела моего Томаса.

— Ты знаешь, как я к тебе отношусь, Кэсси. Я дам тебе безопасность и покой. А что может дать он?

Я не успела ответить, потому что в комнату пуль влетел Билли, сжимая в руке маленькую хрустальную бутылочку.

— Надеюсь, больше ничего не понадобится, Кэсс, потому что я совсем выдохся.

Он бросил мне в руки бутылочку, которая оказалась довольно тяжелой.

Я вынула пробку в тот момент, когда Томас рванулся вперед, но не ко мне, а к Рафу. Приткин выстрелил, но сработала мощная защита комнаты, и пуля рикошетом полетела назад. Защита Приткина выдержала удар, но его пистолет превратился в расплюснутую массу, а самого мага с силой ударило о стену.

— Отдай мне «слезы», Кэсси, — сказал Томас, протягивая ко мне руку, в то время как другой рукой он держал Рафа за горло. — Мирча не может защищать всех одновременно, но я не хочу причинять вам вред. Помоги мне, и я отпущу его.

Мне не пришлось подбирать слова, чтобы найти ответ. Томас опять недооценил мага. Я думаю, он рассчитывал, что, оставшись без мощного магического оружия, Приткин окажется беззащитен, но он ошибся. Внезапно маг подскочил к Томасу и, молниеносным движением выхватив из кармана веревку, затянул на его шее. Гаррота — оружие грубое, но действенное.

Томас отпустил Рафа, и Мирча, не теряя времени, бросился к потайной двери, возле которой маячил Билли. Едва Раф проскочил за нами, как защита пала и в комнату хлынули люди. Что-то крикнув, Приткин оттолкнул Томаса. Крепко сжимая меня в руках, Мирча стремглав бежал по коридору. Я слышала, как за нами с шумом закрылась магическая защита. Последнее, что я успела заметить из-за плеча Мирчи, был Томас, которого повалили на землю и схватили за горло. Комнату заполнили вооруженные с ног до головы люди; мне не нужно было гадать, кто это, ибо с первого взгляда было видно, что это маги-воины. Повернувшись к ним лицом и злобно ухмыляясь, стоял Приткин; в этот момент коридор сделал поворот, и мы оказались во внутреннем святилище.

Это была маленькая комната, может быть, десять на двенадцать футов; стены, пол и потолок были сложены из голого камня. Комнату освещали два светильника, расположенные по обеим сторонам довольно простого металлического шкафа, место которому было скорее в каком-нибудь офисе, чем в подземелье обители волшебников. Посреди комнаты неподвижно, как статуя, стояла консул, держа в руке маленький серебряный шар. За распахнутыми дверями шкафа виднелись полки, уставленные черными коробками.

Не тратя времени на приветствие, я выплеснула содержимое бутылки на себя и Мирчу. Едва жидкость коснулась меня, как с глаз словно спала пелена. Я могла видеть каждый образ и воспринимать ощущения так ясно, словно перелистывала страницы книги. Мирча опустил меня на пол, и я уцепилась за него, как только мои ноги коснулись пола. Образы, витавшие у меня в мозгу, наслаивались один на другой, создавая что-то вроде двойного зрения, из-за чего меня слегка пошатывало.

— У вас не более пяти минут, — сказала консул так спокойно, словно мы говорили о погоде.

— Я знаю, — ответил Мирча и взглянул на меня. — Ты готова?

Я кивнула. Я уже видела сцену, которая была мне нужна. Два человека, и один из них — Луи Сезар.

— Я попытаюсь вселить нас с тобой в два тела, чтобы у нас было больше времени. Мы сможем впитывать энергию, как это делает Билли, только я не уверена, что у меня получится. Понимаешь, я никогда не делала этого специально, — сказала я и взглянула на Билли-Джо. — Давай.

— Слушай, Кэсси, я...

— У нас мало времени, Билли. — Я смотрела, как призрак входит в мое тело, с которым я, может быть, прощалась навсегда, и на секунду увидела Билли таким, каким он был бы, если бы был жив. — Если я не вернусь, постарайся покончить с Тони и освободить моего отца. Обещай.

Трудно сказать, смог ли бы Билли сдержать обещание; впрочем, когда он хочет, то становится на редкость изобретательным.

Он медленно кивнул. Затем превратился в облачко искрящейся энергии и окутал меня, как одеяло. Я приняла его с радостью, даже не обратив внимания на последнюю картину его жизни: он играет в карты и жульничает; наконец я почувствовала его у себя внутри. Пора было начинать. Сконцентрировавшись на сцене, которую сама выбрала, я вновь увидела полутемную комнату, ощутила легкое дуновение прохладного ветерка и почувствовала запах дыма, роз и секса. Затем земля ушла у нас из-под ног, и мы начали падать.

Удар о землю был таким сильным, словно я прыгнула со второго этажа, но я не обратила на это внимания, потому что меня затопила волна разнообразных ощущений. В тусклом свете свечи надо мной мелькнуло лицо Луи Сезара, и в следующую секунду мы соединились. Я вскрикнула от удивления, но не от боли. Я не почувствовала боли, как предупреждал меня Мирча, наоборот, это было прекрасно. Я смотрела, как он приподнялся, потом вошел в меня вновь, и мне захотелось одного — чтобы его движения были более быстрыми и сильными. Я царапала ему спину, но он не обращал на это внимания. Заглянув

ему в глаза, я увидела, что они стали восхитительного янтарного цвета, какого у Луи Сезара никогда не было — ни при жизни, ни после смерти.

Мне было трудно сосредоточиться, ибо мои мысли мешались с мыслями женщины, в чьем теле я находилась. Я видела лишь капельки пота на лице и груди мужчины — женщина захватила меня целиком. Запустив руку во влажные густые волосы Луи Сезара, я притянула его к себе. Он продолжал двигаться в том же ритме, лишь слегка изменил угол, и тогда мы оба издали стон. Я провела языком по его коже, пробуя ее на вкус, и его лицо расслабилось. Обхватив ногами его талию, я глубже втянула его в себя, напряглась, и Луи Сезар прерывисто вздохнул. Схватив его за волосы, я нагнула его голову и прижалась губами к его губам. Он вскрикнул и сбился с ритма.

Я засмеялась, и он вновь начал двигаться, словно никак не мог остановиться, будучи не в силах удовлетворить непреодолимое желание. Я понимала его, поскольку во мне росло двойное желание — мое собственное и той женщины, которой хотелось одного — удовлетворения; мне, кстати, тоже.

Высвободившись из его рук, я перевернула его на спину. Я улыбнулась от предвкушения. Он был великолепен; он лежал, распростершись на белых простынях, его волосы слегка поблескивали. Странно было видеть лицо Луи Сезара с глазами Мирчи, но меня это не беспокоило.

— Я хочу быть сверху.

Он не возражал. Его руки сжали мои груди, и я со вздохом устроилась на нем. Такое положение мне нравилось больше: приятно было смотреть на него сверху, хотя немного мешало двойное изображение. На меня смотрел Луи Сезар, на лице которого заиграла улыбка Мирчи, когда он вновь начал двигаться.

— Я же говорил тебе, Кэсси, — пробормотал он, — все, что хочешь.

Затем нас охватили волны блаженства, и мы больше не разговаривали. Через минуту мир вылился в невероятное, жидкое наслаждение, и я выкрикнула имя, но то был не мой голос и не имя мужчины, лежавшего подо мною.

Когда мир вновь принял свои обычные очертания, я обнаружила, что лежу в теплых объятиях, завернутая в одеяло, а моя голова покоится на вздымающейся груди мужчины. Его рука ласково поглаживала мои волосы, а я, кажется, плакала. Он что-то шептал, мешая французские и румынские слова; я ни слова не понимала, но мне было очень, очень хорошо.

— Кэсси, — этот шепот вернул меня из забытья, — ты и в самом деле умеешь переноситься в прошлое, — сказал Мирча, оглядываясь по сторонам. — А вернуть нас в наше время ты сможешь? Хотелось бы пораньше, чтобы успеть подготовиться к штурму.

Эти слова окончательно отстранили меня от женщины, которая в эту минуту купалась в золотистых волнах наслаждения. Я бросила испуганный взгляд на дверь, но она была плотно закрыта — ни пожилой дамы, ни стражников, ни русского психопата Распутина. Мы находились в безопасности, но кто знает, не направляется ли к нам отряд стражников?

— Мирча! Нужно немедленно уходить. Они же сначала явятся сюда!

— Кэсси, успокойся. Не паникуй. Сивилла знает, где искать француза. Они уверены, что сейчас он забыл обо всем на свете и потерял всякую осторожность. Они придут и встретят нас — Мирча встал с постели, подошел к зеркалу и взглянул на свое лицо, вернее, на лицо Луи Сезара. — Замечательно, просто чудо!

Затем оглядел свое новое тело. Чтобы увидеть спину, он повернулся ко мне, и я ахнула. Луи Сезар был сложен, как молодой бог, и столь же красив. Словно в комнату залетел

оживший ангел эпохи Ренессанса.

— Так это и есть знаменитая маска? — сказал Мирча, снимая с зеркала полоску черной материи, и приложил ее к лицу. — Историческая ценность, между прочим.

— Может быть, расскажешь о Луи Сезаре? — попросила я. — Или мне самой отгадывать?

Мирча рассмеялся и отбросил маску.

— Пожалуйста, — сказал он и присел на краешек низкого комода, стоявшего возле зеркала.

Жаль, что он не счел нужным хоть что-нибудь на себя накинуть. Я, конечно, старалась взять себя в руки, но мысли упорно путались.

— Ну так вот, слушай, если тебе интересно. Его отцом был Джордж Виллерс, которого ты знаешь под именем герцога Бэкингема. Во время своего визита во Францию он соблазнил королеву Анну Австрийскую, жену Людовика Тринадцатого. Видишь ли, Людовик предпочитал мужчин, отчего королева считала себя самой несчастной женщиной на свете, кроме того, у нее не было детей. — Мирча ненадолго задумался. — Так что очень может быть, что это она соблазнила герцога, а не он ее. Как бы то ни было, Анна забеременела. Видимо, Людовик о чем-то догадался, поскольку категорически отказался передать трон бастарду, в чьих жилах к тому же текла английская кровь. Однако Анна уже провозгласила его наследником престола, полагая, что лучше наследник-бастард, чем вообще никакого, тем более что никто не знал о его истинном происхождении.

В моей памяти начали понемногу всплывать уроки истории. Где-то я уже об этом слышала... А Мирча тем временем продолжал:

— Вскоре королева родила еще одного сына. Ходила молва, что его отцом был главный советник Анны, кардинал Мазарини. На этот раз обошлось без скандала; возможно, Людовик и сам понял, что без наследника ему не обойтись. В результате мальчик был провозглашен королем Людовиком Четырнадцатым. Однако его вовсе не радовало наличие сводного брата, который к тому же был очень похож на герцога Бэкингема. Во-первых, это ставило под сомнение добродетель королевы-матери, а во-вторых, вызывало подозрения по поводу его собственного происхождения, а следовательно, и права на трон.

— «Человек в железной маске!» — наконец-то вспомнила я. — В детстве я читала эту книгу. Но ведь все это выдумка?

Мирча пожал плечами.

— Дюма — писатель, а не историк. Он изображал события так, как ему хотелось, к тому же в те времена ходило много разных слухов. Короче говоря, король Людовик заточил Луи Сезара в темницу, под страхом смерти велел тюремщикам держать его в покорности. А чтобы сделать урок еще нагляднее, велел отвезти Луи Сезара в одну из самых страшных средневековых темниц Франции — подземелье замка Каркассон. В этой темнице король держал тех, кто хоть раз осмелился ему возразить. Но однажды утром, в тысяча шестьсот шестьдесят первом году, одна из самых мощных крепостей Средневековья внезапно опустела — все ее тюремщики и стражники были найдены мертвыми. С тех пор она так и стояла заброшенная; постепенно крепость развалилась, и никто не стал ее восстанавливать.

— Но Луи Сезар говорил, что в том году он еще находился в крепости! — сказала я, беспокойно оглядываясь.

Только этого сейчас не хватало — чтобы в комнату ворвался маньяк-убийца в сопровождении толпы вооруженных копьями и вилами людей.

— Да, за много лет он повидал много разных тюрем, — не обратив внимания на мои слова, спокойно продолжал Мирча. — Его освободили только после смерти брата. Наконец-то он смог снять свою черную маску, которая скрывала лицо, удивительно напоминавшее лицо некоего самовлюбленного герцога, чьи портреты красовались почти во всех королевских дворцах Европы. Луи Сезар говорил мне, что надевать железную маску ему стали после того, как он стал вампиром, да и то только во время переезда из одной тюрьмы в другую. — Мирча усмехнулся. — Ну, чтобы по дороге он кого-нибудь случайно не съел.

Я нахмурилась; сейчас было не время для шуток. Подняв с пола халат, я бросила его Мирче.

— Оденься. Нужно убираться отсюда.

— Я же сказал тебе, Кэсси, не паникуй, — ответил Мирча, поймав халат в воздухе. — Они придут сюда, а когда мы покончим с сивиллой, то освободим моего брата.

Я заморгала. Может быть, я ослышалась?

— Что ты хочешь этим сказать — «покончим»? Ее похитили, Мирча! Наверное, сейчас ей не лучше, чем мне.

Мирча вновь пожал плечами; его холодное равнодушие начинало меня пугать.

— Сивилла — наш враг, к тому же на ее счету смерть многих сенаторов. — Увидев выражение моего лица, он немного смягчился. — Прости, я все время забываю, что ты не вампир. — Это слово он произнес на румынский манер, и все же оно подействовало на меня как удар молотком. — Она наша главная проблема. Если ее не будет, никто больше не сможет перемещаться во времени, и, следовательно, опасность будет устранена.

Я встала и принялась собирать разбросанные по полу предметы женской одежды, попутно размышляя, что бы такое ответить Мирче. Я вспомнила о четырех убитых стражниках Сената. Должно быть, они прослужили у консула не одну сотню лет и были ее верными слугами, раз уж им позволили охранять зал заседаний. Они ни за что не напали бы на консула, если бы в дело не вмешались сивилла и такой могущественный маг, как Распутин. И уж конечно, стражники никогда не осмелились бы убивать меня на глазах у Сената, если бы кто-то не воздействовал на их волю. Впрочем, это их не спасло.

Законы вампиров просты и исполняются не менее строго, чем законы людей. Никому не интересно, почему ты сделал то-то и то-то. Если ты виновен, отвечай. Если ты поссорился с чужим хозяином, за тебя может вступить твой хозяин и уладить вопрос — если, конечно, ты того стоишь — путем дуэли или выкупа, но если ты прогневал Сенат, тогда за тебя не вступится никто и никогда. Выше Сената власти нет.

Примерно через минуту я оставила попытки определить, как нужно надевать те дамские вещи, что я нашла, и накинула на себя лишь прозрачную нижнюю сорочку; не ахти какая одежда, но лучше, чем ничего. Затем, забравшись под кровать, я достала оттуда дамские туфли и с удивлением принялась их разглядывать. Надо же, оказывается, высокий каблук — вовсе не современное изобретение. Непонятно, как женщины носили это пыточное устройство в течение нескольких столетий?

— Может быть, тебе помочь, dulceată? — спросил Мирча, держа в руках старинное цветастое платье. — Давненько я не помогал даме одеться, но, кажется, что-то еще помню.

Я прищурилась. Еще бы он не помнил. Можно себе представить, через сколько будуаров он прошел. Это за пятьсот-то лет!

— Ты забываешь, — сказала я, всовывая руки в рукава, — что даже если сивилла умрет, во времени все равно останется брешь.

Теплые руки Мирчи одернули на мне платье. Затем он поправил декольте и нежно провел рукой по моей груди.

— Пифия стара и больна, Кэсси. Она долго не протянет.

Я взглянула ему в лицо. В его глазах читались и нежность, и неумолимая решимость. Мирча желал, чтобы я приняла его точку зрения, но при этом упорно не хотел знать мою. Он уже все решил: найти сивиллу, убить ее и вернуться домой. Практично и жестоко.

— Но я-то еще поживу, — напомнила я. — Или ты и меня собрался убить, когда освободишь Раду?

Мирча вскинул на меня удивленные голубые глаза, но в них не было той наивности, что читалась во взгляде Луи Сезара. Повернув меня спиной, он принялся завязывать шнурки на корсете.

— Я уже говорил тебе, *dulceatā*: ты моя. Ты стала моей, когда тебе исполнилось одиннадцать лет. И останешься моей навсегда. Никто тебя и пальцем не посмеет тронуть, даю слово.

Как он похож на Томаса. Все ясно: так говорит каждый вампир-хозяин о своем слуге-человеке — как о собственности. Я для него — очень ценная и полезная собственность, и только. Неприятно, когда об этом тебе говорят просто и откровенно.

— А если я не хочу быть твоей? Что, если я сама хочу решать, что мне делать и как?

Мирча чмокнул меня в макушку.

— Как же я смогу тебя защитить, если не буду знать, где ты находишься? — Повернув меня к себе, он взял мою руку и поцелован. Его глаза горели ярче свечей в комнате. — Надеюсь, ты это понимаешь?

Еще как. Меня ожидало тройное рабство: я стану рабой Сената, обоих кругов и Мирчи. Что бы он там ни говорил о почете и уважении, с которым относятся к Пифии, я навсегда останусь пешкой в чужих руках. Став Пифией, я навсегда потеряю свободу. Вот черт. А я-то надеялась, что метафизический секс не в счет.

— Конечно, понимаю.

Я села на постель, и Мирча начал натягивать на меня чулки. Пока он меня одевал, я думала о том, как спасти сивиллу, поскольку просить Мирчу оставить ее в живых было все равно бесполезно. Нужно сплавить его куда-нибудь на время, а самой найти сивиллу и выяснить, что заставило ее совершить то, что она совершила. В противном случае мой практичный вампир-любовник ее попросту убьет. Короче, пока эта проблема не будет улажена, покоя мне не будет.

Наконец была надета последняя подвязка. И тут мне в голову пришла одна мысль.

— Мирча, ты говорил, что твой брат обратил Луи Сезара. Вот почему нам с Томасом не удалось ничего изменить. Его не проклинала родственница Франсуазы, его укусил Раду?

— Да, похоже, французу была суждена такая судьба.

— В таком случае Распутину вовсе не нужно гоняться за Луи Сезаром. Если он убьет Раду, то некому будет обращать Луи Сезара, и он умрет, как простой смертный, а не станет вампиром-хозяином. Но для этого Раду нужно будет как-нибудь обездвигить, иначе они не смогут его удержать. К тому же убить беззащитного человека призраку намного легче, чем сражаться с сильным и свободным человеком.

Мирча побледнел.

— Какой же я дурак, Кэсси! Идем, скорее! Они, может быть, уже там!

Он потянул меня за руку, но я заупрячилась.

— Иди один. Если я ошиблась, то мне лучше встретить их здесь.

— Распутин — вампир-хозяин! Тебе с ним не справиться!

— Он хозяин в свое время, а здесь он всего лишь призрак. У меня есть тело, значит, я сильнее. К тому же им нужен Раду, а не я.

Мирча хотел что-то сказать, но передумал и быстро вышел. Прождав тридцать секунд, я тихо выскользнула из комнаты и свернула в тот коридор, где когда-то встретила толпу призраков. Они и сейчас были здесь, я чувствовала их присутствие, даже находясь в чужом теле. Я стояла посреди каменного прохода и чувствовала, как они окружают меня, обдавая ледяным холодом. Через секунду дверь, ведущая в пыточную камеру, со скрипом отворилась, и я вошла в подземелье, где вдоль стен толпились черные тени.

— Спрячьте меня, — прошептала я, — и я помогу вам.

Тени окружили меня, словно невидимый плащ, скрыв от взора изувеченной женщины, которая в этот момент показалась в дверях. Хотя ее ноги не касались пола, она передвигалась, словно летела по воздуху; я знала, кто ее несет. Я ждала, когда Томас спустится вниз, но тут у меня над ухом раздался чей-то шепот.

— Говорите по-английски, пожалуйста, — резко сказала я.

Находясь в теле француженки, я понимала по-французски, но сейчас мне было не до того. Передо мной возник Пьер. Его было очень плохо видно, но что тут поделаешь?

— Как это вы нас чувствуете, мадам?

Ну конечно, он меня не узнал.

— Долго рассказывать, да и времени нет. В общем, я хочу отомстить и, кажется, знаю как.

Через несколько минут я во главе армии призраков спускалась в подземелье. Я-то думала, что узнала все ужасы Каркассона, но, похоже, ошиблась. Жуткие камеры, которые я видела в свое первое посещение, показались мне детскими забавами по сравнению с тем, что предстало передо мной сейчас. Возможно, кто-то назвал бы их просто заброшенными каменными мешками; они располагались значительно ниже уровня воды и из-за сырости не могли использоваться даже в качестве складов. Но их наполняли призрачные следы пребывания людей, останки некогда могущественных призраков, живших здесь на протяжении многих веков.

Чтобы избавиться от кошмарных видений, нужно было усилить магическую защиту, но я не могла этого сделать, поскольку потеряла бы возможность общаться со своей армией. В результате на меня со всех сторон хлынули сцены загубленных жизней и страшных пыток. Я видела, как римские солдаты продолжали хлестать кнутами мальчика, хотя тот был уже мертв. Рядом на коленях стояла беременная молодая ведьма и умоляла палачей пощадить еще неродившееся дитя. Я изо всех сил старалась удерживать защиту, но видения прорывались там, где она была приоткрыта. Призраки были повсюду, они обступили меня со всех сторон. Они облепили стены, усеяли пол, витали в воздухе; их было так много, что он загустел и приобрел зеленоватый оттенок. Мне казалось, что я бреду в ядовито-зеленом тумане. Подземелье было озарено таким ярким светом, что мне не понадобился светильник, который я сняла со стены, пробираясь по коридору.

Однако худшее ждало меня впереди. Следуя за призрачными проводниками, я подошла к тяжелой двери, ведущей в крошечную каморку. Из-за двери слышались чьи-то всхлипывания. Как только лязгнул запор, плач прекратился. Дверь распахнулась — и передо мной предстал Луи Сезар. На секунду мне показалось, что я что-то сделала не так. На Луи

Сезара был накинута парчовый халат, но там, где поблескивало золотое шитье, виднелись какие-то темные пятна. Из укусов на его шее и груди струилась кровь, лицо было землисто-серого оттенка. Он узнал меня и зашатался, и если бы я его не подхватила, упал бы на землю.

Взглянув в угол каморки, я увидела там что-то темное, похожее на кучу тряпья. Приглядевшись, я различила фигуру, облаченную в плащ с капюшоном. Существо медленно подняло голову, и моему взору предстал заросший волосами скелет. Выпирающие кости туго обтягивала кожа цвета швейцарского сыра с плесенью; живыми оставались только глаза, горевшие лихорадочным огнем.

— Раду? — несмело спросила я.

Костлявая рука откинула капюшон. Я взглянула на того, кто когда-то носил прозвище Красивый, и меня затошнило. Его действительно обездвигили, только для этого не понадобились путы и цепи, ибо его попросту уморили голодом. Я не слышала, чтобы вампир мог умереть от голода, но существо, которое копошилось в углу, нельзя было назвать живым. Такого я не видела ни разу в жизни.

— Э-э... мы пришли спасти вас. Мирча вам об этом говорил? — Существо молчало. Надеюсь, подумала я, Мирча не ошибся, когда говорил, что Раду еще не повредился в уме. Честно говоря, я начала в этом сомневаться. — Нам... э-э... пора идти. Вы можете ходить?

— Не может, дорогая, — внезапно раздался тихий, безжизненный голос Мирчи. Он сидел на полу возле двери, прислонившись к стене. — Я отдал ему столько крови, сколько смог, но этого оказалось недостаточно. Он голодал в течение многих лет и поддерживал в себе жизнь, ловя случайно пробежавших крыс. К нему никто не заходил целыми неделями, а когда заходили, то начинали пытаться.

Я заставила себя еще раз взглянуть на скрюченную фигуру. Трудно было сказать, сколько он весил, но мне показалось, что я смогу нести его на руках, поскольку Раду состоял лишь из кожи и костей. Хотя, честно говоря, я бы предпочла к нему не прикасаться. Уже от самой мысли о том, что эти жуткие руки могут меня схватить, хотелось броситься вон из вонючей камеры, не говоря о том, что у меня не было никакого желания превратиться в обеденное блюдо. Возможно, у Раду нет сил, чтобы напасть на меня, но кто его знает, как он себя поведет, подойди я поближе. Не знаю, отчего — то ли от голода, то ли от худобы, но его клыки были хорошо видны, что также не прибавило мне смелости.

— Что будем делать?

— Сейчас, *dulceată*, дай мне несколько минут, — тяжело дыша, сказал Мирча. — Мы подхватим его под руки и вытащим отсюда.

Я уже хотела согласиться, когда поняла, что нескольких минут у нас нет. В коридоре послышались шаги, и в каморку хлынули призраки. Я сразу поняла, кто это. Это были не простые призраки, у простых нет такого количества энергии. Впереди толпы шел призрак молоденькой женщины, которая держала в руке острый кинжал вроде тех, что были в моем браслете. На миг ее взгляд задержался на мне, и я похолодела, но затем она жадным взором уставилась на Раду. Кто-то из призраков толкнул ее в спину.

— Вон тот! В плаще! Убей его!

В первую секунду я растерялась. Ничего себе — стреляла наугад, а попала точно в цель! Я загородила собой Раду, но женщина просто прошла сквозь меня. Как-то не привыкла я, чтобы призраки проходили сквозь меня без разрешения. Я машинально вскинула руку, и тут мой браслет решил, что пора действовать. В следующую секунду женщина пронзительно вскрикнула, и на ее призрачном теле образовались две дырки. Конечно, крови не было, но

призраку явно было больно. Ну и дела — я поранила одного из тех, кого пришла спасать.

Тени мгновенно шарахнулись в сторону, пропустив вперед людей. Мои кинжалы вновь принялись за работу, но врагов было слишком много. Трое упали, остальные рванулись вперед. Первый схватил меня за плечо, но сработала магическая защита, и человек отлетел к стене, ударившись о камни. Я с удивлением воззрилась на него. Если я нахожусь в чужом теле, то почему срабатывает защита? К сожалению, маг не был в состоянии мне ответить, ибо без чувств валялся на земле.

В этот момент другой маг что-то крикнул, и вокруг меня заплясал огонь. Я отпрянула и только тогда сообразила, что пламя остановилось в футах от меня, не переходя границы пентаграммы, начертанной на полу. Чтобы противостоять заклятию, моей защите пришлось использовать огромное количество энергии, но я не чувствовала себя обессиленной. Не знаю, откуда питалась моя энергия, во всяком случае не от меня.

Сквозь огонь было видно, как рядом медленно поднимается огромная черная тень, пытаюсь подобраться ко мне сзади. Ждать помощи было неоткуда — Мирча был слабее двухлетнего младенца, слабее любого призрака. И тогда, оглянувшись на свою армию, я сказала:

— Он ваш.

Призраки ринулись вперед, как пчелиный рой, и тень исчезла из вида, издав пронзительный вопль. Для людей призраки неопасны, но когда призрак выступает против призрака, тогда шансы равны. Через несколько секунд армия призраков вновь стояла у меня за спиной, а черная тень исчезла, словно ее и не было.

— Они его съели, — пояснила я, обращаясь к высокой и тощей фигуре, что стояла за спиной магов в окружении призраков. Надо же, оказывается, Распутин не слишком храбр. Хитрый, но трусливый — Уходите, или я спущу их на вас.

— Они не могут нападать на людей, сивилла, — сказал он, словно прочитав мои мысли. На секунду передо мной мелькнуло бледное лицо и черные сальные волосы. Он не был красив, но его глаза притягивали, завораживали. — Даже ты не сможешь одолеть дюжину магов Черного круга. Отдай нам вампира. Ты нам не нужна.

Его низкий голос, в котором слышатся сильный акцент, действовал странно успокаивающе. Хоть он и был призраком, его энергия продолжала действовать: Распутин пытался повлиять на мой разум, и ему это мало-помалу удавалось. Внезапно я поняла, зачем он сюда пришел. Но мне, мне зачем умирать здесь, за сотни лет и тысячи километров от родных мест? Зачем отдавать свою жизнь за того, кого вижу впервые в жизни и кому было бы лучше умереть, чем столетиями влачить жалкое существование и терпеть адские муки? Наоборот, я поступила бы гуманно, позволив ему умереть. Ему... это Раду? Распутин его убьет, а я... Тут я с силой хлопнула себя по щеке. Черт! Ничего себе призрак — он меня почти одолел!

— Двенадцать магов, говоришь? — сказала я и взглянула на мага, лежавшего у стены. Его шея была согнута так, что было ясно: он уже не встанет. Трое других были заколоты моими кинжалами, которые сейчас висели у меня над головой. — Восемь, Распутин. А теперь спроси своих, кто из них хочет быть следующим.

Он и бровью не повал. Может быть, не хотел со мной ссориться, а может быть, ему было решительно наплевать на тех, кто готов был отдать за него жизнь. В следующее мгновение армия Распутина, превратившись в одно сверкающее облако, ринулась на меня, но едва призраки достигли границы моей защиты, как в бой пошел мой призрачный корпус.

— Осторожнее с женщиной! — успела крикнуть я, когда мимо прокатилась волна привидений всех форм и расцветок.

Взметнулись фонтаны зеленых и белых искр, когда духи Каркассона начали пожирать своих врагов, высасывая их до последней капли. Да, в ту ночь многим вампирам уже не суждено было подняться.

Пока в воздухе бушевали разноцветные сполохи, я склонилась над призрачной фигурой девушки; это была исчезнувшая сивилла. Она была бледна и напугана, но жива. На круглом личике, обрамленном слипшимися светлыми волосами, сияли серые глаза, которые неотрывно смотрели на меня.

— Ничего не бойся, — сказала я, что в данной ситуации звучало несколько нелепо. — Я не дам тебя в обиду. Нам нужно...

Я не успела договорить. Внезапно все призраки замерли, словно окаменели, и в подземелье наступила мертвая тишина. Испуганно оглянувшись, я приготовилась к отражению очередной атаки, как вдруг увидела, что юная сивилла сжимает в руке нож, который находится всего в миллиметре от моей груди. Я с удивлением взглянула на острие. Да она собиралась меня проткнуть! И, судя по наклону ножа, метила в самое сердце. Конечно, я находилась не в своем теле, но как-то неудобно возвращать тело законному владельцу с зияющей в нем дырой. К тому же что могло бы случиться со мной, если бы женщина, в чьем теле я находилась, погибла? Этого даже Билли не знает. Может быть, я и выжила бы, а может быть, и нет, но Раду и Луи Сезару уж точно бы помочь не смогла, и на моей совести осталась бы еще одна смерть.

— Вижу, ты получила мое послание, — внезапно раздался в подземелье чистый голос, похожий на звон серебряного колокольчика.

Я вскинула глаза и увидела тоненькую девушку небольшого роста, с длинными темными волосами, которые доходили ей почти до колен. Девушка скользнула мимо привидений, застывших на месте с разинутыми ртами. Никто не двинулся с места, все замерли.

Казалось, все вокруг превратилось в фотографию, где двигались только я и девушка.

— Какое послание? — спросила я, отодвигаясь от ножа в руке застывшего призрака.

— В твоём компьютере, — продолжала девушка. — В офисе. Умно придумано? — Она бросила взгляд на Луи Сезара, затем вновь повернулась ко мне, и на ее лице появилось капризное выражение. — Ну что? Неужели я не заслуживаю благодарности? Я ведь спасла тебе жизнь. Еще немного, и тебе в самом деле понадобился бы некролог. Если бы ты не сбежала из офиса, тебя бы схватили люди Распутина. А потом, когда ты улепетывала по улице, могла натолкнуться на боевиков Тони, которые собирались тебя застрелить. Это я прислала некролог, чтобы тебя предупредить.

— Кто вы? — спросила я, уже догадываясь, что она ответит.

Девушка улыбнулась, и на ее щеках заиграли ямочки, совсем как у Луи Сезара.

— Меня зовут Агнес, хотя никто меня больше так не называет. Наверное, все давно забыли мое имя.

— Вы Пифия.

— Она самая.

— Но... вы выглядите моложе меня. А говорили, что вы лежите на смертном одре, что вы совсем старая.

Она слегка пожала плечами. Тут я заметила, во что она одета, — на ней было длинное свободное платье, похожее на те, что шила для меня Эжени. Такой фасон носили в конце

девятнадцатого века.

— Боюсь, это и в самом деле так. Вполне возможно, что это маленькое путешествие меня доконает. У меня осталось мало энергии, а вернуться на четыреста лет назад — это очень трудно. — Не могу сказать, что при этом в голосе Пифии слышалась тоска или хотя бы грусть. — Постепенно и ты научишься управлять своим призраком, придавая ему ту внешность, какую захочешь. Лично я предпочитаю видеть себя такой, какой была в юности. Не люблю видеть себя сморщенной старухой. — Она показала свои скрюченные пальцы. — Да еще и артрит разыгрался.

Я молча таращилась на нее. Честно говоря, я ожидала увидеть нечто более величественное.

— А что вы здесь делаете?

— Решаю проблему, что же еще? — со смехом сказала Агнес. Она наклонилась, чтобы взглянуть в искаженное яростью лицо женщины, которая собиралась вонзить в меня кинжал. Она так и застыла с перекошенным злобой лицом, занеся руку. — Я потратила двадцать лет, чтобы ее обучить. По ней не скажешь. Двадцать лет, и вот, пожалуйста, результат. — Пифия покачала головой. — Я пришла, потому что все это произошло отчасти по моей вине. Я решила взять твою мать в ученицы. Я учила ее почти десять лет. Я любила ее, как дочь. А когда я узнала, что она связалась с твоим отцом, я категорически запретила ей с ним встречаться; я была уверена, что так будет лучше. Ради бога, говорила я, он вампир, к тому же еще и мафиозо! Ну разве он пара для такого прелестного создания?

— Я вас не понимаю.

— Я могла бы ее найти! — В ясных голубых глазах Агнес блеснули слезы. — Я твердила себе, что, если ей наплевать на свой дар, если она смогла легко все бросить, мне она не нужна. Я решила найти новую ученицу, начать все сначала, сделать из нее звезду... и не смогла. Мне оставалось только радоваться, что не я сделала Лиззи такой, а ее собственный характер.

Я не стала ее разыскивать, и вот чем все закончилось — вампирский босс убил твоего отца, а вместе с ним и Лиззи, чтобы заполучить тебя.

Пифия закрыла лицо руками и расплакалась.

Я молча стояла и слушала Или она думала, что я стану ее утешать? Нет, набрасываться на нее с кулаками я не стану, она и без того долго не протянет, но и бросаться в ее объятия я не собиралась. Скрестив на груди руки, я ждала, когда она выплечется.

— А ты не слишком жалостлива, — заметила через некоторое время Пифия, глядя на меня сквозь пальцы. Отняв руки от лица, она с любопытством взглянула на меня. Я пожала плечами; я выросла среди вампиров, так чего же она ожидала? Пифия вздохнула. — Ладно, я ошиблась. Прости. Что ж, давай поговорим о деле. Я уже не успею обучить тебя как следует, потому что у меня почти не осталось времени. Вместе с тем власть не должна перейти к Майре. Не знаю, по доброй ли воле она оказалась в этом подземелье или ее заколдовали; если первое, то она стала служить силам зла, если второе — значит, она слишком слаба. В любом случае я больше не считаю ее своей ученицей.

Я взглянула на длинный нож в руках сивиллы и на выражение ее глаз. Скорее всего, в подземелье она оказалась по своей воле. Если бы кто-то воздействовал на ее разум, в ее глазах не было бы столько ненависти. Кажется, я начинала постигать точку зрения Мирчи.

— О'кей, она злая девочка. Хотите забрать ее с собой и отчитать за непослушание? Да ради бога.

— Нет, это не входит в мои планы.

Мне хотелось поскорее закончить эту возню.

— А что входит в ваши планы? Говорите скорее, мне нужно доделывать свои дела.

Пифия воздела руки.

— О, конечно. Прости, что задерживаю тебя своей болтовней, но так полагается. Часть ритуала, так сказать.

У меня появилось дурное предчувствие.

— Какого ритуала?

Пифия серьезно взглянула на меня. От былой игривости не осталось и следа.

— Сила выбрала тебя. Теперь ты — Пифия. — Она поморщилась. — Мои поздравления и все такое прочее.

Я решила, что старушка, видимо, немного не в своем уме.

— Вы не можете вот так взять и сделать меня Пифией! А если я не хочу?

— А в чем проблема? — пожав плечами, спросила Агнес.

Я уставилась на нее. Какая неслыханная наглость!

— Забудьте об этом, леди. Ищите себе другую прорицательницу.

Пифия подбоченилась.

— Чем больше я с тобой говорю, тем больше убеждаюсь, что ты станешь либо лучшей из нас, либо худшей. Будь у меня выбор, можешь мне поверить, я бы что-нибудь придумала. Но у меня нет выбора. Сила хочет перейти к тебе. Послушай моего совета и не усложняй ситуацию. Чем больше ты будешь сопротивляться, тем больше у тебя будет неприятностей.

— Ага, как бы не так. — Слава богу, я быстро соображаю. — Ваша сила не может перейти к девственнице, а я по большому счету чиста и невинна.

На секунду Пифия потеряла дар речи, затем покатила со смеху. Наконец, утерев слезы и отдышавшись, она проговорила:

— Кто это тебе сказал? Неужели маги? Ответь!

— Постойте. Так считают вампиры. Так все считают.

Агнес покачала головой, пытаясь сдержать смех, но не выдержала и прыснула.

— Господи, до чего ты наивна. Как ты думаешь, кто им это сказал? Однажды одной Пифии, жившей в Дельфах в древние времена, смертельно надоела жизнь «чистой и невинной» жрицы, как ты выражаешься. Так вот, она сказала жрецам, что ей было видение. Сила, по ее словам, должна переходить к опытной, искушенной в любви женщине. Жрецы проглотили эту наживку, а наша жрица завела себе любовника. На самом же деле это не имеет никакого значения. Во всяком случае, в вопросах перехода силы.

— То есть как это?

Пифия снова рассмеялась и сделала несколько пируэтов по комнате, скользя мимо застывших фигур магов. Они слегка вздрогнули, но не двинулись с места.

— Я хочу сказать, что мы должны завершить ритуал как можно скорее, если ты хочешь сама руководить своим даром, а не наоборот. — Она усмехнулась. — Если это случится, я уже не смогу тебе помочь. — Заметив упрямое выражение моего лица, она остановилась. По легким морщинкам, появившимся у нее на лбу, я поняла, что она не привыкла отвечать на вопросы. — Ладно, поступай как хочешь, но если ритуал останется незавершенным, ты не только не сможешь распоряжаться своим даром — маги станут считать тебя всего лишь наследницей. Учти: Пифию сместить нельзя, а наследницу — можно. Пока не закончен ритуал, твое положение остается весьма шатким. — Она окинула меня взглядом. — Не

думала я, что мне придется тебя уговаривать.

Мне было ужасно не по себе, особенно когда я увидела, что она начала танцевать.

— Послушайте, сколько раз вам повторять? Мне не нужна эта работа, большое спасибо.

— Отлично. Теперь я вижу, что ты и в самом деле разумная девочка. — Она остановилась так внезапно, что ее платье взметнулось вверх. — Если хочешь знать, я тоже не хотела становиться Пифией. Я единственная из всех сивилл, которая пожалела о том, что ее выбрали. Быть Пифией — большая честь, но и большая нагрузка. Кроме того, ты должна постоянно иметь дело с Серебряным кругом, а это не так приятно, как ты думаешь. — Внезапно она помрачнела. — Прости меня, Кэсси. Не было еще ни одной сивиллы, которая стала бы Пифией без тщательной подготовки. Но мне кажется, что ты, с твоими способностями, установишь новые правила. Скажи, тебе известно, что сейчас, когда ты разговариваешь со мной, ты в то же время находишься в другом месте? Сейчас твой дух тащит по улицам спасенную девушку, а ты находишься здесь. Я такого не умею. Мало того, ты за несколько дней освоила то, на что у других учениц уходят годы. Например, сумела привести с собой еще одного призрака. Невероятно!

Мне захотелось завизжать.

— Почему вы меня не слушаете? Я не Пифия!

Агнес подошла ко мне и поцеловала в щеку.

— Теперь ты Пифия, — сказала она и исчезла.

В ту же секунду я получила такой удар, словно на меня налетел грузовик. Описать испытанные мною чувства словами невозможно. Что-то подобное я ощутила, когда вошла в тело Томаса, только на этот раз чувства были гораздо острее. Я не ощущала запахов и не видела ничего, кроме других миров, которые наслаивались один на другой, смешиваясь с моим миром; такое со мной бывает, когда я разговариваю с призраками. Вот и сейчас все закружилось и завертелось, и я не заметила, что время пошло вспять, пока что-то больно не ударило меня по ноге.

Глянув вниз, я поняла, что эта чертовка сивилла все-таки меня достала, но не так, как надеялась. Мне было ужасно больно, по моему башмачку начало расплываться кровавое пятно, окрашивая его в темно-красный цвет. Я вскинула глаза на армию призраков.

— Ах, вот ты как? Ладно. Ешьте ее!

От сверкающего облака отделилось несколько призраков, но их опередил Распутин. Подскочив к сивилле, он схватил ее за талию и мгновенно исчез вместе с ней и несколькими приближенными-вампирами. Увидев, что их предводитель скрылся, маги немедленно последовали за ним. Мои ножички бросились их преследовать и гнали до самой двери, а потом вверх по лестнице. Пусть их. Несколькими черными магами станет меньше; я слишком устала, чтобы думать о таких вещах.

Я села и сняла туфлю. Вот черт! Эта паршивка чуть не отрезала мне палец. Мирче протянул мне носовой платок, и я крепко забинтовала рану. Ничего, Франсуаза это переживет, лишь бы не было инфекции. Впрочем, в условиях подземелья это сомнительно.

Я подняла глаза. Армия призраков качалась под потолком; духи чего-то ждали. Что ж, отговаривать их я не стану. Энергии, которую они получили от вампиров Распутина, им хватит надолго, но кому захочется пребывать в этом страшном месте? Я дала обещание и обязана его сдержать, но с одним условием.

— Учтите: не трогать жителей города и невинные души, — сказала я, и призраки разом кивнули. — Ладно, все остальные — ваши.

И тут же в воздух взвился вихрь, словно в подполье ворвался смерч. На мгновение в комнате стало темно, его яростный вой был похож на грохот грузового поезда. А в следующую секунду все призраки исчезли. Я не стала смотреть, куда они делись; я предпочла этого не видеть.

Когда грохот стих и камера опустела, я увидела Мирчу, настороженно наблюдавшего за мной. Я вздохнула. Как я старалась избежать этого разговора! Лучше еще раз встретиться с Распутиным. Но выхода у меня не было.

— Кажется, у нас получилось, — сказала я. — Ты все объяснил Раду?

Мирча кивнул.

— Да. Он согласился не трогать Луи Сезара. Раду будет спасен, но в течение века он ни с кем не станет общаться до того момента, когда я вытащу его из Бастилии. И даже после этого он будет сидеть тише воды ниже травы. Тебе этого достаточно?

Я на минуту задумалась. Не слишком удачный вариант, но это все же лучше, чем провести в заточении более трех веков. К тому же я почему-то сомневалась, что Мирча сделает все именно так, как сказал.

— Вполне, если только Раду не наплодит новых вампиров. Этим уже занимается Распутин, так что хватит с нас одной проблемы. Да, и расскажи Раду о Франсуазе. У меня такое чувство, что кто-то из магов попытается восстановить сегодняшние потери.

Однако Мирча был настолько слаб, что даже не спросил, что я имею в виду.

— Как хочешь, — сказал он.

— Как у тебя со зрением? — обведя камеру рукой, спросила я.

— Вижу кое-что; у меня такое впечатление, что мы победили.

— Не совсем. — И я вкратце обрисовала ему ситуацию. Услышав об Агнес и ее смерти, он сказал: — Нужно сообщить Сенату, что Распутин скрылся, забрав с собой сивиллу. Не знаю, сохранит ли она свою силу; очень может быть, что сохранит.

Учитывая, что Майра скрылась сразу после моего разговора с Пифией, я была с ним согласна. Возможно, энергия со временем ослабеет, но кто знает? И значит, у меня появится главная проблема. Когда Майра оправится после удара моего ножа, она попытается сделать со мной то, что пыталась сделать с Луи Сезаром. Возможностей у нее предостаточно, включая убийство младенца или нападение на моих родителей задолго до моего появления на свет. Единственным моим преимуществом было то, что большую часть жизни я провела в доме Тони, больше похожем на крепость, я бы даже сказала, в таком вампирском Форт-Ноксе; остальное время я находилась в бегах. Так что легкой добычей я не стану. Однако что-то подсказывало мне, что Распутину нравится борьба.

Мирча погрузился в молчание. Наконец он устало произнес:

— Сама все расскажешь.

Я улыбнулась.

— Ну уж нет.

Мирча хотел что-то сказать, но я прижала палец к его губам. В одном я была уверена.

— Я не вернусь туда, Мирча. Мне и раньше было несладко, а теперь за меня будут сражаться все — и Сенат, и оба круга, и Томас... нет. Ну что у меня будет за жизнь?

Он взял мою руку и принялся целовать мне пальцы. Мирча выглядел очень усталым, но его глаза оставались прекрасны, как всегда. От голубых глаз Луи Сезара не осталось и следа, я вновь видела темно-янтарные глаза Мирчи. Почему-то подумалось, что никогда больше мне не увидать таких удивительных, печальных глаз.

— Ты не сможешь скрываться вечно, Кэсси.

— Раньше могла. И теперь смогу.

— Тебя все равно нашли.

Он крепко сжал мою руку, и я не отняла своей руки. Кто знает, когда мне вновь доведется почувствовать прикосновение любимого существа?

— Только ты и Марлоу, — тихо сказала я. — Передай ему, чтобы взял отпуск. Ему нужно отдохнуть. Да и тебе тоже.

Мирча покачал головой. Я знала, что он не станет мне лгать, особенно сейчас. Мирча — та еще штучка, даже для вампира. Я провела рукой по его волосам; мне так хотелось, чтобы это были темные кудри Мирчи, а не ярко-рыжие локоны француза! Трудно было поверить, что я больше никогда не прикоснусь к Мирче, никогда не буду лежать в его объятиях. Слишком высока цена. Слишком сильны узы.

— Я найду тебя, Кэсси. Я буду молиться, чтобы я нашел тебя раньше, чем круги. Они будут охотиться за тобой, можешь мне поверить. Не следует их недооценивать.

— Я все поняла, — сказала я и хотела встать, но Мирча удержал мою руку.

— Кэсси, останься! Я сумею тебя защитить, клянусь!

И тогда я задала ему тот же вопрос, что когда-то задавала Томасу.

— Скажи, я была бы тебе нужна, если бы не была Пифией?

Мирча поднес мою руку к своим холодным губам.

— Я начинаю думать, что предпочел бы это.

Я оглянулась на безжизненное тело мага, на покрытые слизью стены страшной темницы и сжала руку Мирчи.

— Знаю, — сказала я и исчезла.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Шутливое название города Филадельфия. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Джордж Армстронг Кастер (1839–1876) — герой Гражданской войны в США, погибший во время битвы с индейцами.

Милочка (*ит.*).

К вашим услугам, мадемуазель (*фр.*).

Дорогая госпожа *(фр.)*.

Садитесь (*фр.*).

Тысяча извинений, мадемуазель (*фр.*).

О, хорошо. Сущие пустяки (*фр.*).

Мсье Ле Тур (*фр.*).

Мифологическое создание, разновидность эльфов.

Бакси Сигель — известный в 30-40-х годах XX века американский гангстер.

Анекдот построен на игре слов: в английском языке слово *spirit* означает и дух, и крепкий алкоголь.

Ничего (*исп.*).

Дьявола (фр.).

Лайнбекер и квотербек — игроки в американском футболе.

Бела Лугоши (1882–1956) — американский актер венгерского происхождения, исполнитель роли Дракулы.

ГОВНЮК *(um.)*.

Все в задницу! (*ит.*)

Бастард, незаконнорожденный (*исп.*).